Н. КИСЕЛЕВЪ

СКРЕЩЕННЫЕ МЕЧИ

РАЗСКАЗЫ

ПЕТРОГРАДЪ

Н. КИСЕЛЕВЪ

СКРЕЩЕННЫЕ МЕЧИ

РАЗСКАЗЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Обложка работы И. И. Мозалевскаго.

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ.

Послѣ цѣлаго дня утомительнаго, душу выматывающаго ползанія по грязи захолустныхъ проселковъ подъ непрерывнымъ мелкимъ дождемъ, офицеры почувствовали большую отраду, когда солдатъ поставили, наконецъ, на привалъ подъ палатки, а большая часть офицерства стала собираться въ палатку бригаднаго.

Настала уже черная, туманная ночь, ни одной звѣзды не было видно на небѣ, журчали невидимые ручьи съ какихъ-то пригорковъ, и сырость съ вѣтромъ пронизывали до костей. Изъ палатки же бригаднаго тянулись въ темноту сквозь щели полоски яркаго свѣта, слышался негромкій, но дружный говоръ, и офицеры, грязные и мокрые, какъ были съ перехода, торопливо входили туда то и дѣло одинъ за другимъ. Въ самой палаткѣ было свѣтло, тихо и уютно. На столѣ и на деревянныхъ чурбанахъ, служившихъ также и стульями, горѣли свѣчи въ подсвѣчникахъ и просто приклеенныя на накапанное стеариномъ мѣсто. На столѣ шумѣлъ самоваръ и, когда офицерство, глотая съ наслажденіемъ горячій

чай, замолкало, гудѣніе самовара входило въ каждую усталую, сонную голову, словно далекая, тихая и чудесная музыка, въ которой ясно можно было различить и тонкія скрипки, и чистое, трепетное пѣніе флейты. Бригадный, невысокій, коренастый и съ простымъ, спокойнымъ лицомъ, самъ радушно наливалъ офицерамъ по стаканамъ чай, насасывая янтарно вспыхивавшую трубочку съ золотымъ ободкомъ и золотымъ колечкомъ.

— У нашего солдата—говорилъ штабсъ-капитанъ Кокоревъ—есть одна удивительнѣйшая способность. Это—способность совсѣмъ по домашнему устраиваться въ чужихъ земляхъ. Гдѣ ни сядетъ онъ со своими палатками, хоть среди австралійскихъ банановъ, магнолій и финиковыхъ пальмъ, такъ и запахнетъ тутъ и сохой, и бороной, и лопатой, и самымъ недубленымъ полушубкомъ, и щами, и кашей, и всякимъ русскимъ самороднымъ харчемъ. И сейчасъ это какой-нибудь нѣмецкій Пиллау у него сдѣлается по просту Пилявой, Данцигъ—Жданскомъ, Лейпцигъ—Липскомъ, и пошла писать губернія на обѣ руки. Поѣздите нарочно по нашимъ русскимъ границамъ, чего-чего тутъ вы только ни встрѣтите. Соррау—просто на просто будетъ Жарово, Оппельнъ—Ополье, Кемницъ—Каменецъ, а ужъ Тильзитъ такъ и не выговоришь, какая-то Тылжа. Богъ вѣсть, что такое; надо думать, самое что ни на есть корельское. Но долженъ вамъ замѣтить, есть у нашего солдата и одно крупнѣйшее непріятное свойство. Это тугость соображенія, неумѣніе различить, гдѣ скрывается военная хитрость. Онъ довѣрчивъ и прямодушенъ, и думаетъ, что и другіе не ходятъ окольными путями.

— То есть, какъ же неумѣніе различить?—съ жаромъ спросилъ изъ-за лѣваго плеча штабсъ-капитана молоденькій подпоручикъ Полинъ, только что выпущенный изъ корпуса, и, спросивши, тутъ же покраснѣлъ.

— Да такъ—отозвался штабсъ-капитанъ, поворачиваясь къ подпоручику прямымъ и широкоплечимъ корпусомъ своимъ.—Вотъ, изволите видѣть, въ одну кампанію, помню, ходилъ я добровольцемъ съ нашими же охотниками. Расположились мы вотъ такимъ же точно образомъ на привалъ, только что дѣло было днемъ, да вмѣсто слякоти и мокрой травы подъ нами жарило солнце, и кукуруза стояла въ ростъ человѣка. Хорошо-съ. Смотрю, летитъ прямо на насъ аэропланъ и дружескій флагъ выкинутъ на немъ. Только въ саженяхъ десяти отъ переднихъ палатокъ вдругъ зажужжало на землѣ, пыль воронкой кверху, и разъ!—бомба лопнула. Я машу фуражкой, кричу, что есть силы: «развѣ можно такъ неосторожно бомбы ронять? своихъ перебьете?» А въ это времи сзади палатокъ, опять близко, вторая бомба грохнула. Ну, я тутъ же смекнулъ, въ чемъ тутъ собака, и наши стрѣлки въ мигъ ссадили летчика. Конечно, оказался непріятельскій. Ну, вотъ вамъ, извольте видѣть, догадался ли нашъ солдатъ, что это не свой?

— Разумѣется, капитанъ,—возразилъ все такъ же горячо, и оттого еще больше краснѣя, подпоручикъ.— Если вы сразу ни о чемъ не догадались, то солдату и того труднѣе. Но вы взяли исключительный случай. А въ большинствѣ случаевъ всѣ военныя хитрости чрезвычайно примитивны.

— Примитивны. Такъ. Не спорю—отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.—Но примитивность-то и покрываетъ ихъ.

Вы и не подозрѣваете, что это хитрость. «Ужъ очень грубо, думаете, не можетъ быть. Нѣтъ, это не хитрость». Вотъ, вѣдь, что вы думаете. Положимъ, къ вамъ это можетъ и не относиться, но къ нашему солдату—да.

Въ это время металлическая спичечница, которую штабсъ-капитанъ, разговаривая, вертѣлъ межъ пальцами, выпала у него изъ рукъ и звякнула глухо подъ столомъ на травѣ. Подпоручикъ быстро нагнулся поднять ее, а штабсъ-капитанъ, совѣстясь его услуги, также быстро нагнулся вслѣдъ за нимъ, и они больно стукнулись головами. Подпоручикъ весь вспыхнулъ отъ этого незадачливаго случая. Когда оба выпрямились, лицо штабсъ-капитана тоже было красно, и онъ даже запыхался.

— А мнѣ кажется, я бы узналъ всякую военную хитрость. Мнѣ думается, я и теперь знаю ихъ всѣ наперечетъ—хотѣлъ было поддержать прежній разговоръ подпоручикъ.

Но штабсъ-капитанъ, оттого ли, что онъ былъ раздосадованъ неловкимъ случаемъ, или ему просто надоѣла эта тема, ничего не возразилъ. Онъ только промычалъ недовольно:

— А, м-можетъ быть,—и сейчасъ же обратился съ какимъ-то замѣчаніемъ къ другой группѣ офицеровъ, разговаривавшихъ о томъ, что портной Майзель шьетъ недорого и хорошо.

Дождикъ на улицѣ, должно быть, затихъ—не было слышно щелканія его о парусину палатки. Но вѣтеръ все такъ же удало гулялъ въ пустой темнотѣ ночи, отворачивая временами пазы палатки и колебля пламя свѣчей. Офицерство уже допивало чай

и благодарило бригаднаго за радушіе. Всѣ собирались скоро расходиться, чтобы почиститься, совсѣмъ высохнуть и поспать, если удастся.

Въ это время полы палатки у входа распахнулись, въ палатку всунулся грязный солдатскій сапогъ, и, сгорбившись, вошелъ высоченный фельдфебель Дорошенко, изъ стрѣлковой части. Онъ весь промокъ до нитки, и съ усовъ его капала вода. Онъ взялъ подъ козырекъ бригадному.

— Что тебѣ?—спросилъ бригадный.

— Дозвольте доложить, ваше пр—во,—съ нѣкоторымъ волненіемъ сказалъ онъ.—«Онъ», подошелъ, не слыхамши, къ станціи и теперь сидитъ на вокзалѣ.

Бригадный подумалъ и равнодушно пыхнулъ трубочкой.

— Видѣлъ изъ васъ кого?

— Никакъ нѣтъ.

— Много его?

— Не такъ, чтобы дюже, одначе масса, ваше пр—во.

— Хорошо, иди.

Когда фельдфебель вышелъ, бригадный все съ тѣмъ же простымъ, спокойнымъ лицомъ, но уже, видимо, что-то про себя зная, совсѣмъ равнодушнымъ голосомъ сталъ отдавать офицерамъ распоряженія.

— Штабсъ-капитанъ Кокоревъ, вы изволите взять двѣ роты и занять безъ шума желѣзнодорожное депо. Подпоручикъ Полинъ, со вторымъ и третьимъ взводомъ вашей роты сядете за складомъ дровъ, который вы найдете по лѣвую сторону станціи. Поручикъ Вышеградскій изволитъ поставить подъ ружье свою

роту здѣсь же на полѣ. Штабсъ-капитану Кокореву команда на изготовку и послѣ перваго сигнальнаго выстрѣла изъ револьвера—залпъ. Подпоручику Полину послѣ второго.

Когда подпоручикъ, построивши свои два взвода, повелъ солдатъ, дождя не было, но тьма кругомъ и грязь были все такія же, развѣ только, что слякоть стала еще жиже.

Дулъ сильный вѣтеръ, разгоняя туманъ, и въ отдаленіи совсѣмъ ясно видны были яркіе огни станціи. Она вся была освѣщена внутри, какъ передъ приходомъ курьерскаго поѣзда, но никакого движенія не видно было тамъ, словно всѣ огни загорѣлись сами собой.

Солдатамъ было отдано приказаніе итти, какъ можно тише, и самъ подпоручикъ старательно ощупывалъ ногами, гдѣ можно вести ихъ по травѣ.

Онъ очень волновался. Ему казалозь теперь, что онъ самый неопытный, самый несообразительный и неспособный изо всѣхъ офицеровъ, а дѣло, на него возложенное, огромной важности и отвѣтственности. Ему казалось, что онъ даже ни за что не найдетъ въ этой тьмѣ кромѣшной того склада дровъ, который уже какимъ-то чудомъ былъ извѣстенъ бригадному. Онъ вспомнилъ, съ какимъ наслажденіемъ еще за долго до этого мечталъ онъ, какъ его назначатъ на самостоятельное, отвѣтственное дѣло и какимъ скромнымъ, но находчивымъ и безстрашнымъ молодцомъ покажетъ онъ себя. Онъ вспомнилъ это и позавидовалъ теперь, что онъ ни у кого не въ подчиненіи, хотя бы даже вотъ у этого усатаго унтера, который всей душой занятъ сейчасъ только тѣмъ, чтобы какъ

можно плавнѣе вытащить ногу изъ грязи и не произвести шлепанія.

И когда подпоручикъ увидѣлъ неожиданно почти около самаго плеча своего первую полѣнницу дровъ, онъ обрадовался ей несказанно. Ему даже показалось, что онъ выполнилъ уже самую важную часть общаго громаднаго плана.

Едва солдаты размѣстились за дровами, приладивъ винтовки къ выступамъ, и едва самъ подпоручикъ, вспомнивъ статью воинскаго устава, который онъ такъ недавно проходилъ, сталъ на мѣсто, самое удобное для наблюденія за своими солдатами, какъ уже во мракѣ съ правой стороны сверкнулъ короткій, красный язычекъ, и первый револьверный выстрѣлъ глухо тяпнулъ въ туманѣ. И въ этотъ самый мигъ подпоручикъ впервые взглянулъ, что находится передъ его глазами. Передъ нимъ были большія и широкія окна вокзала, освѣщенныя всѣми лампами, какія были на станціи. Свѣтъ былъ такъ ярокъ, что даже похоже было, словно пройдетъ немного времени и войдутъ сюда дѣвушки въ трогательныхъ бѣлыхъ платьяхъ, изящные молодые люди, грянетъ музыка, и начнется блестящій балъ. Но то, что увидалъ подпоручикъ за свѣтлыми стеклами, было столь неожиданно, что онъ даже не повѣрилъ сначала своимъ глазамъ. Тамъ мирно сидѣли за столами въ мягкихъ креслахъ наши же солдаты, кто свѣсивъ усталую голову на столъ, кто сладко похрапывая на плюшевыхъ диванахъ. На богатой серединной люстрѣ были развѣшаны портянки и носки для просушки, и отъ нихъ столбомъ валилъ сѣрый паръ. Винтовки кучей лежали на буфетѣ.

Но все это видѣлъ подпоручикъ лишь одну секунду. Едва онъ успѣлъ взглянуть, какъ уже у желѣзнодорожнаго депо сверкнула изъ-за тумана цѣлая полоса густого дымнаго огня, и тяжкій залпъ ударилъ по всѣмъ яснымъ окнамъ станціи. Все кошмарно смѣшалось въ головѣ подпоручика — и дребезгъ сокрушаемыхъ стеколъ, и огромный, зловѣще багровый свѣтъ разбивающихся лампъ, и крики и стоны раненыхъ. Не помня себя, онъ бросился, утопая въ грязи, къ желѣзнодорожному депо. Сейчасъ же, сію же минуту, ему надо было видѣть штабсъ-капитана, сказать о неслыханномъ злодѣяніи, по ошибкѣ совершающемся подъ мрачной темнотой этой проклятой ночи, остановить его, если еще не поздно. Онъ не помнилъ, какъ онъ бѣжалъ къ депо, не помнилъ, какъ падалъ въ лужи, не помнилъ, какъ искалъ штабсъ-капитана. Онъ ничего не помнилъ, кромѣ ружейныхъ залповъ, гремѣвшихъ отовсюду безъ перерыва. Онъ очнулся, когда вмѣсто штабсъ-капитана наткнулся у депо на самого бригаднаго. Но въ какихъ словахъ докладывалъ онъ ему о томъ, что онъ увидѣлъ, онъ также не отдавалъ себѣ отчета. Онъ помнилъ только, что лицо бригаднаго, когда онъ выслушалъ, вдругъ стало гнѣвнымъ, и онъ закричалъ не своимъ простымъ, а какимъ-то совсѣмъ чужимъ, страннымъ голосомъ:

— Г. подпоручикъ, гдѣ ваше мѣсто? Извольте отправиться къ вашимъ солдатамъ! Я васъ подъ судъ отдамъ!

И, обернувшись назадъ, лицомъ къ солдатамъ, онъ вдругъ широко взмахнулъ кверху руками, и крикнулъ:

— Ура! — и задомъ побѣжалъ передъ строемъ по мокрой травѣ.

Двѣ сотни глотокъ вразбивъ и оглушительно закричали, и темная людская масса побѣжала мимо подпоручика во тьму. Не зная, куда дѣвать себя теперь, подпоручикъ побрелъ къ станціи.

Но она была теперь темна и тиха, и онъ чуть не весь остатокъ ночи пробродилъ по мокрымъ полямъ, пока, наконецъ, на нее наткнулся. Гулъ, топотъ и крики слышались отсюда гдѣ-то далеко, на полѣ. Подпоручикъ сѣлъ на станціи на какой-то ящикъ и, склонившись головой на руки, закрылъ глаза и погрузился въ то странное, тупое полузабытье, какое находитъ на человѣка послѣ долгаго и большого душевнаго напряженія. Фуражка у него сползла съ головы и упала, и онъ слышалъ это, но не нагнулся, чтобы поднять ее.

Долго ли просидѣлъ онъ такъ, онъ не зналъ, но почувствовалъ, что кто-то осторожно положилъ ему фуражку на колѣни и нѣсколько разъ позвалъ его Съ большою неохотою онъ открылъ глаза, передъ нимъ стоялъ Дорошенко.

— Ваше бл—діе, — говорилъ онъ. — Васъ просятъ къ себѣ его пр—во.

Занималось сумрачное, ненастное утро. Бѣлесые туманы клочьями тянулись надъ сизыми полями, холодная изморось покрывала деревья и кустарники, и въ воздухѣ стояла сплошная тоскливая муть. Открывши глаза, подпоручикъ прежде чѣмъ увидѣть фельдфебеля, снова наткнулся взглядомъ на людей, все въ той же нашей солдатской формѣ. Теперь на желтыхъ погонахъ ихъ даже ясно можно было раз-

личить цифру 5—пятаго пѣхотнаго полка. Но люди эти теперь не дремали мирно за столами, а валялись неподвижно, какъ попало, на платформѣ съ синими деревянными лицами, мѣстами окровавленными. И снова подпоручикъ внутренно содрогнулся.

— Такъ вотъ какой балъ былъ — подумалъ онъ съ горечью — Ахъ, какой ужасный балъ!

— Что мы надѣлали, Дорошенко? — горько сказалъ онъ фельдфебелю, слабо поднимаясь, чтобы итти къ бригадному.

— Такъ точно, ваше бл—діе! — радостно отвѣтилъ Дорошенко. — Здорово ихъ высвистнули. А у насъ ни одного порченаго!

— Что ты говоришь, Дорошенко? — съ недоумѣніемъ воскликнулъ подпоручикъ. — Да вѣдь это же наши!

— Никакъ нѣтъ, вашбродь. Переодѣтые. Это у ихъ зовется воинская хитрость, вашбродь.

— Какъ воинская хитрость?! — воскликнулъ подпоручикъ, совсѣмъ теряясь и путаясь мыслями. — Да вѣдь они такъ сидѣли тамъ... тихо, мирно. Всѣ огни зажгли... ничего и не думали.

— Хитрые, стервы, — ухмыляясь, отвѣтилъ фельдфебель — огни зажгли, чтобы никто не учуялъ. Какъ еще чай пить не стали!

Онъ вынулъ изъ-за рубахи пачку какой-то исписанной бумаги и подалъ ее подпоручику.

— Это, вашебродіе, я у нихъ изъ-за пазуховъ навытягивалъ. Можетъ, важное. Извольте взглянуть.

Подпоручикъ бѣгло перелисталъ бумагу — это были обыкновенныя солдатскія письма на родину, написанныя на иностранномъ языкѣ, съ иностранными адре-

сами. И все это было такъ непостижимо, такъ неимовѣрно.

— Но какъ же, какъ же все-таки! — все еще не вѣря ни себѣ, ни фельдфебелю, хотѣлъ было спросить еще что-то подпоручикъ, но такъ и не спросилъ.

Въ душѣ его вдругъ поднялась такая необузданная радость, что стало вдругъ совсѣмъ не до словъ. Онъ сильно заторопился итти къ бригадному, словно тамъ вмѣсто суроваго выговора, ждало его какое-то счастье. Онъ такъ торопился, что фельдфебель насилу успѣвалъ за нимъ. Около палатки бригаднаго подпоручикъ съ восхищеніемъ вдругъ обернулся къ фельдфебелю.

— Но скажи, пожалуйста, — спросилъ онъ. — Кто же это первый у васъ замѣтилъ, что это непріятель?

— Не можно знать, вашбродь, — скромно отвѣтилъ солдатъ. — Мы, вашбродь...

— Но какъ же это вы догадались?

Фельдфебель широко улыбнулся.

— По усамъ, вашбродь, — отвѣтилъ онъ. — Усы у ихъ не русскіе, не задумчивые. У насъ книзу, а у ихъ колечками кверху все будутъ, вашбродь.

— Усы! — поразился подпоручикъ и захохоталъ отъ души.

Съ этимъ смѣхомъ такъ и шагнулъ онъ въ палатку изумленнаго бригаднаго.

БРАТА НАШЛИ.

Получивши приказаніе прослѣдить, далеко ли отошелъ непріятель, прапорщикъ взялъ отдѣленіе и поползъ глухимъ кустарникомъ, мѣстами переходившимъ въ настоящій лѣсъ. Вызвавшись охотникомъ ползти впередъ, рядовой Горлица пріостановился и шепнулъ прапорщику:

— Я, вашеблародь, буду лягушкой квакать, гдѣ будетъ опасно. Вы извольте тогда не ходить впередъ.

Прапорщикъ молча кивнулъ головой. Пока кустарникъ былъ низокъ, ползли на колѣнкахъ. День стоялъ сѣрый, пасмурный, недавно шелъ дождь, густо окропившій высокую траву, и колѣнки вмигъ промокли. Когда же кустарникъ сталъ высокъ, лучше нисколько не сдѣлалось. Мѣсто начало все больше понижаться, захлюпала подъ ногами вода, и теперь промокли подошвы. Видно было, что лѣсокъ здѣсь выросъ на болотѣ. Со всѣхъ сторонъ, радуясь сумрачному дню и изобилію влаги, заквакали лягушки. Прапорщикъ вздрогнулъ и чутко прислушался. Но это были только настоящіе лягушечьи голоса, всѣ похожіе другъ на друга. Прапорщикъ успокоился,

пошелъ дальше и вдругъ наткнулся на Горлицу, лежавшаго на животѣ, квакавшаго и что-то высматривавщаго. Почуявъ за собой человѣка, Горлица быстро обернулся и, увидя прапорщика, укоризненно покачалъ головой.

— Вѣдь я же вамъ говорилъ, вашбродь—прошипѣлъ онъ.

— А песъ тебя отличитъ!—сказалъ съ досадой прапорщикъ, присаживаясь за кустъ къ Горлицѣ и махая солдатамъ, чтобы присѣли.—Что тутъ у тебя?

— Да самъ еще не пойму. Засада что ль!

Сквозь кусты невдалекѣ виднѣлась крестьянская телѣга, и лошадь спокойно пощипывала траву.

— Вы полежите, а я проползу туда—прошепталъ Горлица.—Ежели не опасно, такъ квакну.

— Нѣтъ, ужъ ты по другому какъ.

— Ну, пѣтушкомъ.

Горлица уползъ, и скоро заливистый пѣтушиный крикъ отдался по лѣску.

Среди кустовъ стояла лошадь съ возомъ дровъ, но сколько кругомъ ни шарилъ Горлица, никого не было. Видно, лошадь была брошена хозяиномъ и, довольная этимъ, лѣниво жевала траву, быть можетъ, уже не первый день такъ. Лошадь завели поглуше и пока оставили, и прапорщикъ вслѣдъ за Горлицей вышелъ, наконецъ, на просторное ровное поле, гдѣ песчаное, гдѣ глинистое, гдѣ грязно-сѣрое, истоптанное и изрытое снарядами и солдатами. Черезъ него-то, сразу видно было, и отступалъ непріятель, задерживаясь временами. Все оно было засыпано непріятельскими шинелями, мѣховыми ранцами, погонами, мѣдными котелками, перчатками, письмами, штиблетами

и всѣмъ тѣмъ хламомъ, какой оставляетъ за собой поспѣшно отходящая армія. По одному краю поля протягивалась въ отдаленіи желтая насыпь желѣзной дороги.

Вдоль этого полотна и отправился прапорщикъ, скрываясь съ людьми за насыпью. Пока полотно шло полемъ, оно все было изрыто и разрушено намѣренно въ правильномъ шахматномъ порядкѣ уходящимъ врагомъ—по правую и по лѣвую сторону его черезъ каждыя десять саженей зіяли огромныя бреши, надъ которыми свисали исковерканные рельсы и разбитыя шпалы. Отъ боковъ насыпи на поле вновь и вновь тянулись все тѣ же нескончаемые окопы, блестя свѣжей, сырой глиной, гладко приляпанные сверху лопатками.

Когда же полотно за полемъ снова вступило въ кустарникъ, оно стало опять совершенно цѣлымъ или мѣстами наново тщательно исправленнымъ. Видно было, что здѣсь оно еще оставалось во вражескихъ рукахъ. На этомъ мѣстѣ прапорщикъ остановился, чтобы отчасти дать отдохнуть людямъ, отчасти изъ предосторожности.

Кое-кто прилегъ на землю, закуривая табачокъ, кое-кто, неугомонный, разбрелся по кустарнику. А двое солдатъ волокли уже черезъ полотно къ прапорщику неразорвавшуюся непріятельскую «кулебяку», величиною съ хорошее ведро.

— Что вы дѣлаете?—испугался за нихъ прапорщикъ.—Бросьте сейчасъ же!

— Для вашего бл-дія—опѣшили солдаты. — Ужъ оченно здорова, извольте полюбопытствовать.

— Да вѣдь она взорваться можетъ!

— Никакъ нѣтъ, вашбродь!—радостно вскрикнули солдаты.—Мы ее о рельцы колотили! Плотная!

Солдаты не могли не знать, что снаряду ничего не стоитъ разорваться, если его колотить. Но что значитъ на войнѣ удовлетворить даже простое любопытство цѣною жизни? Эта мысль сильно поразила прапорщика, но тутъ вниманіе его отвлеклось инымъ. Вдали надъ кустарникомъ задымило что-то чернымъ дымкомъ и донеслось сюда пыхтѣнье и свистъ работающаго пара. Прапорщикъ сейчасъ же собралъ своихъ ребятъ и стороной безшумно двинулся къ тому мѣсту.

Навстрѣчу имъ, тяжело работая, медленно поднимался на пригорокъ иностранный паровозъ съ шестью товарными вагонами. Онъ былъ еще далеко, но прапорщикъ уже тщательно укрылъ людей и самъ ко всему приготовился, не сводя съ него глазъ.

Между тѣмъ машинистъ, высовывавшій изъ паровоза голову въ кепкѣ съ пуговкой, вдругъ, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣла засада, спрятался куда-то глубоко внутрь. Прапорщикъ испугался, что онъ съ людьми замѣченъ, и военная добыча ускользнетъ изъ рукъ. Но вмѣсто того, чтобы наддать ходу и уйти, машинистъ сталъ застопоривать машину и совсѣмъ остановилъ поѣздъ черезъ нѣсколько саженей. Прапорщикъ выглянувши, вдругъ догадался, въ чемъ дѣло. Машинистъ, очевидно замѣтилъ на пути тотъ самый снарядъ, который тащили къ прапорщику солдаты и бросили на полотнѣ. И на самомъ дѣлѣ, лишь поѣздъ остановился, какъ двое соскочили съ подножки локомотива и пошли къ тому мѣсту по полотну. Этой самой минутой рѣшилъ вос-

пользоваться прапорщикъ. Онъ тихо отдалъ приказаніе и съ громомъ выстрѣловъ лихо налетѣлъ на поѣздъ со своимъ отдѣленіемъ.

Все было покончено такъ быстро, что когда уже нечего было дѣлать, Горлица оторопѣло остановился, поскребъ въ затылкѣ и сказалъ вслухъ:

— Отъ какъ! Что же мы теперича то исдѣлаемъ?

Часть солдатъ прапорщикъ распорядительно отдѣлилъ по сосѣднимъ деревнямъ нанимать подводы и захватить оставленную въ кустахъ лошадь, чтобы сейчасъ же вывезти изъ поѣзда наиболѣе потребное, другая часть повела плѣнныхъ, а третья съ прапорщикомъ осталась охранять добычу.

Низенькій Горлица съ двумя ружьями на плечѣ, своимъ и иноземнымъ, конвоировалъ пятерыхъ высоченныхъ мужлановъ, которымъ, думалось, ничего не стоило бы раздавить его пальцемъ. Онъ шагалъ сзади и при всякой заминкѣ, гдѣ итти было неудобно, лихо покрикивалъ на нихъ, какъ кричатъ на лошадей:

— Но! но! Пошелъ!

Когда же шло все хорошо, онъ съ глубокимъ интересомъ разсматривалъ ихъ икры, затянутыя въ толстые шерстяные чулки.

— Отъ какъ! — удивлялся онъ вслухъ. — Какъ на танцы!

Онъ крутилъ головой и удивлялся дальше:

— У нихъ, говорятъ, на родинѣ всѣ въ чулкахъ, потому всѣ постоянно танцуютъ. Веселая родина у нихъ, хорошая! Пустая только очень!

Но однажды Горлица не выдержалъ тихихъ разсужденій про себя и обратился къ заднему плѣннику:

— А что, землячокъ,—сказалъ онъ, указывая ему

на ноги.—Что же вы на войну въ чулочкахъ? Нешто и тутъ вамъ приходится танцовать?

Видя, что плѣнникъ не понимаетъ, Горлица подумалъ и перевелъ на иностранный языкъ:

— Фусы у васъ въ чулкахъ? Пониме? Фусы!

Для ясности Горлица поднялъ надъ однимъ своимъ сморщившимся и низенькимъ сапогомъ штаны и указалъ на портянку.

— Форму имѣемъ такую—вдругъ совсѣмъ по-русски отвѣтилъ передній плѣнный. — То гарнизонный резервъ.

— Э!—опѣшилъ Горлица—Тсс... Вотъ тебѣ на!

Горлица пробѣжалъ впередъ и искоса поглядѣлъ на удивительнаго человѣка.

— Вы изъ какой же мѣстности будете? — спросилъ онъ.—Такъ что, гдѣ ваше прежнее мѣстоположеніе?

— Та мы зъ Горобця. Имѣемъ и халупу тамъ, и стодолу.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ. А фамиліе свое вы тоже имѣете?

— Имѣемъ. Наше фамиліе Сухоцкіе.

— Отъ какъ!—мотнулъ головой Горлица, у котораго оторопь все еще не проходила.—Сухоцкіе! Тэкъ-съ, тэкъ-съ!

Онъ помигалъ глазами и спросилъ еще, подумавши:

— А у васъ имѣется братъ Юзекъ?

— Юзекъ?—встрепенулся плѣнный. — А вы знаете его? Скажите, будьте ласковы!

— Мы не къ тому — хмуро отвѣтилъ Горлица и, повернувшись назадъ, прикрикнулъ.—Но, но! Пошелъ!

Штабъ дивизіи стоялъ въ городкѣ, вчера очищенномъ отъ непріятеля. Онъ расположился въ двухъ комнатахъ цукерни — комнатахъ пустынныхъ, но съ совершенно цѣлыми окнами и дверьми. Въ одной комнатѣ полъ уже былъ чисто вымытъ, навалена денщиками свѣжая солома, а мѣстами накрыта простынями. Тутъ былъ ночлегъ для офицеровъ, сколько могло помѣститься. Въ другой комнатѣ, шумно разговаривая, сидѣло офицерство, кто на табуреткѣ, кто на кадушкѣ, повернутой вверхъ дномъ, кто просто на полѣнѣ, и только дивизіонный генералъ сидѣлъ на стулѣ съ отломанной ножкой, подъ которую догадливый денщикъ подставилъ прочный чугунокъ. На столѣ слѣпо мигала свѣча, и шипѣло два самовара.

Наслаждаясь чаемъ, офицеры раздѣлились на двѣ группы и весело разговаривали, чувствуя себя отрадно даже въ этой неуютной обстановкѣ. Въ одномъ мѣстѣ поручикъ Семидама, острякъ и анекдотистъ, представлялъ извѣстнаго всѣмъ въ этомъ кружкѣ одного товарища прокурора, какъ онъ будто бы жаловался ему на летучій ревматизмъ, который поселился въ его квартирѣ.

— То мнѣ въ спину стрѣльнетъ, то женѣ въ пятку отдастъ. Вотъ до чего летучій—кашляя представлялъ онъ съ неподражаемой серьезностью этого знакомаго подъ искренній смѣхъ офицеровъ.

Въ другомъ кружкѣ штабсъ-капитанъ Кубаревъ разсказывалъ эпизодъ, какъ къ нему пришелъ рядовой, какой-то вятичъ.

— Ваше благородь — хрипло говорилъ за рядового простуженнымъ голосомъ штабсъ-капитанъ. — А ко

мнѣ баба изъ нашей губерни представилась. Всю Расею поперекъ отмахала, а нашъ полкъ нашла. Къ намъ въ роту просится.

— Какъ въ роту?—передавалъ свои слова штабсъ-капитанъ своимъ обычнымъ голосомъ.—Что же она, въ развѣдчики, или саперомъ желаетъ?

— Никакъ нѣтъ, вашбродь! Я ей говорилъ: бери ружье, стрѣляй. Не согласна. На кухню просится. Щи, кашу варить, али посуду мыть, али солдатскія рубахи чинить. Дозвольте оставить, вашебродь!

Въ это время какъ разъ въ комнату вступилъ прапорщикъ и подошелъ съ рапортомъ къ дивизіонному. Дворъ наполнился горячимъ храпѣніемъ лошадей, и выглянувшее офицерство еще шумнѣе заволновалось. На дворѣ стояли подводы, доверху наваленныя консервами, солдатской одеждой, картофелемъ, бутылками.

— Я о васъ уже заявлялъ—сказалъ обрадованно, но безстрастно съ виду дивизіонный. — И еще разъ сдѣлаю представленіе. Пока мы пили чай, вы работали.

А въ это время на дворѣ Горлица повелъ своихъ плѣнныхъ къ длинному сѣнному сараю, куда забился на ночь его взводъ. У сарая онъ не спѣша поставилъ рядышкомъ два ружья своихъ, высморкался и, подобно начальнику дивизіи, равнодушно съ виду и радуясь въ душѣ, крикнулъ въ сарай:

— Юзекъ Сухоцкій, выходи! Къ тебѣ братъ пришелъ.

Изъ смутно освѣщенныхъ оконъ офицерскаго собранія неслись веселые разговоры, смѣхъ, звонъ

2*

пустыхъ консервныхъ коробокъ. Офицерство пировало, но скоро запировали и солдаты. Было приказано разбирать съ подводъ, что кому понравится, затопали солдатскіе сапоги, загорланили радостные голоса, и закрутилась около подводъ бурливая каша.

— Печенка! Печенка хороша! Заморскаго издѣлія!—кричалъ съ подводы молодой солдатикъ Чекамасовъ, поднимая кверху коробку.—Кому печенку въ таматѣ-маринатѣ?

Солдаты разбирали богатые запасы и расходились, но вѣсть о томъ, что здѣсь встрѣтились два брата, стала закручивать кашу въ другомъ мѣстѣ. Два брата, взявшись за руки, стояли у сарая, улыбались другъ другу и разговаривали на чистомъ русскомъ языкѣ, хотя и странномъ уху истаго великоросса.

— Ишь ты! Балакаютъ! Братья тоже! — выкликивалъ около нихъ Чекамасовъ, жуя маринованнаго омара, и сіялъ на всѣхъ счастливою улыбкой, словно бы самъ нашелъ брата.

— А ну, а ну, поцѣлуйтесь! — хлопоталъ около нихъ не менѣе счастливый Горлица, тиская двумя черными, корявыми пальцами какую-то нѣжную рыбку. — Говори мнѣ, Юзекъ, спасибо. Я тебѣ его нашелъ. А ну, Свириденко, дай-ка имъ на гармоніи трепака. Пущай попляшутъ.

Когда прапорщикъ, сытно и плотно закусившій, отдохнувшій и довольный, вышелъ освѣжиться на прохладный вечерній воздухъ, гармоника звонко и бойко разливалась на всѣ голоса подъ искусными пальцами игрока, и солдатскіе шапки лихо вскакивали надъ толпой и исчезали.

— Что тутъ у васъ? — усмѣхаясь спросилъ прапорщикъ перваго попавшагося молодого солдата. — Спали бы лучше!

— Никакъ нѣтъ, вашебродь — восторженно отвѣтилъ солдатъ—Брата нашли!

— Какого брата?—удивился прапорщикъ.

— Такъ что, Сухоцкаго—вмѣшался радостно другой.—Онъ, вашебродь, въ Нѣметчинѣ жилъ, нѣмецкій подданный. Отъ, дуралей!

— Ну, такъ что же? — еще не понималъ прапорщикъ.

— А мы, стало быть, къ нему, вашебродь, — заторопился снова первый. — Брата нашли! Брата, вашебродь, брата! — повторилъ онъ убѣжденно и настойчиво, но замолчалъ, не будучи въ состояніи никакъ объяснить, что именно было тутъ для него такого радостнаго.

ШПІОНЫ.

Вышедши изъ двухъ лихихъ дѣлъ даже не раненымъ, корнетъ Иванцовъ считалъ себя удивительно счастливымъ. Первое дѣло, возложенное на кавалерію, было притворное отступленіе передъ непріятелемъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты. Началось оно съ того, что войска, занимая непріятельскую землю и не встрѣчая врага, много дней пробирались сквозь топи и болота, обдаваемые страшной сыростью и холодомъ, которые становились тѣмъ сильнѣе, чѣмъ жарче выдавался день. Комары до-синя изъѣли солдатскія лица, а у нѣсколькихъ человѣкъ даже распухли губы и щеки—ихъ искусала какая-то зловредная муха. Наконецъ, люди вышли на широкое поле, голое, ровное, мѣстами съ невысокими черными кочками, съ большимъ сѣрымъ курганомъ въ отдаленіи. По полю всюду были проведены длинныя канавы, полныя мутной воды, съ одной стороны стоялъ лѣсокъ, а за лѣскомъ текла болотистая рѣчка, на которой густо плавали широкіе водяные листья. День былъ сѣрый, пасмурный, туманный, и все поле это было такъ хмуро, темно и непривѣтливо.

Тамъ, гдѣ стоялъ вдали сѣрый холмъ, виднѣлся темный правильный рядъ бугорковъ земли, исчезая у горизонта. Это были непріятельскіе окопы, и едва первые отряды вышли изъ болотъ, какъ надъ этими предательскими бугорками заблестѣли изъ-за тумана частые красные огни, долетѣлъ глухо звукъ пальбы, и два передніе солдата споткнулись о землю. И самъ молчаливый, безлюдный холмъ вдругъ коварно ожилъ. На голой вершинѣ его мигнуло среди сѣраго свѣта дня большое пламя, и тяжкій мѣдный гулъ потрясъ сырой кругозоръ. Но снарядъ не легъ по солдатамъ. Въ мрачномъ сумракѣ болотъ сейчасъ же замигали въ отвѣтъ другіе широкіе огни, и страшный артиллерійскій поединокъ завязался межъ холмомъ и болотами высоко надъ головами людей. И въ то время, какъ шелъ этотъ грозный поединокъ, въ то время, какъ пѣхота изъ походныхъ колоннъ строилась подъ жестокимъ огнемъ побатальонно и разсыпалась въ цѣпи, за лѣсомъ у рѣчки, въ угрюмомъ тихомъ мѣстѣ совершалась другая работа, незамѣтно никому, но спѣшно. Тамъ наводился мостъ черезъ рѣку и перевозилась большая часть артиллеріи на другой берегъ. И тому, кто не видѣлъ этой потаенной, но важной работы, показалось бы очень страннымъ, даже дикимъ, что кавалеріи былъ вдругъ данъ приказъ развернуться у лѣска и защищать до послѣдней возможности это, казалось бы, никому не нужное мѣсто, столь похожее на сотню другихъ такихъ же, которыя, однако же вовсе не защищались. Такая же мысль пришла на минуту и въ голову корнету Иванцову, когда онъ вмѣстѣ со своимъ эскадрономъ скакалъ во весь опоръ по низенькой травѣ и вязкимъ

полянамъ съ лужами къ лѣсной опушкѣ. Не зная, какъ великъ врагъ впереди, онъ даже думалъ въ молодомъ задорѣ, что пока огонь еще не такъ силенъ, гораздо лучше бы прямо броситься на окопы и смять врага рѣшительнымъ натискомъ.

Межъ тѣмъ, учуялъ ли непріятель все важное значеніе этого немудренаго лѣска для его врага, или это была простая случайность, однако снарядъ за снарядомъ сталъ ложиться совсѣмъ близко отъ отряда, грязью и травой осыпая людей и лошадей. Отрядъ спѣшился и вошелъ въ лѣсокъ. Но непріятель уже, видимо, пристрѣлялся—шрапнель то и дѣло рвалась надъ головами. Въ лицо корнета однажды даже сильно пахнуло буйнымъ вѣтромъ, такимъ горячимъ, словно налетѣлъ онъ изъ жерла гигантской печи, глаза ослѣпило громаднымъ огнемъ, и слухъ оглушило ударомъ. Это въ нѣсколькихъ аршинахъ ударила граната, попавъ въ сухой, большой пень.

Теперь настало самое тоскливое время. Не страшно двигаться подъ огнемъ, но смертельно сжимается сердце въ бездѣйствіи и ожиданіи, когда не знаешь совсѣмъ, долго ли они будутъ. И какъ весело стало всѣмъ, когда получился вдругъ приказъ приготовиться къ встрѣчѣ вражеской атаки. Просіяли и заулыбались всѣ, словно каждому предстояло одно легкое развлеченіе, ибо сама смерть въ бою не такъ тягостна, какъ безплодная неподвижность подъ огнемъ. Вылетѣвши снова лихо на опушку, увидѣлъ корнетъ, какою черною тучею несется на нихъ по полю непріятельская кавалерія, и новые отряды высыпаютъ изъ-за холма. Картечь, пронизывая тучу эту, прокладывала свѣтлые, сквозные просѣки, но снова смы-

кались лошади и люди въ ту же минуту и столь тѣсно, что нельзя было, казалось, просунуть копья между ними. Казалось издали, что никакихъ силъ не хватитъ устоять противъ такого натиска. Когда же туча налетѣла близко, когда стало слышно дрожаніе земли подъ нею, и тяжкій храпъ лошадей, и видны усталыя, суровыя лица, оказалась она не такой плотной, и корнетъ даже не успѣлъ замѣтить, какъ уже врѣзался со своими людьми въ эту гущу, а затѣмъ вкругъ себя увидѣлъ однихъ только людей въ иностранной формѣ и все чужія, незнакомыя, враждебныя лица. Скоро въ другихъ мѣстахъ солдаты уже не имѣли ни оружія, ни лошадей и дрались просто кулаками, тутъ же, межъ лошадиныхъ ногъ и крупов. Цѣлый часъ задерживала въ лѣсу кавалерія вражескій налетъ, спѣшившись и дѣйствуя, какъ простая пѣхота. И это было первое лихое дѣло, которое вынесъ на себѣ корнетъ Иванцовъ.

Когда подошла пѣхота, и данъ былъ приказъ отступать за лѣсъ съ притворною стремительностью, ему даже стало это досадно и огорчительно. Ему казалась совсѣмъ ненужной эта хитрость, ему думалось, что продержись они еще десять минутъ, и врагъ самъ побѣжитъ назадъ, устрашенный и обезсиленный. Отсюда ему не было совсѣмъ видно, какая лавина вражеской пѣхоты выкатывалась вдали изъ-за окоповъ.

Прикрываясь нѣсколькими отрядами пѣхоты, войска спѣшно ушли за лѣсокъ, перебрались на другую сторону рѣченки по свѣжему мосту и вновь спрятались въ болотахъ. И когда на мостъ вступили синія вражескія колонны, загремѣли орудія, четко затре-

шали пулеметы изъ тайныхъ мѣстъ, весь мостъ вдругъ приподнялся и сразу пропалъ въ дыму и пламени, и черезъ два часа снова все тихо, угрюмо и пустынно стало въ этомъ мѣстѣ. И день остался такой же тихій, сѣрый, непривѣтливый и печальный, и сосны такія же молчаливыя и темныя. И такъ неясно дѣлалось, откуда это и зачѣмъ могло взяться тутъ такъ много мертвыхъ лошадей и людей—въ такомъ изобиліи, что даже сама рѣка выступила изъ береговъ, переполненная ими. Только въ отдаленіи мёжду голымъ холмомъ и краемъ болота еще продолжалась безстрастно и методично, словно ни о чемъ не зная, прежняя артиллерійская дуэль, освѣщая надвигающіяся сумерки огромными багряными зарницами. Словно мертвыя орудія сами, своей волей, все еще стремились уничтожить другъ друга.

На другой день войска прошли все поле и уже не встрѣтили на пути ничего, кромѣ труповъ, разбитыхъ орудій, разбросаннаго оружія и одежды. Но за полемъ оказалась деревня, снова занятая непріятелемъ. Подъ этой-то деревней корнетъ участвовалъ во второмъ лихомъ дѣлѣ. Надо было произвести подавляющую панику на врага, и на это вызвались корнетъ и одиннадцать драгунъ. Стояло раннее, мирное утро, солнце пригрѣвало не жарко, какія-то худенькія птички чирикали на мертвыхъ тѣлахъ, еще покрытыхъ росой, и такое ясное было небо, такое свѣтлое. Въ это утро двѣнадцать драгунъ обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ, прощаясь навѣки—смерть глядѣла всѣмъ въ глаза. Они подняли въ полѣ лошадей въ карьеръ и неистовымъ вихремъ ворвались и понеслись по деревнѣ, рубя направо и налѣво, кто ни попадался.

Пока грѣвшiеся на солнышкѣ солдаты, нѣмѣя отъ изумленiя, схватились за ружья, драгуны были уже на концѣ деревни. Здѣсь имъ встрѣтился сильный отрядъ, но вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ, они врѣзались въ него, и вотъ тутъ-то своимъ изступленiемъ навели на всѣхъ истинную панику. Отъ сильнаго встрѣчнаго отряда осталось только четверо, и четверо же осталось изъ драгунъ — корнетъ да еще трое другихъ. Но послѣ этого внезапному орудiйному огню ничего не стоило бризантными гранатами выбить врага изъ деревни всего, не теряя людей.

На третiй день уставшiе солдаты входили въ какой-то городишко, покинутый непрiятелемъ, гдѣ рѣшено было дать людямъ отдыхъ. Было очень тихо кругомъ, свѣтло, ясно, просто. Солнце свѣтило и трава зеленѣла, и цвѣты въ полѣ цвѣли совсѣмъ, какъ всегда, по-старинному. Только тонкая сизая дымка пороховая, задержавшись въ сырой тѣни кустарника, еще говорила о боѣ, бывшемъ здѣсь незадолго до этого новаго войска, да гдѣ-нибудь около стога забытый трупъ, уткнувшiйся въ траву, да лопнувшiе стальные «стаканы» отъ шрапнели, ярко блестѣвшiе всюду по полю. Усталые и проголодавшiеся солдаты сейчасъ же разсыпались по огородамъ, закурились вездѣ бѣлые дымки, затрещали всюду блѣдные на дневномъ свѣтѣ веселые огоньки, попахивая гарью, и заварилась въ котелкахъ подъ шумный смѣхъ и говоръ аппетитная картофельная каша. Сварившiе ее усаживались кружками у котелковъ, но поближе къ стѣнамъ домовъ, на всякiй случай, для безопасности. Молодой солдатъ, котораго, видимо, сильно лихорадило, накрылся двумя шинелями, своей и непрiятельской, брошенной при

наступленіи, и лежалъ на травѣ ногами къ стѣнѣ, а головой на солнцѣ. Это сейчасъ же замѣтилъ унтеръ, зорко смотрѣвшій за всѣми, словно за ребятами.

— Эй, не тѣмъ концомъ легъ! — закричалъ онъ нездоровому солдатику. — Повернись головнымъ концомъ къ стѣнѣ! Отъ, дуралей, ничего не признаетъ!

— Господинъ унтеръ-офицеръ! — звонко закричалъ изъ одного кружка другой молодой солдатъ. — Извольте вамъ хлѣбчикъ! Мнѣ одна женчина парочку дала. А вѣрно говорятъ, будто ихній главный генералъ прискакалъ къ намъ и вынимаетъ это изъ-за пазухи письмо, чтобы его въ плѣнъ брали?

— Къ тебѣ онъ прискакивалъ? — снисходительно спрашиваетъ унтеръ, принимая хлѣбецъ. — Гляди лучше въ кашу!

Всѣ въ кружкѣ дружно смѣются, а солдатъ смущается.

Корнетъ пошелъ по длинной и прямой улицѣ городка, по которой все было видно насквозь. За дальнимъ концомъ ея виднѣлось чистое широкое поле съ какимъ-то краснымъ деревцомъ вдали и двумя голубѣющими курганами. Корнетъ шелъ и съ любопытствомъ разсматривалъ незнакомые домики. Гдѣ была снесена труба снарядомъ, гдѣ въ щепы разбито узорное крылечко, а гдѣ выбита и вся стѣна, такъ что виднѣлись комнаты съ мебелью, съ картинками на стѣнахъ, съ занавѣсочками по окнамъ. На дворахъ всюду валялись неразорвавшіяся почему либо гранаты, корзинки и сундуки, про которые рѣшили въ поспѣшномъ бѣгствѣ лучше бросить, гдѣ телѣга, исковерканная снарядомъ, гдѣ изломанная мебель и разбитая посуда. Сама улица была совершенно безлюдна.

Только какой-то подозрительный нищій дюжаго сложенія вышелъ изъ-за угла дома, безпечно заложивъ руки назадъ и посвистывая, и вдругъ, увидѣвъ офицера, стащилъ съ головы рыжую шапченку, сталъ сгибаться и назойливо клянчить, пока корнетъ не прогналъ его. Да еще тамъ, въ полѣ, виднѣлся на одномъ курганѣ маленькій черненькій человѣчекъ. И вотъ, около этого человѣчка пыхнуло бѣлое кудрявое облачко, словно изъ трубочки, хлопнуло тихонько, а корнетъ почувствовалъ вслѣдъ за этимъ, что ему не поднять руки съ эфеса сабли. На рукавѣ стало проступать кровяное пятно.

— Вотъ тебѣ разъ! — невольно воскликнулъ корнетъ вслухъ озадаченно-—И въ бою раненъ не былъ...

Два драгуна, ѣхавшіе поодаль сзади корнета, сразу догадались въ чемъ дѣло, сорвались съ мѣста, словно вѣтеръ, и пропали за городомъ въ поднятой пыли. Корнетъ снялъ тужурку и рубашку, и почмокалъ языкомъ, разсматривая рану. Но рана была совсѣмъ маленькая, и кровь перестала сочиться. Пуля счастливо пробила мякоть насквозь и довольно тонко. Корнетъ затянулъ руку потуже платкомъ, подумалъ, что бы можно было еще сдѣлать съ ней и, одѣвшись, свернулъ за водой въ первый попавшійся домъ. Онъ прошелъ палисадникомъ съ рѣзной рѣшеточкой, совсѣмъ уцѣлѣвшей, поднялся по чистому крылечку и отворилъ дверь. Онъ былъ увѣренъ, что никого не встрѣтитъ въ домѣ. Отворивши дверь, онъ сразу попалъ въ свѣтлую, маленькую кухонку, гдѣ на полкахъ, блестя чистотой, была разставлена въ бережливомъ порядкѣ разная посуда, на лавкѣ стояли ведра, накрытыя дощечками, а на окнѣ—горшочки съ цвѣ-

тами. Корнетъ съ удовольствіемъ обвелъ глазами кухонку, тутъ же рѣшилъ, что будетъ ночевать въ ней, и вдругъ вздрогнулъ и попятился.

— Извините! — сказалъ онъ оторопѣло.

Въ уголку на табуреточкѣ, сжавшись и стараясь быть незамѣтной, сидѣла совсѣмъ молоденькая дѣвушка. Она была такъ удивительно красива, какъ корнетъ, пожалуй, еще не видалъ ни разу. Испуганно опущенныя рѣсницы ея длинной тѣнью падали на щеки, щеки нѣжно розовѣли, подбородокъ круглился и бѣлѣлъ ослѣпительно, и густые волосы, наспѣхъ собранные въ пышные узлы, буйно выбивались по вискамъ.

— Простите меня, ради Бога! — сказалъ корнетъ, въ смущеніи растопыривая руки, пятясь къ двери спиною и забывая, что дѣвушка можетъ ни слова не понять у него. — Но ей Богу, если бы не вода, я не вошелъ бы сюда. Вотъ, ей Богу!

Ему очень хотѣлось, чтобы дѣвушка повѣрила искренности его словъ, и онъ даже приложилъ руку къ сердцу. Она со страхомъ подняла на него глаза и, должно быть, увидѣвъ, что онъ скорѣе смѣшонъ, чѣмъ страшенъ, вдругъ усмѣхнулась ему глазами съ легкомысліемъ и беззаботностью молодости.

— Вамъ воды? — сказала она плохимъ русскимъ языкомъ, но совсѣмъ понятно. — Я вамъ принесу.

Она хотѣла встать, но корнетъ бросился къ ней.

— Ахъ, нѣтъ, сидите, сидите!—воскликнулъ онъ.— Я самъ!

Онъ даже замахалъ обѣими руками, совсѣмъ забывъ, что одна ранена. Онъ задумался, что бы сказать дѣвушкѣ, и воскликнулъ:

— Но какая вы красавица!

Онъ взглянулъ на ея тихо розовѣющее лицо, а она снова испугалась, хотѣла вскочить и убѣжать. Но увидя, что онъ стоитъ передъ ней попрежнему спокойно, и сама успокоилась, хотя и не рѣшилась снова поднять глазъ.

— Ну, посмотрите на меня — попросилъ онъ.

Она засмѣялась, взглянула на него исподлобья и покраснѣла отъ смущенія.

— Красавица, совсѣмъ красавица! — сказалъ корнетъ.

Она молчала, пока онъ смотрѣлъ на нее, и вдругъ звонко расхохоталась.

— Ну на-те, поцѣлуйте вотъ это — сказала она и игриво поднесла палецъ къ его губамъ.

Онъ поцѣловалъ, и она опять засмѣялась, смутилась и вспыхнула жарко.

Въ это время сильный шумъ послышался на улицѣ, что-то кричали солдатскіе голоса и тяжело топали ноги. Корнетъ выглянулъ въ окно, но ничего не увидалъ въ немъ. Онъ поклонился красавицѣ и выбѣжалъ на улицу. Тамъ два солдата тащили обтрепанную старуху въ рваныхъ рыжихъ башмакахъ, надъ которыми виднѣлись рваные сѣрые чулки, съ сухонькой сѣдой головкой, съ ястребинымъ сморщеннымъ личикомъ и огромными выцвѣтшими глазами, вытаращенными въ нѣмомъ ужасѣ. Она молча отбивалась отъ нихъ всѣми своими слабыми силенками и тяжело хрипѣла.

— Что вы дѣлаете? Куда тащите?—окликнулъ ихъ корнетъ.

— Такъ точно, ваше бл-діе! — отвѣтили зычно оба солдата вмѣстѣ.—Шпіона поймали. Куда прикажете?

— Гдѣ поймали?

— У погребѣ, вашбродь. У телефонной дудки.

Корнетъ посмотрѣлъ на жалкую старушонку, удивился про себя, какъ это она можетъ быть шпіономъ, но все же подумалъ и приказалъ свести себя въ этотъ погребъ. Солдаты, не разставаясь со старухой, потащили ее на недалекій дворъ, гдѣ, какъ и на другихъ, тоже валялись всюду всякіе сундуки, мебель и посуда, и по каменной лѣстницѣ спустились въ сырой, глухой и полутемный подвалъ, слабо освѣщаемый рѣшетчатымъ окошкомъ сверху въ стѣнѣ. При зеленоватомъ свѣтѣ окошечка можно было разглядѣть мокрыя каменныя стѣны, плѣсень и грибы по угламъ и большія пустыя бочки, гулко гудѣвшія при ударѣ. Въ одномъ углу, дѣйствительно, былъ подвѣшенъ телефонный аппаратъ. Но проволока его была перерѣзана.

— Это вы перерѣзали?—указалъ на нее корнетъ.

— Никакъ нѣтъ, вашбродь. Должно она сама. До насъ перерѣзавши.

— Почему же вы думаете, что старуха шпіонъ?

— Да она сама сознается, вашбродь. Извольте видѣть.

Солдатъ грозно повернулся къ старухѣ и завращалъ глазами, стараясь быть ужаснымъ.

— Ты шпіонъ?—закричалъ онъ на нее.—Признавайся сейчасъ же! Шпіонъ вѣдь?

Старуха быстро-быстро закивала головой.

— Шпіоне, шпіоне,—хрипло залепетала она съ радостью.—Я русине, русине!

Она еще дѣлала руками какіе-то знаки, но все же понять ее было совсѣмъ невозможно. Корнетъ поморщился отъ досады.

— Э! — махнулъ онъ рукой. — Выведите ее въ поле, да дайте по загривку хорошенько, чтобы подальше убиралась отъ насъ.

Солдаты вытащили старуху за околицу, хлопнули ей по загорбку, и старуха, словно заяцъ, поскакала, согнувшись, по полю съ неожиданной быстротой, мелькая сухими, тоненькими икрами въ драныхъ грязныхъ чулкахъ. А между тѣмъ корнету, когда онъ снова выходилъ изъ сырого мрака подземелья на горячее блистаніе дня, стало казаться, что будто бы онъ уже видѣлъ гдѣ-то эту старуху. Даже стало вспоминаться какъ будто бы, что онъ замѣтилъ ее на крышѣ одного дома, когда они занимали какую-то вражескую деревеньку. Она еще взмахивала зачѣмъ-то руками, послѣ чего непріятельскій батарейный огонь дѣлался какъ будто бы нѣсколько губительнѣе, и это корнетъ сопоставилъ тогда про себя и приказалъ хорошему стрѣлку Грушѣ снять ее съ крыши на всякій случай. Тотъ вскинулъ къ плечу винтовку, и старуха исчезла въ пороховомъ дыму. Но точно ли это была какъ разъ такая же старуха, какъ и эта, корнетъ не могъ вспомнить хорошенько. Да и мыслямъ его сильно мѣшалъ обольстительный образъ красавицы дѣвушки, неотвязно стоявшій въ воображеніи.

Выйдя изъ подвала, онъ снова захотѣлъ побывать въ томъ же домѣ, но на этотъ разъ ему помѣшало другое. Вдругъ на огородахъ горнистъ заливисто заигралъ тревогу и сборъ, и люди стали поспѣшно вскакивать съ мѣстъ, выплескивать на землю недоѣденную горячую кашу и садиться на лошадей.

Тѣ два драгуна, которые пустились къ холму за маленькимъ человѣчкомъ, ранившимъ корнета, при-

везли извѣстіе, что обнаруженъ поблизости непріятель. Онъ скрывается за густымъ сосновымъ лѣсомъ, готовясь сдѣлать на городишко ночную атаку.

Къ этому времени уже стало сильно вечерѣть, солнце закатывалось за мостомъ, разбитымъ снарядами, густой, ѣдкій туманъ и роса, перемѣшанные съ отсырѣвщимъ пороховымъ дымомъ, грузно ложились по полямъ, приглушая рѣзкій, отравленный запахъ мертваго человѣческаго тѣла.

Времени терять было нельзя, и корнетъ съ драгунами уже летѣлъ къ сосновому лѣсу въ засаду. Въ лѣсу было все нѣмо и совсѣмъ пасмурно и сине. Солнечные лучи скользили лишь по макушкамъ деревьевъ, не въ силахъ пробиться внизъ сквозь дремучіе сучья. Люди спѣшились, привязали лошадей и стали пробираться на другую сторону лѣса. Ноги не слышно ступали по глухому мху, утопая въ немъ, и даже сухой валежникъ не трещалъ, вдавливаясь въ мохъ. Сквозь лѣсную сѣдую толщу не могло бы долетѣть на другую сторону даже никакое лошадиное ржанье.

Почти совсѣмъ уже пробившись на опушку, корнетъ услыхалъ вдругъ близкіе мужскіе голоса и, прячась за широкимъ можжевеловымъ кустомъ, осторожно выглянулъ, что было впереди него. Онъ увидалъ, что шагахъ въ полутораста отъ него, кипѣла горячая работа. Непріятельскіе саперы, очень торопясь, рыли глубокія траншеи и ямы для фугасовъ. За окопами отдыхали и подтягивались люди, готовясь къ бою. Но вниманіе корнета сначала привлекла группа людей въ сторонѣ отъ другихъ. Два солдата въ сѣроголубыхъ шинеляхъ держали кого-то за руки,

а высокій, плотный человѣкъ въ синемъ мундирѣ, видимо, ихъ начальникъ, указывалъ на того, кого они держали, и спрашивалъ у нихъ о немъ. Насколько корнетъ могъ разобрать тотъ языкъ, на которомъ начальникъ говорилъ, онъ могъ понять, что тотъ спрашиваетъ:

— Откуда вы взяли это?

— Женщина бѣжала отъ русскаго лагеря—отвѣчали почтительно солдаты.—Мы не понимаемъ ея языка, но она говоритъ о шпіонахъ. Мы думали, что это нашъ шпіонъ, изъ другой только мѣстности. Но у нея нѣтъ документа.

— Такъ!—воскликнулъ уже гнѣвно высокій и широкій человѣкъ.—Какъ же вы смѣете приводить къ самымъ окопамъ человѣка изъ чужого лагеря? Вы забыли всѣ распоряженія, потому что у васъ совсѣмъ дурацкіе мозги! Теперь она знаетъ, гдѣ наши окопы, но она не должна знать этого! Вы поняли? Маршъ!

Два солдата повернулись и потащили за собой пойманнаго человѣка. Лица ихъ были равнодушно суровы и тащили они молча. Когда они повернулись, корнетъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что тотъ, кого они тащили, была опять та же самая старуха. Она совсѣмъ не шла, подогнувши ноги. Солдаты на вѣсу несли ее за руки, и казалось, что вотъ-вотъ эти тоненькія ручки ея оторвутся по самыя плечи. Сухенькая, ястребиная головка безумно вертѣлась во всѣ стороны, и глаза вытаращились въ ужасѣ, ничего не понимая.

— Шпіоне, шпіоне!—хрипло лепетала она все время, Богъ знаетъ о чемъ.—Швабе, швабе!

Но скоро всѣ они вошли въ лѣсъ, и ихъ стало не видно и не слышно.

Между тѣмъ, солнце въ полѣ уже совсѣмъ зашло за полуразрушенный мостикъ, и не успѣли наступить короткія южныя сумерки, какъ уже черная-черная ночь спустилась на землю. Мѣсяца не было, только громадныя, не сѣверныя звѣзды спокойно горѣли высоко надъ головой среди пустынной черноты. Стало очень тепло и душно, и всюду во мху засвѣтились смѣло блѣднозеленыя искры свѣтлячковъ. Стремительной искрой, порхая, мелькали они передъ глазами, а подъ лиственными сучьями проносилась временами цѣлая веселая метель изъ нихъ, вмигъ тайно потухая гдѣ-то во休 мракѣ.

Корнетъ тихо выводилъ теперь людей на опушку и дѣлалъ распоряженія, какъ переводить сюда лошадей. Страннымъ и значительнымъ казалось все въ этомъ незнакомомъ мѣстѣ среди такой черноты. На какой-нибудь холмикъ приходилось влѣзать, какъ на гору, а если случалось оступаться, то думалось, что попалъ въ бездонную яму.

Но вотъ въ небѣ среди звѣздъ появилась новая, неслыханная звѣзда, вся багровая, мчащаяся по черному небу съ тихимъ, печальнымъ, металлическимъ звономъ. Она на мигъ задержалась въ темной пустотѣ, и два удара, одинъ отъ орудія, другой отъ ея разрыва, ухнули на землѣ и на небѣ. Розовый огонь широко озарилъ вершины лѣса. Въ то же время сквозь сучья деревьевъ сверкнулъ длинный рядъ красныхъ огней передъ вражескими окопами, освѣщая надъ собою чистый, бѣлый дымокъ, и ударилъ залпъ, и гдѣ-то слѣва, за лѣсомъ, въ ту же минуту слитно, гулко отвѣтилъ ему другой. Бой начался.

Корнетъ весь приковался глазами къ темнотѣ, ста-

раясь по движенію ружейнаго огня угадать, когда врагъ выйдетъ изъ-за окоповъ, и открыть огонь ему вздадъ. Онъ не пропустилъ этого момента, и далъ команду въ лучшее время. Сильный огонь позади зарницей освѣтилъ кусты и траву, лѣсъ загудѣлъ отъ грома, и солдаты, не выдержавъ, сейчасъ же вслѣдъ за залпомъ бросились съ крикомъ на выступившаго врага. Какъ-то странно и смутно стало корнету вдругъ отъ этого огня, грома и криковъ. Словно въ легкомъ, счастливомъ опьяненіи далъ онъ сильные шпоры лошади и понесся по высокой, мокрой травѣ, среди невидимыхъ кустовъ и деревьевъ, правя лошадь прямо на смертоносный огонь траншей. Сучья хлестали его по лицу и сбили фуражку, но ему казалось, что опоздай онъ туда на минуту, и все погибнетъ безъ него. Залпы тамъ вдругъ затихли и началась безмолвно страшная рукопашная съ однимъ глухимъ лязгомъ желѣза о желѣзо, съ запаленнымъ хрипѣніемъ тысячъ людей, съ дикими выкриками, то восторженными, то смертельно печальными. Еще тревожнѣе и нетерпѣливѣе стало на душѣ корнета. А между тѣмъ, лошадь вдругъ круто уперлась на всѣ четыре ноги, такъ что онъ чуть не полетѣлъ ей черезъ голову. Онъ соскочилъ и съ отчаяніемъ увидѣлъ передъ собой оврагъ, которому, казалось впотьмахъ, нигдѣ не было конца.

Невѣрными отъ волненія руками, корнетъ привязалъ лошадь поскорѣе къ первому попавшемуся суку и пошелъ переходить оврагъ пѣшкомъ. Онъ не спустился и на нѣсколько шаговъ, какъ сзади себя, наверху, услыхалъ сухой трескъ сучьевъ и паденіе чьего-то крупнаго тѣла, и затѣмъ, трепетаніе его на

землѣ. Очевидно, шальная пуля угодила въ его лошадь. Но онъ даже не остановился и не прислушался, торопясь внизъ. Вдругъ яркая шрапнель низко разорвалась надъ головой, сбивая пулями сучья съ деревьевъ цѣлымъ дождемъ и ясно освѣщая ему все впереди. И корнетъ вдругъ увидѣлъ, что онъ наткнулся на какого-то человѣка. Человѣкъ этотъ стоялъ въ сторонѣ нѣсколько поодаль отъ него, неподвижно прислонясь къ дереву и какъ бы притаившись за кустомъ и, склонивъ голову на бокъ, словно бы подглядывалъ, что онъ будетъ дѣлать дальше. Корнетъ вскинулъ винтовку къ виску, выстрѣлилъ и при блѣдномъ блескѣ выстрѣла увидѣлъ, какъ голова человѣка почернѣла кровью. Но человѣкъ вовсе не упалъ, а только немного покачнулся и еще больше склонилъ голову, словно бы съ еще большимъ упорствомъ желая высмотрѣть все за корнетомъ. Корнетъ, теряясь и не понимая ничего, уже снова заколотилъ было патронъ въ винтовку, но на этотъ разъ громадное фугасное пламя тремя длинными вспышками подъ рядъ освѣтило ему все до мелочи. Онъ ясно увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ опять все та же самая старуха съ ястребинымъ личикомъ. Но тощія ножки ея совсѣмъ не достаютъ до земли, а только касаются высокой травы. Громадные, безцвѣтные глаза ея пристально, но мертвенно глядятъ на него, а отъ шеи кверху идетъ веревка. Старуха уже была повѣшена.

Жуткое и брезгливое чувство, что онъ убивалъ трупъ, подступило къ сердцу корнета. И, обрывая до голаго тѣла одежу на какихъ-то острыхъ колючкахъ, онъ уже совсѣмъ яростно сталъ пробираться за

оврагъ, на сторону, гдѣ теперь вновь широко блестѣлъ ружейный огонь, гремѣли залпы, и слышались отрадные, побѣдоносные, дружественные клики...

Утро четвертаго дня снова настало ясное, чистое и голубое. На полѣ, гдѣ ночью было сраженіе, теперь давно сдѣлалось пусто. Раненые разбрелись или были унесены, непріятель угнанъ далеко, и усталые люди, оглушенные и ослѣпленные ночнымъ огнемъ и гуломъ, вольно и безопасно спали въ городишкѣ, а кто и въ полѣ.

Лишь только настало утро, корнетъ пошелъ по полю отыскивать, гдѣ оставилъ коня. Тихая, теплая, парная роса покрывала все поле, блестя на потерянныхъ ружьяхъ, на орудіи, исковерканномъ гранатою и повернувшемъ хоботъ прямо въ небо, на шерсти мертвыхъ лошадей, которые, скатываясь въ бою въ рытвины, сравняли поле. Въ одномъ мѣстѣ уцѣлѣли какимъ-то чудомъ копны сѣна и, судя по грудамъ вражескихъ тѣлъ около каждой, можно было думать, что тутъ-то и происходилъ самый сильный и ожесточенный рукопашный бой. Незамѣтно корнетъ дошелъ до вражескихъ траншей. Онъ вспрыгнулъ на переднюю и застылъ, потрясенный. Длинный рядъ мертвецовъ, словно живыхъ, сидѣлъ въ ней, держа ружья на прицѣлъ. Слѣпой снарядъ угодилъ тутъ прямо въ окопъ.

Солнце уже стало замѣтно припекать, когда корнетъ нашелъ вчерашній оврагъ. Теперь онъ увидѣлъ, что оврагъ совсѣмъ легко было объѣхать хоть по обѣ стороны, онъ же кромѣ того пробирался по немъ не поперекъ, а вдоль. Лошадь была убита, и все, что еще можно было тутъ сдѣлать, это взять съ нея сѣдло.

Проходя съ сѣдломъ по краю оврага, корнетъ снова увидалъ сквозь сучья, какъ сѣрѣлъ тамъ страшный трупъ несчастной старушонки съ разбитой головой. Но около него теперь, какъ будто бы былъ еще кто-то другой. Корнетъ просунулъ голову межъ сучьями, приглядѣлся и совсѣмъ поразился. На травѣ сидѣла и судорожно обнимала ноги старушонки вчерашняя дѣвушка-красавица. Глаза ея были полны смертельной тоски и муки и, цѣлуя ноги, она говорила въ неутолимой горести:

— Маму! О, мойя маму!

Корнетъ болѣзненно поморщился и пошелъ поскорѣе прочь.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Артиллерiйскiй капитанъ откинулся на спинку кресла и сказалъ:

— «Вы хотите знать счастливѣйшiй день моей жизни? Извольте! Это было первое серьезное дѣло, въ которомъ пришлось участвовать мнѣ, молодому канониру. Непрiятель залегъ среди какихъ-то рыжихъ холмовъ и густой заросли орѣшника и загородилъ намъ весь путь къ дальнѣйшему наступленiю. Цѣлыя сутки безъ перерыва гремѣла наша батарея, осыпая градомъ гранатъ и шрапнели врага, громя холмы и кроша орѣшникъ. И издали, изъ-за холмовъ, жарко отвѣчала намъ непрiятельская перекиднымъ огнемъ. Уже широкiя просѣки стали прокладываться среди заросли, и, когда налеталъ вѣтеръ и относилъ въ сторону сизую тучу порохового дыма, мнѣ ясно было видно, какъ сами массивные верхи холмовъ были сбиты и изрыты снарядами.

Ружейный и пулеметный огонь, которымъ врагъ сплошь поливалъ нашъ строй, наносилъ намъ значительный уронъ. Наши саперы безстрашно выводили среди пламени и дыма окопы, и переднiй рядъ ихъ скоро уже былъ законченъ. Пули начали глухо шлепаться въ сырую землю.

Отъ безпрерывнаго грохота кононады, отъ гула мѣди, отъ скрежета свинца уши мои съ непривычки совсѣмъ оглохли, и я только по движенію губъ да по жестамъ понималъ приказанія бомбардира. Я удивлялся спокойствію, зоркости и пониманію этого простого, бородатаго человѣка. Онъ былъ истиннымъ героемъ. Одно изъ нашихъ шестидюймовыхъ орудій было подбито въ лафетѣ и уже не поддавалось наводкѣ. Но онъ временами подбѣгалъ къ нему и посылалъ изъ него снарядъ какъ разъ въ ту минуту, когда въ полѣ его дѣйствія собирались непріятельскіе отряды, ободренные его временнымъ молчаніемъ. И сильный уронъ наносило тогда это искалѣченное орудіе. Въ другой разъ онъ, Богъ вѣсть, по какому наитію, приказалъ ѣздовымъ отодвинуть на нѣсколько саженей зарядный ящикъ, и вслѣдъ за этимъ три громадныхъ снаряда разорвались другъ за другомъ на этомъ мѣстѣ, вырывши настоящій ровъ.

Два раза ходили уже наши въ атаку и два раза вновь отступали къ своимъ позиціямъ. И два раза налеталъ непріятель контръ-атакой, и оба раза также отступалъ къ своимъ холмамъ. Солнце уже совсѣмъ клонилось къ западу. Тихіе, косые лучи его, кротко освѣщавшіе окрестности, здѣсь, на полѣ битвы дѣлались зловѣще багровыми, проходя сквозь грозную тучу порохового дыма. Блестѣла тускло сталь штыка и мѣдь орудія, и огни, пѣхотные и артиллерійскіе, блѣдные въ полдень, дѣлались все ярче и краснѣе, словно наливаясь кровью.

Къ вечеру стало извѣстно, что мы пойдемъ въ третью атаку, которая должна быть рѣшительной. Съ возвышенія, гдѣ стояла наша батарея, мнѣ не видно

было, куда разведены были наши пѣхотные батальоны. Поддерживая огонь, я видѣлъ только, какъ строилась новая кавалерійская часть, еще неутомленная, свѣжая, на бодрыхъ, горделивыхъ лошадяхъ, широко раздувавшихъ ноздри на пороховой дымъ. Мы не знали, когда будетъ атака, но потому, что нашъ батарейный офицеръ отдалъ приказъ усилить огонь, поняли, что она недалека.

И вотъ, взвѣвая прахъ, съ ржаніемъ лошадей, ринулась сплошной лавиной наша конница, и двѣ сѣрыя лавины пѣхотинцевъ стали облегать рыжіе холмы желѣзнымъ кольцомъ. Какимъ-то внутреннимъ, необъяснимымъ чутьемъ я зналъ, что дѣло будетъ блестяще выиграно, если только прикрытіе нашего огня, подъ которымъ велась атака, будетъ достаточно надежнымъ. И наша батарея положительно ревѣла отъ залповъ, а офицеръ все чаще махалъ платкомъ, требуя усиленія. Я чувствовалъ, что выбиваюсь изъ силъ, но я только стиснулъ зубы и удвоилъ усилія.

Въ какое именно время непріятель вылетѣлъ изъ-за холмовъ, чтобы вполнѣ принять атаку, я уже не видалъ и не знаю. Я чувствовалъ только, что приблизилось самое главное, самое первое, что отъ насъ зависитъ добрая половина успѣха, сумѣй мы выдержать еще, быть можетъ, полчаса этого безпримѣрнаго напряженія.

Но тутъ до слуха моего долетѣла чудовищная вѣсть, столь непостижимая, что я не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ. Въ то время, какъ наши орудія, хорошо пристрѣлявшись, выпускали одинъ смертоносный снарядъ за другимъ и уже начинали наводить мѣстами панику на вражескіе арьергарды, я отчетливо услышалъ настойчивый сигналъ горниста:

— Прекратить огонь! Прекратить огонь!

Кто могъ отдать такое неслыханное приказаніе? Кто могъ сдѣлать такую ужасную и жалкую ошибку, погубить все дѣло, столь доблестно начатое? У меня похолодѣло въ груди и съ ужасомъ я взглянулъ на нашего бомбардира. Этотъ могучій человѣкъ стоялъ, какъ ребенокъ, безпомощно опустивъ руки, и, видимо, тоже еще не вѣрилъ своимъ ушамъ. А страшный сигналъ кричалъ голосисто и словно бы ликуя:

— Прекратить, прекратить огонь!

Я взглянулъ на нашего офицера. Молодое лицо его было злобно, яростно, негодующе. И вдругъ онъ махнулъ своимъ бѣлымъ платкомъ и закричалъ на насъ разъяренным голосомъ:

— Усилить! Что вы дѣлаете, канальи? Не прекращать! Усилить, усилить!

О, какъ счастливо дрогнули наши сердца! О, какъ чудесно намъ было слышать его ругательство и разъяренный голосъ! Какъ преданно, какъ беззавѣтно полюбили мы и бѣлый платокъ его, и искаженное гнѣвомъ лицо! И какъ же ахнула, какъ заревѣла наша батарея, какимъ неистовымъ ураганомъ засвистали наши снаряды!

Да, могу поистинѣ сказать, что это былъ счастливѣйшій день въ моей жизни».

Капитанъ замолчалъ, улыбаясь радостнымъ воспоминаніямъ.

— Но что же это была за загадочная ошибка, капитанъ? — осторожно перебилъ я его думы.

— Ахъ, да! Ошибка? Ошибки не было.

— Какъ? — изумился я.

— Да-съ, никакой. Это была просто непріятельская

военная хитрость. Это ихъ горнистъ какъ-то сумѣлъ выучить нашъ сигналъ. И, можете себѣ представить, уже мы давно выбили и прогнали врага изъ-за холмовъ, а горнистъ этотъ все стоялъ гдѣ-то невидимый и все игралъ, игралъ свое: прекратить огонь! Мы, наконецъ, нашли его, выбили у него изо рта рожокъ и повели — такъ онъ шелъ и выводилъ на губахъ все свое: прекратить огонь, прекратить! И такой жалкій онъ былъ, дрожащій, съ трясущейся головой и ногами. И когда взглянулъ я на него, я съ перваго же раза увидалъ, что онъ отъ ужаса и изнуренія сошелъ съ ума.

ПРАПОРЩИКЪ КОМЛЕВЪ.

I.

Когда прапорщикъ запаса Комлевъ получилъ распоряженіе явиться къ воинскому начальнику, первое, отъ чего болѣзненнѣе всего сжалось его сердце, это была мысль о Милѣ. Гимназистка Миля была его первою, горячею влюбленностью, тайною и немножко грустною, отъ которой сердце хочетъ самаго послѣдняго очарованія, тоскуетъ, ждетъ и ищетъ его и во снѣ и наяву. Прапорщику не надо было закрывать глазъ, чтобы представить себѣ Милю всю отъ ясныхъ глазъ и толстой косы до гимназическаго фартучка и ботинокъ съ пуговками. Миля еще только кончала гимназію, еще могла съ наслажденіемъ смотрѣть, какъ другіе рисуютъ пѣтушковъ и человѣчковъ, но уже имѣла свои маленькія женскія тайны и думала, что въ будущемъ непремѣнно станетъ математичкой и профессоромъ.

Въ тотъ день, когда прапорщикъ получилъ приказъ, онъ едва дождался вечера, чтобы итти къ ивѣ у рѣчки, гдѣ они встрѣчались. Лѣто стояло сухое и знойное, все поспѣло рано, и теперь изъ сада пахло

яблоками и сливами, а съ той стороны рѣчки, съ полей—рожью и соломой. Солнце садилось за высокою рожью и пробивалось сквозь стебли ея блестящими искорками. Трава на лугу около ржи была такая зеленая, что не вѣрилось глазамъ, трава ли это. Ее еще не косили, и по ней отъ самой рѣчки, отъ того мѣста, гдѣ былъ зимній переѣздъ по льду, видна была далеко густая, рыжая полоса лошадинаго навоза, оставшаяся отъ зимней дороги.

Прапорщикъ сѣлъ на берегу, посмотрѣлъ на стайку рыбокъ, неподвижно уставившуюся на серебристый камешекъ и, вытянувшись на травѣ, сталъ слѣдить за краснымъ облачкомъ, похожимъ на комодъ, какъ проплывало оно по высокому голому небу и постепенно дѣлалось не комодомъ, а кроватью.

— Лежень лежитъ, а счастье къ нему само бѣжитъ—вдругъ услыхалъ онъ надъ собой милый голосокъ, и мягкія свѣжія губы вдругъ такъ плотно прижались къ его губамъ, что онъ почувствовалъ легкій холодокъ зубовъ.

Прапорщикъ вздрогнулъ. Это была Миля, а онъ не ждалъ ее такъ скоро. По тому, что глаза ея были красны отъ слезъ и по убитому лицу онъ увидѣлъ, что она уже знаетъ все.

— Ты меня никогда не забудешь?—спросила она, съ женской нетерпѣливостью приступая прямо къ дѣлу.

— Конечно, никогда—отвѣтилъ прапорщикъ, даже пожимая плечами, какъ это можно спрашивать.

Они взялись за руки и молча пошли туда, гдѣ любили гулять всегда, за мостикъ къ омуту — тамъ было такъ отрадно-одиноко среди стараго, корявого лѣса.

Зашло совсѣмъ солнце, быстро и грустно темнѣли поля, и стало тихо-тихо всюду. Но вотъ вѣтеръ вдругъ пролетѣлъ, Богъ знаетъ, откуда по песчаной полянкѣ, вздулъ столбъ пыли и покинулъ его. Столбъ самъ собой еще раза два обернулся вокругъ себя, вытянулся и, наклонясь впередъ, потащился по темнѣющимъ равнинамъ, безъ пути, безъ дороги, одинокій и слѣпой. Шатаясь, онъ спустился въ оврагъ, наткнулся здѣсь на пень и разсыпался прахомъ. Миля, слѣдившая за нимъ глазами, глубоко вздохнула отъ чего-то грустнаго, но неяснаго.

Они сѣли у омута.

— Знаешь ли, почему еще я не могу забыть тебя никогда? — сказалъ прапорщикъ разсудительно, стараясь не просто сказать, а доказать. — Потому что мнѣ постоянно надо, чтобы у меня было что-то, о чемъ я могъ бы заботиться, охранять всѣмъ своимъ мужскимъ умомъ и характеромъ, страдать за него. Безъ этого жизнь моя никакъ не можетъ быть полной. Мнѣ надо что-то хрупкое, можетъ быть, болѣзненное, для котораго я съ утра сталъ бы ломать себѣ голову, что бы покушать ему за обѣдомъ.

Тутъ ему показалось, что доказательство у него не выходитъ, что слова его какія-то неловкія, и онъ самъ засмѣялся умышленно, чтобы скрыть свое смущеніе. Но Миля не отрывала отъ него глазъ и жадно слушала, какъ завороженная.

— Это я, я?—спрашивала она только, заглядывая ему въ глаза.

Она даже наклонила розовое ушко къ его губамъ, чтобы все слышать еще лучше. Она положила ему руку на плечо и крѣпко прижалась юнымъ тѣломъ,

чувствуя смутнымъ дѣвическимъ инстинктомъ, что можетъ дать ему самое большое наслажденіе и радостно гордясь и волнуясь этимъ въ душѣ.

Потомъ она сидѣла молча, глядя, какъ наступала ночь, незамѣтно, тайно. Осока по краю омута стала совсѣмъ черной и глянцевитой, а надъ обманной водой, гдѣ темной, гдѣ прозрачно зеленой, замигали непрерывно неясныя тѣни, словно это стали выходить сюда ночные сны, призраки и кошмары.

Вдругъ лицо прапорщика сдѣлалось холоднымъ, и онъ гнѣвно нахмурилъ брови.

— Но вотъ ты скоро меня забудешь — сказалъ онъ съ горечью. — Ты такая вѣтреная. Ты вотъ и теперь уже позволяешь другимъ цѣловать себѣ руки.

Онъ весь вспыхнулъ отъ гнѣва и ревности и прибавилъ ѣдко:

— Я даже думаю, что ты совсѣмъ, совсѣмъ вѣтреная дѣвчонка! Понимаешь? Это у тебя съ молокомъ матери.

— Какъ же съ молокомъ матери? — съ трепетомъ спросила она.—У меня никто не цѣловалъ руки.

— Неправда! — воскликнулъ онъ уже съ ожесточеніемъ. — А вчера кадетъ? Ты еще говоришь неправду!

Она вдругъ часто-часто замигала рѣсницами, и слезы закапали ей на руки.

— Онъ поцѣловалъ, когда прощались, — сказала она.—Да я и не успѣла отнять. Да я и не знала, что нельзя давать руку въ перчаткѣ.

Онъ вдругъ ошеломленно взглянулъ на нее.

— Такъ развѣ рука была въ перчаткѣ?—воскликнулъ онъ.

— Да—прошептала она сквозь плачъ.

— А, ну тогда другое дѣло!—горячо сказалъ онъ, уже весь сіяя, и жарко обнялъ Милю, и вновь обоимъ стало такъ славно, такъ прекрасно, еще даже лучше прежняго.

Они сидѣли и молчали, и молча сгущалась надъ ними темная и душистая ночь со звѣздами и тонкимъ серпомъ мѣсяца.

Первымъ спохватился прапорщикъ.

— Ахъ, вѣдь надо итти! Тамъ укладываются и, навѣрно, ждутъ меня давно.

И они оба встали и надолго прильнули другъ къ другу.

* * *

Въ имѣніи, дѣйствительно, укладывались спѣшно. У крыльца господскаго дома стояли цѣлыхъ три подводы, слегка позвякивая колокольцами—вся семья и кое-кто даже изъ сосѣдей собирались провожать его на самую станцію. До станціи было верстъ сорокъ. Но узелковъ со всякимъ съѣдобнымъ напихано было по всѣмъ подводамъ, по крайней мѣрѣ, уже верстъ на тысячу. Около подводъ стоялъ босой мужикъ и свѣтилъ надъ головами длиннымъ смолянымъ факеломъ. Тѣни отъ суетящихся людей безшумно скользили по красной оградѣ палисадника, по темнымъ деревьямъ и песчанымъ дорожкамъ. Чья-то гигантская голова уродливо покачивалась во всю стѣну дома — это была прелестная головка одной изъ сестеръ прапорщика. Три другія молоденькія дѣвушки, тоже сестры прапорщика, съ обнаженными руками и открытыми шейками, вцѣпились сообща въ какой-то

тяжелый чемоданъ и съ неудержимымъ хохотомъ тащили его къ пролеткѣ. А на крыльцѣ стоялъ самъ отецъ, старый капитанъ, и брюзжалъ, брюзжалъ на всѣхъ.

— Ну, вонъ онъ и самъ пришелъ! — закричалъ онъ, увидѣвъ сына. — Усаживайтесь, усаживайтесь! На станціи приложитесь. Да что же вы, до свѣту канителиться будете?

Но самъ онъ не двигался съ мѣста и только указывалъ издали, кому куда лучше садиться. И когда всѣ усаживаются, оказывается, что самому капитану нигдѣ нѣтъ мѣста.

— Ну, вотъ, такъ я и зналъ!—качаетъ онъ горько головой, все также не двигаясь съ мѣста.—Конечно, мнѣ и мѣста нѣтъ. Конечно, ужъ я теперь и не отецъ.

Ему находятъ гдѣ-то мѣсто, и онъ уже кричитъ опять на всѣхъ:

— Ну, чего же стали опять? Наказанье вы мое мученическое!

И вотъ всѣ сѣли, подводы рѣзко дергаются съ мѣста и подъ свистъ ямщиковъ несутся со двора въ широко раскрытыя ворота, прямо въ ночное поле, блѣдное и голое. Кто-то на заднемъ тарантасѣ, закинувъ ногу на подножку, долго приплясываетъ по землѣ другой ногой, силясь попасть на свое мѣсто, но все-таки срывается и съ отчаяніемъ остается.

Противъ прапорщика сидитъ младшая сестра въ бѣломъ платьѣ и огромными сѣрыми глазами внимательно смотритъ на него. Она наклоняется къ нему и шепчетъ на ухо:

— Съ Милей прощался?

Прапорщикъ молча киваетъ головой.

— Цѣловались?

— Конечно—говоритъ прапорщикъ.

— Счастливая!—говоритъ завистливо сестра и закрываетъ глаза.

Ночное поле нѣмо и туманно и чуть свѣтится обманчиво тонкимъ кисейнымъ свѣтомъ блѣднаго луннаго серпа. Летятъ навстрѣчу черные кусты, поля съ рожью, сѣрые, необозримые пустыри, мельницы, полевые колодцы и столбы, сонныя деревушки, въ которыхъ и собака не тявкнетъ. И все такъ загадочно, такъ не похоже на самого себя. Стогъ сѣна—не стогъ, а гигантскій монахъ, стоящій на колѣняхъ среди ночного поля, дерево при дорогѣ—не дерево, а мужикъ съ дубиною въ рукѣ, дальняя рига — не рига, а великанская лошадь. Ночная птица безшумно пролетѣла низко надъ травой, и кажется, что пронесся мимо кто-то вдали безумно верхомъ на конѣ.

Но вотъ вдали слышится звонкій трескъ копытъ, и кто-то еле слышно кричитъ отчаяннымъ голосомъ остановиться. Ямщики натягиваютъ возжи, разставляя широко врозь локти, и подводы останавливаются. Слышно, какъ по дорогѣ сзади гонятъ лошадь, и она жарко храпитъ, — и изъ тьмы вдругъ показывается всадникъ безъ шапки, босикомъ и безъ сѣдла. Оказывается, онъ изъ имѣнія — забыли захватить еще какіе-то небольшіе узелки, лежавшіе отдѣльно.

И снова рожь и кусты, и монахъ на колѣняхъ и мужикъ съ дубиною въ рукѣ.

Прапорщикъ въ утомленіи закрываетъ глаза, и ему начинаетъ сладко грезиться, какъ онъ прикомандируется къ полку, какіе славные и доблестные будутъ

у него товарищи, какъ совершитъ онъ чудеса геройства въ первомъ же бою и будетъ награжденъ крестомъ. Скоро эти грезы становятся уже столь сладостны и неопредѣленны, что трудно передать ихъ словами. И прапорщикъ самъ не замѣчаетъ, какъ засыпаетъ.

Сколько времени прошло, какъ онъ задремалъ, онъ не помнилъ, но вдругъ увидалъ передъ глазами въ яркомъ освѣщеніи полуденнаго солнца гладкую поверхность ихъ деревенскаго пруда, густо поросшаго по краямъ высочайшими камышами. Сильная жара стоитъ кругомъ и безмолвіе, и ни одной человѣческой души нѣтъ по-близости. Нѣтъ даже и его самого, хотя онъ и знаетъ, что стоитъ тутъ и видитъ все. Надъ поверхностью же пруда снуютъ взадъ и впередъ какія-то тонкія и длинныя насѣкомыя, все снуютъ и снуютъ безъ перерыва, отъ начала вѣка и до самаго скончанія его.

— Это война—говорятъ длинныя насѣкомыя прапорщику.

— Отлично! — обрадованно восклицаетъ прапорщикъ. — Вотъ я къ вамъ!

И онъ будто бы подскакиваетъ кверху, вмигъ дѣлается такимъ же тонкимъ насѣкомымъ и смѣшивается съ ихъ толпой. Онъ знаетъ, что сейчасъ должно начаться что-то непередаваемо-восхитительное, захватывающее все существо. Но въ это мгновеніе внезапно ужасный ревъ сотрясаетъ неподвижный воздухъ надъ гладью пруда, и все молніеносно останавливается на одномъ мѣстѣ и замираетъ. И такъ это тягостно ему, такъ трудно, такъ больно.

— Да ну же, поѣзжайте!—бормочетъ онъ сквозь

сонъ, смутно чувствуя, что что-то неладное случилось съ подводами и страшно досадуя на это, и открываетъ нехотя глаза.

Лошади, дѣйствительно, стоятъ. Передъ глазами разстилается теперь свѣжее, росистое поле, все въ ласковомъ раннемъ свѣтѣ. Солнце тепло всходитъ изъ-за темной, намокшей за ночь ржи, чирикаютъ шумно птицы въ травѣ и трещатъ кузнечики, и отъ чистаго, какъ стекло, неба нисходитъ къ землѣ утренняя прохлада. Лошади же стоятъ уже у станціи, по которой бродитъ, зѣвая и поеживаясь отъ холодка, невыспавшаяся вокзальная прислуга, и оглушительно кричитъ паровозъ, потрясая мирный, еще сонный воздухъ полей.

— Скорѣе, скорѣе!—машетъ руками отецъ.—Опять канителиться, опять! Чуть не опоздали изъ-за васъ!

Совсѣмъ сонный, со слипающимися глазами, съ головой, еще полной мечтаній и отрадныхъ ночныхъ сновидѣній, прапорщикъ плохо помнитъ, какъ среди наступившей вдругъ вокзальной сумятицы крестятъ его наскоро въ станціонномъ залѣ отецъ и мать, мигая слезящимися глазами, и подаютъ ему какую-то иконку, съ которой онъ не знаетъ, что дѣлать и которая ему сильно мѣшаетъ, какъ кланяется низко кучеръ Кузьма, показывая плѣшивое темя и говоритъ:

— Дай Богъ, значитъ, чтобы, какъ Богу угодно!— какъ сестры охватываютъ его шею теплыми со сна руками и цѣлуютъ, не дотянувшись, въ подбородокъ, и какъ самъ онъ, наконецъ, обваленный со всѣхъ сторонъ чемоданчиками и узелками, сидитъ въ вагонѣ, а отецъ хлопаетъ его по животу и шутитъ сквозь грусть:

— Животикъ обязательно отрости, животикъ не забудь! Скорѣе полковникомъ вернешься!

Поѣздъ стоитъ всего двѣ минуты, но и это кажется такъ долго. И не успѣваетъ онъ еще тронуться, какъ уже прапорщикъ, раскидавъ узелки, валится на лавку и сладко закрываетъ глаза.

— Спать, спать!—шепчетъ онъ радостно.—Такъ, что мнѣ снилось тогда? Ахъ, да, насѣкомыя и прудъ, и что это—война.

И онъ напрягаетъ мозгъ, чтобы вновь ясно вызвать передъ глазами этотъ сонъ. Но воротникъ пальто загнулся къ щекѣ, дыханіе, попадая въ него, такъ тепло согрѣваетъ шею, и отъ этого такъ уютно, такъ хорошо дѣлается на душѣ. Мозгъ уже не служитъ больше желанію, и прапорщикъ вмигъ засыпаетъ глубокимъ, молодымъ сномъ безо всякихъ сновидѣній

II.

Пѣрвое время по пріѣздѣ въ полкъ прапорщикъ занятъ былъ знакомствомъ съ товарищами по полку и своимъ собственнымъ устройствомъ, прилаживаніемъ къ условіямъ знакомой, но все же новой жизни,—и мысли его еще не обращались къ дому.

Но, привыкнувъ ко всему этому новому и хорошо ознакомившись со своими солдатами, прапорщикъ все чаще началъ останавливаться мыслями на ласковыхъ деревенскихъ картинахъ. И какъ неслыханно прекрасны стали казаться онѣ ему теперь! Сколько вдругъ сталъ онъ видѣть въ нихъ восхитительнаго, что раньше совсѣмъ незамѣтно было глазу, сколько всякихъ новыхъ трогательныхъ пустяковъ.

— Но какъ же я не замѣчалъ ничего раньше? Какая это жалость!—только говорилъ онъ себѣ теперь съ изумленіемъ и сокрушеніемъ.

То вдругъ ему вспоминался отъѣздъ его, вспоминалось, какъ суетились всѣ домашніе, собирая его въ дорогу, а онъ стоялъ и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на все это—съ тою скукой и непріязненностью, которыя всегда наполняютъ сердце молодости отъ дальнихъ проводовъ. Ему вспоминалось, какъ онъ холодно, такъ нехорошо-холодно простился съ отцомъ и сестрами, какъ онъ даже ни разу не выглянулъ изъ вагона и не помахалъ платочкомъ, а вмѣсто этого тутъ же завалился спать. И это были теперь такой укоръ, боль и стыдъ душѣ его.

— Ну, зачѣмъ это я такъ нехорошо?—раскаивался онъ и укорялъ себя теперь.—Зачѣмъ надо было такъ недобро?

То вспоминалась ему вдругъ Миля; и вспоминалось непремѣнно, какъ онъ ревновалъ, а она плакала, такъ безпомощно, такъ горестно. И это была еще большая тоска, горечь и раскаяніе. Ему думалось теперь, что всей жизни его не хватитъ, чтобы загладить эти слезы ея.

— Я по характеру очень-очень скверный человѣкъ!—говорилъ онъ себѣ съ отчаяніемъ.

Зато съ какой неистовою страстностью перечитывалъ онъ письма изъ дома, какъ драгоцѣнно стало ему въ нихъ каждое слово, какое наслажденіе было просто смотрѣть на адресъ: «Въ дѣйствующую армію. Штабъ 3-й пѣхотной дивизіи, прапорщику Ивану Петровичу Комлеву»,—особенно, если адресъ написанъ былъ криво дѣтскимъ Милинымъ почеркомъ.

Однажды прапорщикъ получилъ отъ Мили ея карточку. Это была такая радость ему, что штабсъ-капитанъ Свириденко, увидѣвши его въ тотъ день, сказалъ съ задумчивымъ сарказмомъ:

— Не понимаю, какъ можно такъ напиваться. Побей меня Богъ, не понимаю. И самъ я никогда такъ не напивался, побей меня Богъ.

Прапорщикъ сталъ всегда носить эту карточку съ собой и всегда со счастливымъ замираніемъ сердца помнилъ о ней — и во время учебной стрѣльбы, и показывая солдатамъ удобнѣйшій способъ окопки. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все обаятельнѣе дѣлались ему въ мечтахъ и деревня, и семья, и Миля.

А вокругъ стояли незнакомыя, не русскія поля. Гдѣ густою щетиною поднималась на нихъ длиннохвостая кукуруза, гдѣ совсѣмъ красная земля вдругъ выпирала горбомъ, гдѣ росла какая-то рыжая мочалка, какой прапорщикъ еще не видалъ ни разу. Мѣстами попадались цѣлыя заросли ландыша, но и онъ былъ здѣсь какихъ-то невиданныхъ размѣровъ и съ деревянистыми стеблями. Синѣли горы въ отдаленіи, дурманно цвѣла мѣстами рѣдкостная гарденія, и солнце жгло такъ, что руки безъ перчатокъ становились красными, какъ отъ ожога, а у солдатъ облупились носы.

* * *

Въ штабѣ было получено отъ развѣдчиковъ донесеніе, что показался непріятель численностью около баталіона и стоитъ между двумя холмами, скрываясь за дубовой рощей.

Уже сильно вечерѣло. Солнце краемъ склонялось къ низкому полю, покрытому какой-то дикой растительностью, странными колышками съ зелеными побѣгами и серебристыми цвѣтами. Надвигалась ночная прохлада, мѣсяцъ, виднѣвшійся на небѣ, какъ маленькое бѣлое облачко, сталъ походить на свѣтлый никелевый кружокъ, и откуда-то сильно потянуло могущественнымъ цвѣтеніемъ магноліи.

Бригада послѣ утомительнаго перехода уже собиралась на ночной привалъ, и всегда могла бы быть застигнута врасплохъ, если бы развѣдка была хуже, не столь бдительна и точна. Одинъ изъ развѣдчиковъ, имѣвшій непріятельскую офицерскую форму, даже прошелъ съ отчаянною смѣлостью бѣгло, но зорко, лагеремъ противника. Онъ не зналъ его языка, такъ что на вопросъ иностраннаго офицерскаго чина, откуда у него русская винтовка, только отмахнулся рукой, будто ему сильно некогда, но и это сошло ему съ рукъ благополучно.

Двѣ роты тутъ же прошли по дубовому лѣску, разсыпались цѣпью и залегли по опушкѣ, двѣ другія и артиллерія обошли холмъ и спрятались за камнями и земляными выступами. Прапорщикъ лежалъ на опушкѣ лѣса, за низенькимъ, но густымъ орѣховымъ кустикомъ и, затаивъ дыханіе, замеревъ всѣмъ сердцемъ, смотрѣлъ, что было передъ нимъ. Среди кристально-чистаго воздуха и неяркаго освѣщенія заходящаго солнца ему отчетливо виденъ былъ каждый непріятельскій солдатъ. Тамъ, должно быть, шло обученіе или преподавалась какая-либо инструкція, потому что всѣ солдаты стояли фронтомъ, и передъ ними ходилъ офицеръ и, видимо, съ чѣмъ-то къ нимъ

обращался. Но словъ отсюда не было слышно, только голосъ офицера глухо долеталъ сюда.

Было тихо-тихо кругомъ, до того тихо, что прапорщикъ слышалъ, какъ стучитъ его сердце, и какъ шелеститъ какая-то птичка въ близкомъ тѣнистомъ дубкѣ. Прапорщику было и жутко, и радостно, и такъ сладко было сознавать, что вотъ начинается, наконецъ, то самое настоящее дѣло, въ которомъ смерть играетъ жизнями сотенъ людей и которое, Богъ знаетъ, что сулитъ ему самому. Какимъ-то внутреннимъ, чисто охотничьимъ чутьемъ онъ угадывалъ, что дѣло будетъ удачно. Вскользь онъ радостно видѣлъ, какъ удобно цѣлиться солдатамъ, какъ каждый выбираетъ себѣ врага, читалъ удовольствіе на солдатскихъ лицахъ и зналъ, что залпъ будетъ блестящимъ. И ему такъ странно было и такъ не хотѣлось представлять себѣ, что вотъ этого курносаго солдата, который такъ спокойно дышитъ сейчасъ около него, черезъ нѣсколько минутъ уже можетъ не быть въ живыхъ.

Затѣмъ прапорщикъ увидалъ, какъ въ непріятельскихъ рядахъ вдругъ все задвигалось и всполошилось. Очевидно было, что тамъ что-то случилось, можетъ быть, замѣтили какъ-либо приближеніе противника. И въ этотъ же мигъ онъ услышалъ команду, и дружный залпъ всей стрѣлковой цѣпи на минуту оглушилъ его.

Въ этотъ же самый мигъ изъ-за покатаго голаго холма, куда ушли орудія, вылетѣло рѣзко кудрявое сизое облако дыма, и ударило орудіе, сотрясая вечернюю кроткую тишину гулкимъ звономъ мѣди и скрежетомъ снаряда.

— Ура! — вдругъ закричалъ курносый солдатикъ,

сидѣвшій на корточкахъ рядомъ съ прапорщикомъ и бросился впередъ черезъ кусты.

— Ура!—закричалъ, что есть силы, и прапорщикъ и тоже бросился за солдатомъ черезъ кусты и увидѣлъ, что другіе съ ружьями наперевѣсъ давно уже бѣгутъ, обгоняя другъ друга, и кричатъ «ура».

Выбѣжавъ за кусты, прапорщикъ увидѣлъ, что тамъ, гдѣ только что стройно стояли фронтомъ непріятельскіе солдаты, была теперь невообразимая каша, кипѣвшая отъ ихъ лагеря до самаго холма, а изъ-за холма выбѣгали вразсыпную и строемъ другіе люди.

Прапорщикъ бѣжалъ сначала по какой-то низенькой, курчавой травкѣ, а потомъ почувствовалъ, что бѣжать стало тяжело, и замѣтилъ, что подъ нимъ теперь неровное вспаханное поле. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что бѣжитъ одинъ, далеко впереди всѣхъ своихъ, и только курносый солдатикъ поспѣваетъ за нимъ, тяжело дыша. Но это одиночество его нисколько не испугало. Въ какомъ-то странномъ, изступленномъ упоеніи онъ еще больше сталъ напрягать всѣ свои силы, лишь останавливаясь временами, чтобы только дать выстрѣлъ по мятущейся кашѣ.

— Ура!—кричалъ онъ во всю широкую мощь своихъ молодыхъ, здоровыхъ легкихъ.

— Ура! — поддерживалъ его сзади, запыхавшись, курносый солдатикъ.

Что-то изступленно, необузданно влекло прапорщика туда, гдѣ жизнь и смерть уже сплелись неразлучно воедино. Онъ не зналъ еще хорошенько, что онъ будетъ дѣлать тамъ, когда добѣжитъ, но, каза-

лось ему, что было тамъ то, что дороже всей жизни его, какъ бы ни обѣщала она въ будущемъ стать прекрасной, даже дороже всѣхъ жизней въ мірѣ, и онъ, не задумываясь, убилъ бы теперь всякаго, кто посмѣлъ бы помѣшать ему сдѣлать то, что онъ началъ.

Но вдругъ черное, вспаханное поле кончилось, и прапорщикъ увидѣлъ передъ собой не широкій, но глубокій и обрывистый оврагъ, который совсѣмъ не былъ виденъ тогда, когда всѣ еще сидѣли за кустарникомъ. Онъ на минуту остановился, лихорадочно соображая, что ему сдѣлать теперь—онъ видѣлъ, что, хотя оврагъ и не широкъ, ему не перепрыгнуть. И въ этотъ мигъ вблизи, съ лѣвой стороны, вдругъ что-то глухо тяпнуло о землю. Онъ сейчасъ же почувствовалъ тамъ темную, несознаваемую, но смертельную опасность себѣ и повернулся къ ней. Небольшое металлическое вертѣлось тамъ, свистя и шипя и разбрасывая вокругъ себя траву и красную землю.

— Ложись!—закричалъ прапорщикъ, увидѣвъ, что курносый солдатъ уже подбѣжалъ къ нему вплотную и тоже остановился надъ оврагомъ, тяжело переводя духъ.

Прапорщикъ сильно толкнулъ его въ грудь и успѣлъ увидѣть, какъ тотъ уронилъ винтовку и упалъ въ траву внизъ лицомъ.

«Его не задѣнетъ,—успѣлъ онъ подумать еще съ непоколебимою увѣренностью въ себѣ, словно всѣ судьбы человѣческія открылись теперь мгновенно и ясно передъ глазами его.—Но неужели это моя смерть»?

И еще съ секунду, словно зачарованный, смотрѣлъ

онъ на вертящееся, никакъ не догадываясь, что и ему тоже надо лечь. Но вотъ надъ шарикомъ столбомъ стала кверху красная пыль, и вздрогнули отъ удара воздухъ и земля. Кто-то словно стальнымъ кулакомъ ударилъ по головѣ прапорщика сверху по темени, такъ что у него позеленѣло и потемнѣло все въ глазахъ.

— Впередъ!—словно опомнившись, вдругъ закричалъ онъ во весь голосъ и дернулся впередъ всѣмъ тѣломъ.

Но теперь ему уже только показалось, что онъ закричалъ. Губы его стиснулись и побѣлѣли, и лицо стало мертвецки синимъ. Самъ же онъ, словно деревянный, ткнулся въ траву окровавленной головой.

III.

Прапорщикъ былъ контуженъ въ голову и грудь, глубоко и серьезно, но не смертельно. О томъ, что онъ контуженъ, самъ онъ не зналъ совершенно ничего. Сознаніе его было темно и куда-то глубоко запало—оно не знало даже о томъ, что всю ночь пролежало тутъ тѣло, и только подъ утро, когда всѣ немного отдохнули послѣ жаркаго, побѣдоноснаго дѣла, пришли солдаты и подобрали его. Ничего не зналъ также прапорщикъ и о томъ, какъ оперировали и перевязывали его въ полевомъ госпиталѣ, хотя онъ и стоналъ, не зналъ, какъ бережно укладывали его на носилки и вносили въ санитарный поѣздъ. Не чувствовалъ онъ, какъ мягко, но быстро мчался поѣздъ, какъ на третій день замелькали мимо сѣрыя, при-

вычныя картины—гдѣ болотце, гдѣ рѣчушка, заросшая осокой, гдѣ дикій кустарникъ, гдѣ стадо, бродящее въ вечернемъ туманѣ, гдѣ деревушка, съ кучами соломы за околицей, съ упавшимъ заборомъ, съ глухимъ репейникомъ около него. Холодный вѣтеръ дуетъ по полямъ, и плотно закутанныя по самую голову бабы разстилаютъ ленъ по поблекшей травѣ, а надъ бабами вьются тучи галокъ и воронъ, дожидаясь, когда всѣ уйдутъ, чтобы поклевать послѣ нихъ коноплянаго сѣмени, а надо всѣмъ этимъ все сѣетъ и сѣетъ тусклая, непривѣтливая, осенняя изморось.

Но вмѣсто всего этого прапорщикъ видѣлъ совсѣмъ другое и такъ ясно, словно бы происходило все передъ самыми глазами его. То видѣлъ онъ, что непріятель сплошной лавиной наступаетъ на него, вытянувши впередъ руки, и изъ рукъ этихъ образуется такая каша, что прапорщику даже трудно повернуться къ ней.

— Я такъ не могу,—будто бы говоритъ онъ непріятелю, задыхаясь.—Вы очень густо.

— Что же дѣлать?—отвѣчаютъ ему съ сожалѣніемъ.—Это шрапнель.

И прапорщику такъ тягостно и больно отъ этихъ рукъ, что онъ мечется въ забытьи и старается сорвать съ себя бинты и повязки.

То видѣлся ему ласковый свѣтъ и красное заходящее солнце, и тихій вечеръ, и ива у рѣчки. Рожь будто бы колышется на томъ берегу, словно золотистая чешуя, зеленѣютъ льны и трава, и ястребъ надъ ними стоитъ неподвижно противъ вѣтра. А по рыжему слѣду отъ зимней дороги идетъ Миля, и такъ печальна она, такъ печальна.

— Что съ тобою, Миля?—съ тревогою и нѣжностью спрашиваетъ онъ будто бы ее.—Посмотри, какъ хорошо кругомъ, тихо.

— Я не могу смотрѣть,—отвѣчаетъ она ему, словно бы горько.—Я должна итти въ сестры милосердія, потому что около тебя можетъ случиться шрапнель.

И эти слова ея такъ безотрадно скорбны ему, что все тѣло его наполняется нестерпимою болью.

То представлялся ему въ иной разъ будто бы какой-то праздникъ, на который идетъ безчисленное множество людей. И кого ни спроситъ онъ, куда всѣ идутъ, всѣ машутъ въ отвѣтъ руками въ даль и говорятъ:

— Туда же!

Тогда и самъ онъ идетъ за другими. И вотъ начинаетъ дуть сильный вѣтеръ, взметаетъ пыль по всѣмъ дорогамъ, клонитъ всю траву земную и деревья и изъ страшной дали откуда-то доноситъ тихую музыку и неясные, но восторженные клики многихъ невидимыхъ людей. Клики же эти кого-то торжественно прославляютъ.

Прапорщикъ прислушивается къ нимъ и вдругъ очень смущается. Ему слышно, что это прославляютъ его самого за что-то, говоря, что поистинѣ можно ему позавидовать. Прапорщику дѣлается и радостно и совѣстно, и въ то же время онъ пугается, какъ бы не было тутъ какой ошибки. Поэтому онъ рѣшаетъ не ходить дальше, а лучше слушать издали. Но едва онъ такъ рѣшаетъ, какъ хорошо видитъ, что никакихъ кликовъ, прославлявшихъ его, нѣтъ и въ поминѣ, а что это только буйный вѣтеръ то вскрикиваетъ глухо, то безсмысленно бормочетъ за

угломъ чьего то чужого дома, и что людей тоже никакихъ нѣтъ, а вмѣсто всего этого праздника лишь стоитъ одна черная полночь, и въ тихомъ чужомъ домѣ щелкнули часы и не чисто пробили два раза. И это такое горестное разочарованіе, что вновь дѣлается прапорщику очень трудно, до того трудно и тягостно, что онъ порывается съ кровати, силясь убѣжать отъ этой черной ночи и глухой пустоты.

Когда же, наконецъ, прапорщикъ очнулся отъ своихъ бредовыхъ сновидѣній, онъ увидѣлъ вокругъ себя бѣлыя, больничныя стѣны, столикъ съ лекарствами около, свѣтло натертый полъ безъ пылинки, бѣлую надпись въ головахъ и сидѣлку. Въ широкое окно виднѣлось свѣтлое небо, и нежаркій осенній лучъ протянулся отъ окна къ его постели. Прапорщикъ уставился глазами на сидѣлку и ничего не могъ понять. Онъ сталъ съ усиліемъ догадываться, что бы это такое могло случиться съ нимъ. Ему стало вспоминаться, какъ онъ бѣжалъ по вспаханному полю, какъ упала шрапнель, и какъ онъ крикнулъ солдату ложиться.

— А гдѣ же солдатъ? — спросилъ онъ сидѣлку, все еще ничего не понимая.—Курносый такой? Живъ онъ?

— Да, живъ, — привычно, но внимательно отвѣтила сидѣлка. — Вы теперь въ больницѣ.

— Въ больницѣ? — очень удивился прапорщикъ — Въ какой больницѣ?

— Въ Москвѣ.

— Какъ въ Москвѣ? — воскликнулъ прапорщикъ, совсѣмъ теряясь и не вѣря ей. — А какъ же, вѣдь, я былъ, гдѣ кусты?

И въ эту самую минуту ему внезапно вспомни-

лось, какъ, разбрасывая траву и землю, дымъ и пламень, разорвалась съ грохотомъ шрапнель, а его, прапорщика, словно кто гигантскій ударилъ по темени желѣзнымъ кулакомъ, такъ что у него все потемнѣло въ глазахъ. Тогда ему сдѣлалось все ясно, и онъ теперь еще удивился только, какъ это онъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ попалъ въ Москву — онъ ужъ никакъ не могъ вспомнить дороги.

Мирные, тихіе, отрадные дни съ покоемъ, съ заботливымъ уходомъ, съ непрерывнымъ, неутомляющимся вниманіемъ потянулись въ больницѣ, молодыя, неистраченныя силы тѣла брали свое, и здоровье возстанавливалось быстро. Все время прапорщикъ былъ въ томъ радостномъ, счастливомъ состояніи, какое наполняетъ тяжело больного, когда онъ возвращается обратно отъ смерти къ жизни. Къ этому времени къ нему уже можно было допускать постороннихъ, и вотъ перваго, кого онъ увидѣлъ, это былъ отецъ. Старикъ былъ все тотъ же, полный, брюзжащій, немного чванный, вѣчно всѣмъ недовольный, но совсѣмъ покладистый по душѣ.

— А я думалъ, ты безъ ноги, безъ ноги! — во весь голосъ заговорилъ онъ, входя.—А у тебя всего то какія-то пустячныя контузіи! Сплоховалъ, братъ, сплоховалъ! Хоть бы ужъ руку тамъ оставилъ!

А въ глазахъ его были нѣжность и ликованіе, что у сына пустячныя контузіи, и онъ съ обѣими ногами и руками.

— А знаешь ли какую штуку Полька удрала, а?— говорилъ капитанъ. — Вѣдь она въ милосердныя пошла! Я, — говоритъ, — папа, не могу. Что такое не могу? А я могу?

И опять сквозь черствый голосъ и презрительный смѣхъ видно было, какъ радуется его старое сердце. Но прапорщикъ представилъ себѣ младшую сестру Полю, какая она жизнерадостная, кроткая и прелестная, и ему сдѣлалось такъ жалко ее.

— А Миля? — очень хотѣлось ему спросить у отца но онъ стыдился передъ нимъ своихъ завѣтныхъ чувствъ, какъ осудительной слабости.

Время стало подходить уже къ поздней осени. Бѣлый иней началъ высыпать по раннимъ утрамъ на выступы домовъ, небо сдѣлалось бѣлымъ, и въ холодномъ воздухѣ стала чувствоваться близость скораго снѣга.

Здоровье прапорщика настолько поправилось, что можно было везти его въ деревню. И вотъ тепло и толсто закутанный съ ногъ до головы, онъ ѣхалъ уже по желѣзной дорогѣ, на другой день увидѣлъ ту захолустную станцію, которая знакома была ему со всѣми мелочами отъ самаго дѣтства, а къ вечеру уже трясся на тарантасѣ по тѣмъ широкимъ, ровнымъ полямъ, гдѣ въ лѣтнія лунныя ночи было все такъ свѣтло и мутно, призрачно и таинственно, и такъ непохоже на самого себя.

IV.

Еще покойнѣе, чѣмъ въ больницѣ, еще уютнѣе пошли дни за днями въ деревнѣ. Вовремя обѣдъ, и ужинъ, и чай, все такъ заботливо приготовленное и поданное, и та особенная деревенская праздность,

которая не въ тягость, съ долгими разговорами, любопытнымъ разспрашиваніемъ сосѣдей, мирными вечерами при мягкой лампѣ, и вовремя здоровый сонъ, и вовремя радостное пробужденіе съ сознаніемъ, что некуда спѣшить и нечего дѣлать, какъ все это не похоже было на столь недавнюю бивачную жизнь! И какъ пріятно было вспоминать и разсказывать о ней отцу и матери, и какъ чудно самому слушать щебетанье и милый смѣхъ сестеръ. Только одной Мили не было около него. Она была въ гимназіи и не знала еще ничего о немъ и о томъ, что онъ пріѣхалъ въ деревню.

— Вотъ Миля обрадуется! — шептала ему на ухо сестра гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ гостиной. — Ухъ, какъ прилетитъ!

— А Поля-то, Поля! — перебивала горячо другая. — Вотъ молодецъ! Мнѣ бы ни за что такъ не сдѣлать! Ну, скажи еще, какъ тебя ранили? Больно было? Ты кричалъ?

— Ванюша! — звала изъ столовой мать. — Поди-ка сюда, разскажи еще, какъ тебя тамъ ранили?

— Это ты хорошо, что солдата уронилъ—въ то же время говорилъ оттуда же отецъ. — Но я думаю порядочно тебя стукнуло. Куда, говоришь, тебѣ попало?

Утромъ, еще не проснувшись, какъ слѣдуетъ, прапорщикъ уже слышалъ у двери осторожные шаги, и чей-то шопотъ спрашивалъ у кого-то:

— Проснулся?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ другой шопотъ, нѣсколько сиповатый.

— Да ты, безумная, вычистила ли сапоги-то ему вчера? Послѣ охоты-то? — вдругъ словно спохватив-

шись, гнѣвно говорилъ первый шопотъ. — Небось забыла?

— Они ихъ подъ кроваткой держатъ-съ — отвѣчалъ виновато другой шопотъ—сиповатый.

— А ты, дура, не догадалась попросить?

— Да я говорила: «Надѣньте, говорю, баринъ, туфельки». А они махнули мнѣ ручкой, вотъ этакъ, да и говорятъ: «Ступай вонъ». А послѣ они спать полегли. Я ихъ и не безпокоила-съ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ безпокоить — говорилъ, уже смягчаясь, первый шопотъ. — Ужо вычисти.

Къ обѣду обычно собирались гости, и тутъ уже не было конца разговорамъ о бригадахъ, дивизіяхъ, корпусахъ, пуляхъ думъ-думъ и бризантныхъ гранатахъ. Капитанъ, хотя былъ морской вояка, любилъ показать, что онъ и въ пѣхотѣ, и въ кавалеріи знаетъ толкъ, и вообще вездѣ можетъ чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ. Тутъ же, примостившись гдѣ-либо на концѣ стола, чертилъ онъ могучіе планы, какъ можно съ горстью людей, правда отборныхъ и соединеннаго оружія, овладѣть всей Европой и почему-то половиной Австраліи. И далеко за полночь затягивались бесѣды, пока сладкій сонъ не начнетъ туманить головы, и гости не вспомнятъ, что завтра рано утромъ надо вставать, чтобы разъѣзжаться по своимъ имѣніямъ и приниматься снова за рожь и пшеницу. И такъ шли тихіе дни за днями, ровно, спокойно, незамутимо.

Только одно было немного странно во всемъ этомъ пріятномъ времени. Когда прошло нѣсколько длинныхъ деревенскихъ дней, и потускнѣли немного первыя неожиданныя впечатлѣнія, и когда прапорщикъ

сталъ дольше оставаться съ самимъ собой и для себя уже вспоминать военное время свое, чувство какой-то неудовлетворенности, даже неудовольства собой начало овладѣвать его душой. Было чувство, словно бы тамъ не сдѣлалъ онъ еще чего то такого, пропустилъ очень важное, даже самое важное. Онъ будто бы пропустилъ это важное ненарочно, самъ не зная какъ, но все равно безпокойство душевное отъ этого не дѣлалось меньше. И еще, когда онъ задумывался о томъ, какъ жилъ онъ въ палаткѣ, и какое было тамъ офицерство, и когда вспоминалъ своихъ солдатъ, чувство сильной тоски вдругъ охватывало его иной разъ. Вдругъ такъ все заманчиво начинало казаться это, такъ привлекательно, что все бы, кажется, отдалъ, чтобы только очутиться тамъ въ ту же минуту. Было такъ заманчиво и обаятельно, какъ заманчива и обаятельна была деревня оттуда, изъ солдатской палатки среди иноземныхъ полей. Онъ чувствовалъ въ эти минуты, что нестерпимо соскучился по нимъ, и удивлялся на самого себя.

И вотъ въ эти то странныя минуты вдругъ такими утомительными начинали казаться ему заботы домашнихъ и такимъ пустымъ деревенскій покой. Одинъ разъ даже, когда они вышли въ садъ гулять съ отцомъ, онъ сдѣлалъ дурную рѣзкость. Капитанъ сталъ отмѣрять шагами землю и сказалъ ему съ увлеченіемъ:

— Вотъ, братецъ ты мой, доживемъ мы съ тобой до весны и такую тутъ резеду съ жасминомъ запустимъ, что просто всѣмъ въ носъ ударимъ.

И это тогда показалось прапорщику такъ скучно и непріятно, что онъ отвѣтилъ совсѣмъ сухо:

— Ну ужъ ударяй въ носъ, братецъ, самъ, а меня оставь въ покоѣ.

Самъ прапорщикъ съ самаго начала объяснялъ все это своею тоскою по Милѣ. Ему еще думалось, что только отъ этого онъ такъ нервенъ, что стоитъ ей пріѣхать и его неудовлетворенность какъ рукой сниметъ.

И вотъ пріѣхала, наконецъ, и Миля. Прапорщикъ помнилъ, съ какимъ замираніемъ сердца шелъ онъ увидѣть ее, ея коричневое платьице, гимназическій передникъ, услышать милый голосъ и прелестный смѣхъ. Она сидѣла въ саду на лавочкѣ, въ осенней теплой жакеткѣ и съ большой муфтой въ рукахъ, и носикъ ея покраснѣлъ отъ рѣзкаго вѣтра. Вѣтеръ гналъ мимо нея съ печальнымъ шелестомъ сухіе листья, наметая изъ нихъ сугробъ около столбика скамейки. Двѣ вороны нахохлились угрюмо на черныхъ сучьяхъ голаго дерева, и надъ вершиной его нависало низкое, тяжелое небо, мутное, темное, непривѣтливое.

— Здравствуй, Миля, — сказалъ онъ подходя, и засмѣялся отъ радости.

— Здравствуй,—отвѣтила она, и все лицо ея тоже озарилось внутреннимъ свѣтомъ.

Онъ сѣлъ къ ней на скамейку и взялъ ее за обѣ руки.

— Ну какъ же ты? — спросилъ онъ, не зная, что сказать.

— Я ничего—отвѣтила она тихо—А ты такой же. Я думала, ты сталъ совсѣмъ другой.

Они оба замолчали, и оба покраснѣли, смущенные тѣмъ, что имъ не о чемъ говорить.

— И ты все такая же. Ты ни капельки не измѣнилась, — сказалъ опять прапорщикъ.

— Да, — отвѣтила Миля, и они снова замолчали и уже совсѣмъ.

Прапорщикъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что ему совершенно нечего сказать Милѣ.

И сама Миля показалась ему теперь какой-то совсѣмъ иной, не прежней, и особенно совсѣмъ не такой, какой стояла она въ жаркихъ мечтахъ его тамъ, около непріятельской земли. Онъ почувствовалъ передъ ней не только смущеніе, но и какую то несвободу, и за самой радостью встрѣчи ясно ощущалъ все то же самое смутное свое, неясное, безпокойное, похожее на то, словно бы забылъ онъ сдѣлать что то очень важное среди своихъ солдатъ.

— «Нѣтъ, какіе то странные стали всѣ они. Чужіе какіе то. Какъ измѣнились, ахъ, какъ измѣнились!» — подумалъ прапорщикъ печально о домашнихъ своихъ и о Милѣ, все еще къ нимъ однимъ относя все недовольство свое.

Ему все еще непонятно было, что все осталось попрежнему, все на своихъ мѣстахъ, а что это только его мужская твердая душа, получившая боевое крещеніе, уже перестала понимать очарованіе домашняго уюта и рвется снова къ своему мужественному простору.

Послѣ встрѣчи съ Милей всю ночь просидѣлъ прапорщикъ за своими думами. Потомъ онъ сталъ писать. Онъ писалъ воинскому начальнику рапортъ о полномъ возстановленіи своего здоровья и излагалъ просьбу снова зачислить его въ полкъ.

А пока онъ писалъ, за темнымъ окномъ измѣнялось все неслышно, но поразительно. Широкій бѣлый свѣтъ забрезжилъ среди ночи по всему міру. Густо выпалъ первый снѣгъ, покрылъ всю грязную, осеннюю землю, и стало все кругомъ такое новое, интересное и чудесное.

ТВОРЧЕСТВО.

Вы всѣ, конечно, знаете высокія писанія нащего удивительнаго публициста и философа Соликамскаго, васъ, быть можетъ, не разъ поражало, что даже въ самое послѣднее время, хотя бы даже вчерашняя статья его въ той газетѣ, какую вы привыкли брать въ руки по утрамъ, что даже въ послѣднее время всѣ произведенія его остались проникнуты все тѣмъ же прекраснымъ духомъ гуманности и благожелательности, искренняго уваженія къ человѣческимъ правамъ, смиреннымъ признаніемъ своихъ недостатковъ и прощеніемъ чужихъ. Когда я самъ прочелъ эту вчерашнюю статью, я не могъ не удивиться неотразимой силѣ и какой-то особенной внутренней убѣдительности ея словъ, и мнѣ невольно вспомнились слова Соликамскаго, совсѣмъ недавно обращенныя ко мнѣ при нашемъ послѣднемъ свиданіи.

— Другъ мой, — сказалъ онъ мнѣ тогда, тепло притрагиваясь къ моему колѣну. — Другъ мой! Посмотри, что дѣлается на свѣтѣ. Одни проклинаютъ жизнь, другіе славословятъ ее. Одни всегда смѣются, другіе пьютъ вечерній чай, мило шутятъ съ женой и, выйдя затѣмъ въ кабинетъ, убиваютъ себя пулей

въ високъ, конечно, накрывши голову плэдомъ, чтобы не такъ было слышно. И никто изъ нихъ не знаетъ, что заставляетъ ихъ дѣлать все это, и никто не знаетъ, что такое жизнь, и что такое смерть.

Я помню, что при этихъ словахъ Соликамскій снялъ пенснэ, и я былъ пораженъ, какимъ чудеснымъ, живымъ огнемъ сіяли его глаза.

— Дорогой мой! — продолжалъ онъ снова въ волненіи.—Вѣдь эта тайна столь помрачающа и прельстительна, что нельзя не чувствовать трепета и восхищенія передъ ея грандіозностью. Милый, мы во многомъ обманываемся въ жизни. Достигнувши счастья, мы быстро привыкаемъ къ нему и видимъ, что оно уже вовсе не счастье. Въ нашей душѣ заложено ощущеніе нашей безсмертности, мы все дѣлаемъ не такъ, какъ если бы умерли завтра, а такъ, какъ если бы жили вѣчно на землѣ, и вдругъ все же приходитъ смерть и уничтожаетъ человѣка безслѣдно. Такъ знаешь ли, мой драгоцѣнный, для чего все это сдѣлано? Никто не знаетъ, а я знаю и понимаю, я открылъ!

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, а онъ сказалъ дальше съ дрожью въ голосѣ:

— Все для того, чтобы мы, занимаясь всякими пустяками, не замѣтили смерти. Понятно ли тебѣ теперь, почему я такъ люблю и прощаю все людямъ? Вѣдь они — безпомощныя дѣти, играя всходящія на эшафотъ. И восторгъ, и благодарность тому, кто сумѣлъ такъ заботливо обставить насъ этими обманами, и хвала жизни за то, что столь сладостны обманы ея!

Все съ большимъ изумленіемъ смотрѣлъ я на Соликамскаго. Я совсѣмъ непонималъ послѣднихъ

словъ его. Не то, чтобы мысли его были совершенно чужды мнѣ. Напротивъ, я и самъ болѣлъ ими, но обманчивость нашего земного лишь ужасала меня и внушала къ ней отвращеніе, а къ жизни — брезгливость. Мои друзья знаютъ, какой я пессимистъ, и я хотѣлъ уже обратиться къ Соликамскому съ какимъ-то холоднымъ замѣчаніемъ, какъ вдругъ причина его непослѣдовательности мнѣ отчасти уяснилась. Я не могъ не замѣтить, что тутъ же на моихъ же глазахъ раскрылся самъ тайный ростокъ вдохновенія, какой не всякому удается подсмотрѣть. И, на самомъ дѣлѣ, осѣненный вдохновеніемъ, Соликамскій вынулъ книжку и въ нетерпѣніи сталъ заносить туда слова. Быть можетъ, результатомъ то этого нашего разговора и явилась его вчерашняя замѣчательная статья, проникнутая почти невѣроятною для нашего времени жизнерадостностью. Но такъ это или нѣтъ, я сейчасъ лишь особенно предлагаю вчитаться въ то мѣсто, гдѣ говорится, какъ удобно, какъ легко было бы жить человѣку, если бы онъ цѣлью своей жизни поставилъ непрерывное стремленіе помогать другому, оберегать его и нѣжить. Это мѣсто — воистину радость откровенія!..

Впрочемъ, вы всѣ сами знаете, какъ глубоки произведенія Соликамскаго. Но тотъ удивительный случай, какой произошелъ съ нимъ во дни войны, кажется, извѣстенъ только мнѣ одному, его ближайшему другу. Быть можетъ, даже только немногіе изъ васъ знаютъ, что Соликамскій большую часть своей жизни провелъ совсѣмъ неподалеку отъ Петрограда, и всякому изъ васъ, кому любопытно было бы посмотрѣть, какіе у него волосы или лицо, сдѣлать это

было бы не трудно. Отъ себя я замѣчу только, что другѣ мой все беретъ лѣвою рукою и пишетъ ею, хотя правая у него совершенно здорова. Онъ лѣвша.

Живетъ онъ по Финляндской дорогѣ, недалеко отъ той станціи, которая носитъ такое поэтическое и звучное имя: Оллила. Вокругъ мѣсто совершенно уединенное и пустынное, пышные и глубокіе снѣга, гдѣ серебристые, гдѣ голубые, необъятное пустое пространство залива съ черной черточкой по горизонту, гдѣ начинается незамерзшая вода, молчаливыя сосны въ кружевномъ инеѣ и снѣгѣ, и все недвижимо, и все безглагольно, и все холодно и безучастно. Эта безучастность финской природы особенно рѣзко бросается мнѣ въ глаза въ морозныя ночи, когда есть звѣзды и луна, черныя тѣни тянутся клиньями отъ сосенъ по свѣтлозеленому снѣгу, а между тѣмъ ничто, ни одинъ загадочный звѣрекъ не промелькнетъ смутнымъ пятномъ по снѣгу. Меня удивляло, какъ это Соликамскій чуть не безвыѣздно можетъ жить тутъ. Это даже поражало меня. Вѣдь вы знаете, какъ часто появляются въ печати его столь радостныя произведенія. Вы понимаете, конечно, что меня поражала не самая радостность ихъ; всѣ мы знаемъ, что при вдохновеніи живется легче даже въ кругломъ одиночествѣ. Но я не могъ никакъ представить себѣ самой длительности, самой безпрерывности того чудеснаго огня, который внезапно вспыхивалъ въ немъ и горѣлъ, не ослабѣвая.

— Какъ мертвенно, какъ холодно кругомъ! — думалось мнѣ невольно. — Только снѣгъ да морозы. А вотъ наперекоръ всей этой нѣмотѣ удивительное одинокое сердце человѣческое пламенѣетъ, какъ жаръ,

и своимъ пламенемъ озаряетъ изъ этого царства снѣга такія далекія окраины, какихъ, быть можетъ, я и представить себѣ не умѣю.

Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы Соликамскій никогда не испытывалъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, того внезапнаго сомнѣнія и тяжкаго раздумья, какія неизбѣжно выпадаютъ на долю всего, что начинаетъ понимать больше, чѣмъ другіе. Онѣ, конечно, были, но здѣсь я еще разъ долженъ указать, что самыя минуты эти были полны той значительности и того свѣтлаго горѣнія, какія всегда были мнѣ столь загадочны и непостижимы въ Соликамскомъ. И въ эти минуты, быть можетъ, больше, чѣмъ въ иныя, я чувствовалъ неотразимость его, уваженіе передъ нимъ и какъ бы легкій и сладостный испугъ. А между тѣмъ по наружности онъ былъ совсѣмъ не замѣчателенъ, ибо никому ничего не могли бы сказать ни его бѣлокурые, жидкіе волосы, ни безцвѣтные глаза, ни привычное пенснэ, ни сама небольшая, сухощавая фигура съ узкими и сильно опущенными книзу плечами.

Въ домикѣ, гдѣ жилъ Соликамскій, я очень любилъ бывать. Мнѣ нравилась незатѣйливая, деревенская обстановка его, чисто выметенные полы, покрытые линолеумомъ, желѣзный запахъ въ комнатахъ отъ горячо натопленныхъ, металлическихъ печей, котенокъ, уютно спавшій на пушистомъ платкѣ, забытымъ какой-либо дѣвушкой, которыя столь часто посѣщали Соликамскаго, откуда-то пріѣзжая. Пріятно было въ солнечный день смотрѣть въ окно, какъ играетъ звѣздами снѣгъ на солнцѣ, какъ одинокій вейка тащится по далекой дорожкѣ, какъ прозрачно

голубѣетъ небо, и солнечный лучъ сквозь стекло тепло ложится на лицо. Мнѣ тогда и самому казалось, что жить здѣсь весьма пріятно, если бы только не это дикое безлюдье вокругъ. Мнѣ думалось тогда, что уютъ и тишина этого домика ненарушимы вовѣки, и отсюда могутъ исходить вѣчно истинныя слова о любви и гуманности.

Въ тѣ дни, когда началась война, я вновь посѣтилъ этотъ домикъ. Стояла вѣтряная и ненастная погода, обычная для Финляндіи, буйный вѣтеръ носился по широкому и темному раздолью залива, вспахивая его валами, и угрюмо гудѣли черныя мокрыя сосны. Я пріѣхалъ вечеромъ и съ отрадою увидѣлъ, что домикъ, какъ всегда, мирно освѣщенъ своими тихими огнями.

— Счастливое убѣжище отъ людскихъ волненій!— невольно съ восторгомъ подумалось мнѣ.

Но самого хозяина я нашелъ сильно разстроеннымъ, огорченнымъ и совсѣмъ растеряннымъ. Мы не посидѣли и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ заговорилъ о войнѣ, заговорилъ нервно и лихорадочно.

— Дорогой мой! — сказалъ онъ мнѣ и въ возбужденіи приложилъ руку ко лбу и вновь отдернулъ ее.—Я не понимаю, у меня все спуталось въ головѣ. Это чудовищно, неслыханно! Весь двадцатый вѣкъ насъ учили, и мы учили другихъ любви и состраданію, насъ учили оберегать жизнь и благо другого, и мы учили ненавидѣть насиліе и искать добра. И кто же училъ первый? И кто же объявилъ теперь войну? Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть! Это не то, это не такъ! Это просто вспыльчивость, и вотъ она завтра уляжется. Она уже, быть можетъ, улеглась, и въ ту

минуту, когда мы бесѣдуемъ о ней, уже все снова хорошо!

Событія развивались съ ужасающей быстротой, а мой другъ все еще не вѣрилъ въ ихъ реальность, вѣроятно, старался не вѣрить. Онъ забросилъ всѣ книги свои, даже самыя любимыя и самыя нужныя ему, безъ которыхъ онъ раньше дня не могъ пробыть. Вмѣсто нихъ онъ ежедневно сталъ читать по нѣсколько газетъ, но, читая въ нихъ о развитіи военныхъ приготовленій, онъ теперь даже сталъ улыбаться и сомнительно качать головой. Какъ вдругъ внезапно міръ пораженъ и потрясенъ былъ извѣстіями о первыхъ злодѣяніяхъ врага.

Едва лишь узналъ я о нихъ изъ газетъ, какъ сейчасъ же помчался къ Соликамскому. Я засталъ его на этотъ разъ въ такомъ странномъ состояніи, что сначала никакъ не могъ взять ничего въ толкъ и даже не повѣрилъ самому себѣ. Онъ, согнувшись, сидѣлъ за столомъ и исподлобья смотрѣлъ въ стѣну невидящими, непонятно блестящими глазами. На мое привѣтствіе онъ ничего не отвѣтилъ, какъ бы не слыхавъ меня или не узнавъ вовсе. Но, погодя немного, онъ перевелъ на меня взглядъ и вдругъ открылъ широко ротъ и разсмѣялся чужимъ, пугающимъ смѣхомъ. Я со страхомъ нагнулся надъ нимъ и тутъ же невольно отшатнулся. Ѣдкій запахъ спирта пахнулъ мнѣ въ лицо отъ него. Онъ былъ пьянъ.

Я зналъ Соликамскаго давно, зналъ, съ какимъ омерзѣніемъ относился онъ всегда къ алкоголю. И теперь это было столь поразительно, что мнѣ пришлось еще разъ убѣдиться, чтобы повѣрить, наконецъ. Да, это было такъ. Ужасающая пустота, кото-

рая стережетъ и хватаетъ человѣка какъ разъ тогда, когда разбиваются затаеннѣйшія вѣрованія всей жизни его, когда онъ особенно безсиленъ, несчастенъ и одинокъ, надвинулась неотвратимо на моего бѣднаго друга, и онъ наполнилъ ее химерными ощущеніями наркотика, быть можетъ, къ счастью. Я зналъ, какъ смѣшны и назойливы бываютъ всяческія утѣшенія для человѣка, въ глазахъ котораго рушится міръ въ самой основѣ своей, а потому и предоставилъ своего друга самому себѣ на нѣкоторое время.

Безстыдное звѣрство тевтонскихъ полчищъ уже точно опредѣлилось, какъ строгая, неслыханно варварская система, когда я снова посѣтилъ маленькую станцію со столь поэтическимъ именемъ: Оллила. На этотъ разъ я нашелъ своего друга нѣсколько успокоившимся, хотя все же онъ былъ еще тревоженъ и печаленъ. Но какъ природа не терпитъ пустоты, такъ и душа человѣческая не можетъ быть безъ внутренняго уюта и опоры.

— Другъ мой дорогой!—горячо сказалъ мнѣ Содикамскій на этотъ разъ, съ радостью увидѣвъ меня.

— Знаешь ли ты, что все это обозначаетъ? Никто не знаетъ, а вотъ я, пожалуй, знаю. Я понимаю, я открылъ! Это только видимость, что вновь возрождается въ нашъ гуманный вѣкъ идея насилія, возрождается съ еще небывалою мерзостью и подлостью. Это только такъ намъ кажется, а на самомъ дѣлѣ это конецъ ея, именно самый послѣдній и безповоротный конецъ. Вспомни, голубчикъ, какъ погибали всѣ жестокія идеи передъ тѣмъ, какъ смѣниться идеей добра и дружбы. Вспомни, какъ погибало язычество, какія муки выдумывало оно христіанамъ,

прежде чѣмъ смѣниться этимъ же христіанствомъ. Вспомни, въ какихъ злодѣйствахъ умирала инквизиція. Да, всѣ они издыхали среди крови, желѣза и пламени и мукъ человѣческихъ. Нужно только посидѣть немного спокойно на мѣстѣ, потерпѣть, и затѣмъ мы попляшемъ надъ чьей-то безумной могилой.

Мнѣ пріятно было слушать изъ устъ моего друга такія рѣчи, хотя самъ я и не раздѣлялъ его надеждъ, несмотря на убѣдительную справку по исторіи. Я давно научился не придавать надеждамъ и ожиданіямъ нашимъ никакого значенія, и если бы тысячи разъ въ исторіи случалось подобное, на тысячу первый возьметъ да случится все шиворотъ-на-выворотъ. Но я радовался, что мой другъ какъ бы начиналъ уже выкарабкиваться изъ того подполья, въ какое неожиданно былъ столкнутъ жизнью. Единственно, что смущало меня еще, это словно бы какая-то неувѣренность въ томъ тонѣ, съ какимъ говорилъ онъ, словно бы для него самого было тутъ еще что-то темное и безпокойное. Но все же я хорошо помню, что уѣхалъ отъ него тогда съ чувствомъ удовлетворенія и успокоенный.

Сколько именно времени прошло съ тѣхъ поръ, я не могу сейчасъ припомнить хорошенько, но во всякомъ случаѣ немного, когда у насъ въ Петроградѣ упорно распространились по редакціямъ удивительные слухи, будто Соликамскій уѣхалъ на войну въ качествѣ временно военнаго. Меня, признаться, болѣзненно встревожили эти слухи. Меня испугалъ не самый фактъ отъѣзда на войну моего друга, а то именно, что другъ мой вновь сорвался въ свою ро-

ковую пустоту и на этотъ разъ, видимо, особенно жестоко и безпросвѣтно.

Помнится, недѣли полторы или двѣ я не имѣлъ о другѣ своемъ никакихъ извѣстій, когда получилъ отъ него, наконецъ, первое письмо по моему редакціонному адресу. Вы сами можете представить себѣ мою радость и нетерпѣніе, но увы! въ письмѣ этомъ мой другъ не говорилъ о себѣ ровно ни слова. Онъ описывалъ только съ восхищеніемъ разные милые военные эпизоды, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть. Онъ описывалъ, какъ взводъ солдатъ, въ грузныхъ, промокшихъ грязью шинеляхъ, въ фуражкахъ блинами, со свалявшимися бородами, цѣлый день по поясъ въ болотѣ вытаскивалъ изъ трясины подъ дубинушку засосавшееся орудіе, а кончивъ къ ночи работу, вытеръ потъ рукавами, высморкался и пошелъ въ штыки. Онъ описывалъ, какъ при взятіи Львова первымъ влетѣлъ на площадь казакъ и растерялся, и какъ женщина приняла его за офицера и поднесла на колѣняхъ побѣдителю букетъ, и какъ побѣдитель ничего тутъ не понялъ, сунулъ скорѣй букетъ подъ мышку и улетѣлъ назадъ отъ изумленной женщины. И о многихъ иныхъ умилительныхъ случаяхъ разсказывалъ онъ. Но и только.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ я получилъ отъ Соликамскаго еще два подобныя же письма, а потомъ онъ и совсѣмъ пересталъ писать, и что съ нимъ было за это время мнѣ осталось совершенно неизвѣстнымъ. Какъ вдругъ вчера я получилъ отъ него записку, что онъ вновь вернулся къ себѣ и желалъ бы меня увидѣть. Конечно, я тутъ же со счастливой нетерпѣливостью помчался на станцію Оллила.

Теперь я засталъ своего друга въ томъ состоянiи, въ которомъ я всегда привыкъ видѣть его и восторженно чтить, въ состоянiи глубокаго, почти жертвеннаго, горѣнiя. Быть можетъ, онъ и измѣнился наружностью въ чемъ-либо за то время, какъ я не видалъ его, но яркiй огонь сердца дѣлалъ все невидимымъ. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ, къ удивленiю моему, вмѣсто рукописи были разложены большiе чертежи.

— Спасибо тебѣ, дорогой другъ мой, искренне спасибо, что прiѣхалъ!—со свѣтлымъ радушiемъ сказалъ мнѣ Соликамскiй, обнимая.—Мнѣ такъ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь душевно!

Я понялъ его въ томъ смыслѣ, что ему хотѣлось бы разсказать о своихъ военныхъ впечатлѣнiяхъ, и повелъ было разговоръ на эту тему, но онъ мягкимъ, сердечнымъ жестомъ остановилъ меня.

— Милый мой! — съ дивнымъ прекраснодушiемъ сказалъ онъ.—Ты извини меня, но это еще не время. Ты вотъ лучше посмотри на эти чертежи. Это идея, это грандiозная идея, и самъ Богъ незаслуженно вложилъ ее въ мою недостойную голову! Я открылъ!

Я почти благоговѣйно приблизился къ таинственнымъ чертежамъ, но ничего въ нихъ не понялъ. Все, что я могъ сказать, это только спросить:

— Но что же это?

— Это схема электрическаго орудiя, выпускающаго густо насыщенный электричествомъ снарядъ,—ликуя объяснилъ мнѣ Соликамскiй.—Его молнiя ударяетъ въ металлъ на разстоянiи двухъ верстъ. Если по близости есть зарядные ящики, они взрываются ею, убиваются лошади, и выводятся изъ строя люди.

Если снарядъ падаетъ среди пустого поля, его молніи опаляютъ все почти на двѣ версты въ окружности. Я говорилъ съ техникомъ, и онъ находитъ мою мысль примѣнимой почти во всякой обстановкѣ. О, если мнѣ удастся взрывать всѣ непріятельскіе снаряды, тотчасъ же, какъ они подвозятся, война сдѣлается невозможной!

Онъ поспѣшно сталъ изъяснять мнѣ составныя части ужаснаго орудія. Но я долженъ здѣсь признаться, что выслушивалъ его объясненія съ нѣкоторымъ смущеніемъ и соблазномъ.

— Другъ мой! — рѣшился я, наконецъ, сказать осторожно.—Но вѣдь, кажется, это не совсѣмъ гуманное орудіе. Правда, оно направлено, главнымъ образомъ, противъ вражескихъ батарей, но все же...

— Да, это конечно—вскользь отвѣтилъ мнѣ Соликамскій.—Но вѣдь во имя гуманности же, во имя гуманности—повторилъ онъ нѣсколько разъ и тутъ снова отвлекся отъ этой темы, принявшись вновь за объясненія.

— Да, это воистину будетъ восхитительный и страшный инструментъ смерти! — воскликнулъ онъ подъ конецъ и поднялъ на меня свой взглядъ.

И, всякій, на кого упалъ бы этотъ взглядъ, невольно былъ бы потрясенъ до глубины души. Глаза его сіяли чистѣйшимъ и кротчайшимъ огнемъ творчества и самозабвеннаго вдохновенія, и все земное было неизмѣримо далеко отъ нихъ.

ДЫМЪ.

I.

Я ѣхалъ по полю ночью. Метель была такъ огромна, что я не видѣлъ ни лошади, ни передка саней. Сѣрое небо сливалось съ сѣрымъ полемъ въ одно снѣжное море. Все поле было пусто, и все сплошь отъ края до края, каждымъ прутикомъ, каждой ложбинкой глухо гудѣло. Сани звенѣли тонко и чисто. Разъяренный снѣгъ ядовито шипѣлъ подъ полозьями. По бокамъ саней вставали бѣлые исполины съ грозящими руками и снова безсильно рухали въ снѣгъ. По тому, какъ сильно дергались подо мной сани, я понималъ, что лошадь съ трудомъ выдираетъ ноги изъ снѣга, и эти тонкія, натрўженныя ноги, навѣрное, болѣзненно дрожатъ. Сначала я подремывалъ, убаюканный пѣніемъ вьюги, но потомъ и это мнѣ надоѣло. Я сталъ глядѣть на веревочныя возжи худой, мужицкой упряжи, какъ онѣ попрыгиваютъ. Сначала я ихъ долго принималъ за колеи дороги. Но потомъ догадался и сказалъ объ этомъ Герасиму. Герасимъ, жесткій, маленькій и сухопарый, какъ куриная косточка, отвѣтилъ неохотно:

— Я знаю.

— Какъ же ты теперь думаешь?—спросилъ я.

Герасимъ что то сердито заговорилъ, но мнѣ не было слышно за вѣтромъ. Я крикнулъ ему:

— А?

Герасимъ не отвѣчалъ, можетъ быть, тоже не слыхалъ меня. Но когда мы проѣхали еще довольно много, онъ вдругъ всталъ въ саняхъ и началъ старательно подбирать полы армяка. Я подумалъ, что онъ хочетъ вылѣзти изъ саней, удивился и опять крикнулъ:

— Ты куда же?

Но Герасимъ, подобравши полы, еще больше удивилъ меня. Онъ опять сѣлъ по прежнему и опять поѣхалъ. Потомъ онъ обернулся ко мнѣ и очень разсердился.

— Шутъ тебя знаетъ, что ты такое? — сказалъ онъ мнѣ, — Сто разъ одно и то же. Вѣдь сказано, на звонъ ѣдемъ.

Это была правда. Герасимъ не разъ мнѣ говорилъ, что мы ѣдемъ на звонъ. Да и самъ я зналъ, что въ этихъ мѣстахъ по ночамъ въ метель звонитъ колоколъ. Но звона я не слышалъ, и мнѣ не вѣрилось. Проѣхали мы еще около часа, и тогда уже и я услыхалъ этотъ звонъ. Это былъ ужасный звонъ—непрерывный, торопливый, захлебывающійся, почти безумный. Я понялъ, что, въ сущности, я слышалъ его и раньше. Но когда онъ былъ тише, мнѣ казалось, что это поле такъ стонетъ каждымъ прутикомъ, каждымъ пригорочкомъ.

Мы въѣхали въ улицу. На улицѣ были фонари, и на душѣ у меня стало отрадно. Меня уже вѣтеръ не

будетъ трепать и кружить по полю, словно листъ въ бурю.

У стѣны засыпаннаго сугробомъ дома стоялъ за метелью неясный, темный и очень высокій столбъ. Герасимъ крикнулъ:

— Что за городъ?

— Коростелевъ!—отвѣтило то, что было столбомъ.

Герасимъ обернулся ко мнѣ и засмѣялся.

— Коростелевъ! — повторилъ онъ мнѣ. — Вѣдь это что такое! Куда насъ отнесло! Видимо, онъ былъ доволенъ, что насъ отнесло.

— А ты развѣ слыхалъ про него?—спросилъ я.

— Нѣтъ, гдѣ же слыхать! — сказалъ онъ и отъ умиленія даже головой повертѣлъ.

Для него было совершенно все равно, на какой конецъ свѣта ни заѣхать. Да и для меня это вовсе не было далеко. Я подумалъ мирно и благословенно:

«Для уставшаго отъ многолѣтней дороги всѣ пристани хороши».

II.

На длинномъ жизненномъ пути своемъ, блуждая въ слѣпой метели изъ края въ край земли по волѣ ненавидящихъ и безстыдныхъ, сколько разъ встрѣчалъ я тебя, Коростелевъ! Онъ все тотъ же. Когда утромъ я всталъ и выглянулъ изъ окна своего номера, я увидѣлъ все то милое, родное, къ чему я такъ жадно и съ такой безотрадностью тянулся съ самаго дѣтства. За ночь метель улеглась, и сколько стало простора! Только синіе снѣга кругомъ, да одинокій кустикъ въ полѣ, да кой-гдѣ черная нитка на-

супившагося ельничка, да развѣ еще двѣ-три сороки, во всю мочь торопящіяся куда-то. Широко разносится по сухому морозу чья-то ноющая пѣсня изъ-за далекаго бѣлаго лѣса. Мужикъ что ли это съ дровами подъ пѣсню сочно выколачиваетъ изъ дубленаго полушубка крѣпкій морозъ, или суровый возчикъ, выѣхавшій съ обозомъ въ три часа утра среди тьмы и вьюги, радуется, что все-таки стало же свѣтло. Розовые узоры дрожатъ на стеклахъ моего номера. За стеклами вата и разноцвѣтныя бумажки. У всѣхъ домишекъ по самыя окна намело сугробы. Надъ крышами свѣтлѣютъ кружевные дымные столбы и таютъ на морозѣ, бѣлые-бѣлые, словно паръ. Двѣ собаки встрѣтились и долго нюхали носы другъ другу. Ты все такой же, Коростелевъ!

Я смотрѣлъ на все это и чувствовалъ въ душѣ такой миръ, такое благоволеніе.

«Ну вѣдь вотъ и самъ видишь теперь, — говорилъ я самъ себѣ.—Вотъ опять хорошо тебѣ стало. А ты, неразумный, былъ въ такомъ уныніи и отчаяніи. Ну, зачѣмъ это, къ чему? И скорбь, и смѣхъ, и веселье, и печаль, все это, все мимолетно, все какъ сонное мечтаніе. Относись же ко всему безучастно и не дорожи ничѣмъ въ жизни, и не привязывайся ни къ чему сердечно, и будь, ахъ, да будь же всегда ясенъ и спокоенъ, какъ само вѣчное спокойствіе!»

И до того хорошо стало мнѣ отъ этихъ мыслей, что я даже вслухъ засмѣялся, радуясь и имъ, и больше всего своей новой радости.

Подъ вечеръ я вышелъ походить по городу. Съ ненасытимымъ любопытствомъ я смотрѣлъ на все то, что всегда видѣлъ въ своемъ далекомъ, грустномъ

и миломъ дѣтствѣ — лавочки съ мукой, дегтемъ, хомутами, баранками и веревками, окна сапожныхъ мастерскихъ, гдѣ выставлены на показъ тѣ страшнѣйшіе сапоги, въ которыхъ такъ любятъ роскошествовать пильщики, тутъ же за стекломъ дамскія туфли, похожія на лапти, и рядомъ съ ними, словно нарочно для сравненія, уже настоящіе лапти, потомъ постоялый дворъ, широкій и длинный, какъ сама большая дорога, и такой же занавоженный, какъ она. На углахъ домовъ—афиши заѣзжаго цирка, на которыхъ видимо-невидимо наставлено указательныхъ пальцевъ и восклицательныхъ знаковъ, съ точками подъ ними, величиною въ блюдечко.

Во время этой прогулки я оказалъ небольшую услугу директору мѣстной гимназіи. Съ нимъ случилась досадная непріятность. Онъ шелъ впереди меня, сильно поскользнулся и взмахнулъ руками. Шапка у него съѣхала на затылокъ, а палка и портфель упали, и изъ портфеля разлетѣлись всѣ бумаги. Однако онъ все-таки удержался на ногахъ, хотя это стоило ему такого усилія, что все лицо его налилось кровью. Я помогъ ему собрать бумаги, и онъ изъ признательности пригласилъ меня къ себѣ на чашку чаю.

Когда совсѣмъ стемнѣло, я вышелъ за городъ. Вечеръ былъ поразительный. Стояла на небѣ полная луна, и отъ полноты и яркости блистанія ея вся земля курилась густымъ, блѣдно-зеленымъ дымомъ, и все отбрасывало отъ себя черныя, какъ сажа, тѣни. Въ сѣдовласой и холодной мглѣ стынули поля и лѣса, и мгла эта, вся сіяя, стояла отъ земли до неба, все превращая въ неопредѣленное и далекое. И самыя низкія звѣзды, казалось, были положены на снѣгу.

Я шелъ и, слушая тонкое похрустыванье снѣга подъ сапогами, думалъ вновь и вновь:

«И вѣдь что особенно замѣчательно! Каждый годъ непремѣнно приходитъ вотъ эта зима, и каждая зима такъ болѣзненно непріятна тебѣ вотъ этимъ холодомъ и снѣгомъ. А вотъ теперь настало время и тебѣ хорошо, и хорошо какъ разъ отъ того же самаго, отъ чего всегда непріятно, отъ холода и снѣга. Такъ какъ же не правда, что все въ тебѣ? Вѣдь зима и лѣто только разныя степени одной температуры. Все едино, все безразлично и безлично, и все въ тебѣ, въ тебѣ, въ тебѣ самомъ!»

Никогда еще такъ ясно, такъ осязательно не чувствовалъ я, что все, что ни случалось со мной въ жизни, все это совсѣмъ внѣшнее, мимоидущее, духъ же мой въ самомъ себѣ, и онъ дышитъ, гдѣ хочетъ.

Послѣ, когда я прищелъ домой, я вспомнилъ, что въ эту прогулку по полю былъ я, должно быть, очень страненъ. Мнѣ вспомнилось, какъ все болѣе и болѣе восхищаясь оттого, что всѣ мысли столь стройно и ясно до мелочей складывались у меня въ головѣ, я все время громко смѣялся, размахивалъ самъ съ собой руками и кивалъ себѣ головой. Мнѣ даже вспомнилось, какъ однажды мимо меня прошли два маленькихъ, тонконогихъ мужичка въ валенкахъ и нагольныхъ тулупахъ, отъ которыхъ почему-то за версту разило плѣсенью, и одинъ сказалъ:

— Ишь баринъ-то какъ!

А другой отвѣтилъ:

— Все думаетъ, какъ бы это ему лучше. Взасосъ!

И оба весело и лукаво засмѣялись.

III.

6-го декабря, въ царскій день, въ залѣ министерской школы былъ танцовальный вечеръ. Я купилъ билетъ и тоже пошелъ. Тамъ я увидѣлъ и директора, и мы встрѣтившись, какъ знакомые — улыбнулись другъ другу, поздоровались и кое о чемъ поговорили. Потомъ онъ представилъ меня исправнику. Мой графскій титулъ и громкая, родовитая фамилія и на этотъ разъ сдѣлали свое дѣло. Я принятъ былъ, какъ равный.

Исправникъ былъ очень высокъ и грузенъ и когда ходилъ, то ступалъ сразу всей ступней, какъ лошадь копытомъ. Отъ этого онъ былъ похожъ на ходящій памятникъ. И у этихъ двухъ людей, исправника и директора, столь великихъ въ своемъ городѣ, должно быть, не очень часто бывали даже и такія удовольствія. Оба были особенно милостивы и благожелательны. Я слышалъ ихъ разговоръ въ буфетѣ.

— Доставляя печенье, вы какъ будто бы замочили въ чаю обшлагъ вашего рукава — сказалъ директоръ исправнику изысканно.

— Это ничего — съ большою задушевностью отвѣтилъ исправникъ. — Въ подобныхъ случаяхъ я просто беру салфетку и вытираю его, и онъ снова дѣлается, какъ ни въ чемъ не бывало.

Онъ посмѣялся тихимъ и искреннимъ смѣшкомъ, сдѣлалъ то, что говорилъ, и сказалъ еще:

— Значительно непріятнѣе было, когда давеча мнѣ въ чай попалъ волосокъ.

— Ну-те, волосокъ? — ужаснулся директоръ.

— Волосокъ-съ. Я пью чай, и внезапно мнѣ въ стаканъ попадаетъ волосокъ.

— Но, можетъ быть, — теряясь въ догадкахъ, сказалъ директоръ. — Можетъ быть, откуда-нибудь подулъ небольшой вѣтерокъ.

Исправникъ также потерялся въ догадкахъ и отвѣтилъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ:

— Все можетъ быть. Но волосокъ.

Послѣ этого оба посмотрѣли другъ другу въ глаза, и оба посмѣялись съ сердечнымъ участіемъ другъ къ другу. Такъ изысканны были они весь этотъ вечеръ.

Въ танцовальномъ залѣ дымъ стоялъ коромысломъ отъ топота, хохота, тѣсноты, громыханья музыки. Воздухъ, жаркій и густой отъ труднаго дыханія многихъ сотенъ женскихъ и мужскихъ грудей, медленно колыхался надъ головами. Желтые, керосиновые огни сдѣлались мутны, зловѣще-красны и отъ дружнаго притопыванія каблуками трепетно взметывались кверху темными языками. Я смотрѣлъ, какъ въ неистовствѣ веселья вихремъ мелькали потныя, улыбающіяся лица, завитые и раздушенные волосы, шеи мужчинъ съ размокшими и сморщившимися воротничками. Я смотрѣлъ на все это со стороны, и какъ-то странно стало дѣлаться у меня на душѣ. Не то, чтобы мнѣ непріятна была эта радость или раздражала бы меня чѣмъ-нибудь, а просто какъ-то такъ грустно сдѣлалось мнѣ, уныло и, главное жалко — жалко и всѣхъ этихъ веселящихся людей, и директора, и исправника:

«Какіе все-таки бѣдные они всѣ — подумалось мнѣ. — Бѣдные, бѣдные! Вотъ очень много людей

безъ всякой видимой причины сговорились быть цѣлый вечеръ дикими, нелѣпыми, почти ужасными. Да зачѣмъ? Да къ чему? Нѣтъ, не такая, не такая должна быть радость у людей!»

Впрочемъ, это ненастное расположеніе духа продолжалось не долго. Когда я вышелъ на улицу, я сталъ вновь передумывать мои прежнія мысли, милыя и тихія.

IV.

На другой день вечеромъ я былъ у директора. Въ домашней обстановкѣ директоръ былъ совсѣмъ простъ и радушенъ. Когда я замѣтилъ ему это, онъ засмѣялся и сказалъ, что въ гимназіи чувствуетъ себя даже еще лучше. Я разсказалъ, какимъ я представляю себѣ его въ гимназіи. Я разсказывалъ, что онъ сидитъ тамъ въ учительской, осѣдлавъ носъ сильнѣйшими очками своими. Вокругъ него кричатъ, что есть мочи, маленькіе гимназисты, лѣзутъ къ нему всѣ сразу, толкаются и жалуются другъ на друга. А онъ сидитъ, кропотливо докапывается до сути проступка и, докопавшись, говоритъ:

— Ты, Федотовъ, въ разговорѣ съ другими обязанъ называть учителя чистописанія по имени и отчеству, а не словомъ «козелъ».

А Ѳедотовъ горько, горько плачетъ.

Этой шуткѣ всѣ весело смѣялись. Потомъ разговоръ перешелъ на недостатки гимназической системы преподаванія—на то, что говорили и писали до насъ милліоны разъ, и столько же разъ скажутъ и послѣ насъ. Директоръ смотрѣлъ на меня сквозь толстыя стекла, отвѣчалъ и спокойно улыбался.

Въ домѣ у директора все такъ же, какъ и подобаетъ быть въ Коростелевѣ. У него двѣ дочери. Старшая дочь очень красива. Младшую зовутъ Люся. Она гимназистка и кромѣ того ходитъ въ музыкальное училище. Для этого у нея имѣется папка, на которой полинялыми буквами написано слово: Musik.

Когда я о чемъ либо говорилъ, старшая красивая дочь слушала, опустивъ рѣсницы, Люся же прямо смотрѣла въ мои глаза своимъ темнымъ взоромъ. Слушала она съ одинаково жаднымъ любопытствомъ все, о чемъ бы ни заговорили. Когда по воскресеньямъ приходилъ братъ, окончившій кадетскій корпусъ и съ молодымъ жаромъ разсказывалъ, какъ надо заряжать морскую пушку, она слушала все съ тѣмъ же вниманіемъ и серьезностью.

Я глядѣлъ, какъ въ глазахъ у нея отражается крошечная лампочка, крошечный директоръ и самоваръ, и мнѣ было такъ мило, такъ уютно, и мои мысли о жизненной радости становились для меня еще выразительнѣе.

Я и предположить тогда не могъ, какъ много будетъ горя, когда я уйду отсюда въ послѣдній разъ, и въ послѣдній разъ закроются за мной двери и потушатъ огни.

Когда я пришелъ въ домъ къ нимъ въ этотъ первый разъ, я въ разсѣянности поздоровался за руку съ лакеемъ. Люся, сидѣвшая за самоваромъ, прыснула со смѣха и потомъ долго лукаво посматривала на меня. Когда наши глаза встрѣчались, мы смѣялись оба. И какъ это ни странно, отъ этого пустяка мы стали чувствовать такую близость другъ къ другу, словно бы были знакомы много-много дней.

Какъ-то у насъ съ директоромъ разговоръ зашелъ о томъ, отчего мужчины носятъ все черное, а женщины любятъ ходить въ цвѣтномъ и красочномъ.

— Почему это, Люся?—спросилъ я ее.

Она подумала, но о чемъ то своемъ, и отвѣтила въ задумчивости:

— Какіе все-таки вы всѣ мужчины странные.

И все въ томъ же раздумьи она спросила меня:

— А знаете, отчего мы съ Катей Русановой такъ ненавидимъ другъ друга?

Это было такъ забавно, что я расхохотался, Люся же сказала раздраженно:

— А оттого, милостивый государь, что она безумно ревнуетъ ко мнѣ Костю Бурашева!

Теперь мы всѣ уже разсмѣялись, а Люся воскликнула съ жаромъ и обидой въ голосѣ:

— Нечего смѣяться! Безумно, безумно ревнуетъ!

Съ досады Люся казалась долго разсерженной. Но потомъ позабыла объ этомъ. Она снова посмотрѣла мнѣ въ глаза, по своему не мигая, и спросила:

— Конечно, вы очень умный, но только отчего вы такой сѣдой?

Я ужъ приготовился было опять смѣяться, но директоръ меня перебилъ.

— Ахъ, Люся, Люся—сказалъ онъ, качая головой,—какая же ты еще наивная. А вѣдь тебѣ уже шестнадцать лѣтъ. Развѣ нельзя быть и сѣдымъ и умнымъ.

— Да, правда,—сказала Люся.—Да, и самое главное, чернымъ то онъ еще, можетъ быть, хуже былъ бы. Это еще вопросъ.

Старшая дочь, все время занятая чѣмъ-то своимъ тайнымъ, недобро усмѣхнулась и сказала:

— Эта наивность къ ней идетъ. Очень, очень идетъ
А я посмотрѣлъ на Люсю и такъ ослѣпительна показалась она мнѣ своей веселой юностью и прелестью, что просто захотѣлось закрыть глаза, какъ отъ солнышка.

Кромѣ меня этимъ вечеромъ, но позже, пришли еще гости. Одинъ былъ г-нъ Скворцовъ, а другой— медицинскій студентъ. Скворцовъ былъ самый обыкновенный человѣкъ, и даже простой и тихій. Другой гость, петербургскій студентъ, былъ одѣтъ небрежно, какъ чаще всего одѣваются студенты, но держался уже, какъ принято въ хорошемъ обществѣ—ни чему не удивлялся, былъ пренебрежителенъ къ восторженности, самоувѣренъ и холоденъ ко всему. Фамилія его была Бурашевъ.

V.

Какъ то разъ я долго гулялъ за городомъ. Было морозно и ясно, и все сіяло въ бѣломъ свѣтѣ. Вдали надъ деревней завивался синій дымокъ и коромысломъ тянулся къ лѣсу. Уже вечерѣло, и наползалъ изъ овраговъ морозный туманъ. На краю поля радужнымъ миражемъ свѣтила заря сквозь морозную пыль. Всюду скрипѣли полозья саней, отворяемыя ворота шаги людей.

Мнѣ очень не хотѣлось итти домой, но сегодня ко мнѣ желала притти Люся. Я весьма не кстати похвасталъ у директора, что хорошо рисую, и Люсѣ захотѣлось у меня поучиться.

Когда я пришелъ къ себѣ, Люся уже ждала меня. Мы сейчасъ же принялись за дѣло. Разъ я посмотрѣлъ, какъ тоненькіе пальчики Люси чертили извилисто прямую линую и кругъ, похожій на яйцо, и весь внутренно усмѣхнулся. И стало мнѣ даже больно и грустно отъ радости, и я подумалъ съ опасеніемъ:

«А вѣдь не къ добру все это».

Люся скоро устала рисовать, задумалась и, посмотрѣвъ на меня спросила:

— Отчего это, если долго смѣяться, то польются слезы?

— Не знаю, — отвѣтилъ я.

Она страшно удивилась.

— Не знаете? Неужели? — протянула она и даже поглядѣла мнѣ въ глаза, не смѣюсь ли я.

Но я былъ совсѣмъ серьезенъ.

Люся долго помолчала, а потомъ опять сказала:

— Какая я толстая. Вѣрно вѣдь, я толстая?

Но я не отвѣтилъ. Богъ знаетъ, какъ и почему, мнѣ тутъ пришла въ голову дикая мысль, въ которой я послѣ такъ раскаивался, мысль столь зло подшутить надъ Люсей. Я сказалъ ей:

— Вы бы, Люся, поспѣшили. Вѣдь у меня есть дѣла.

Она со страхомъ вскинула на меня глаза, вся мучительно покраснѣла и стала, торопясь, надѣвать калоши и кофточку. Отъ этого тѣ, какъ нарочно, только дольше не надѣвались, такъ что Люся отъ смущенія сказала даже:

— Ахъ, извините меня!

Когда она вышла, мнѣ стало такъ жалко ее, что я не вытерпѣлъ и, высунувшись въ дверь, крикнулъ:

— Люся!

Она уже отворяла выходную дверь, вздрогнула и обернулась. Но я какъ то не нашелся сразу, что сказать ей утѣшительнаго, и крикнулъ только:

— До свиданья, Люся!

— До свиданья,—сказала она тихо-тихо, съ горько опущенной головой, и вышла.

Я подошелъ къ столу и, посмотрѣвъ на книги, увидѣлъ, что онѣ были не въ томъ порядкѣ, въ какомъ всегда лежали. Люся безъ меня перебирала ихъ. И во второй разъ все свѣтло усмѣхнулось у меня внутри.

VI

Теперь Люся приходила ко мнѣ каждый день въ сумеркахъ. Былъ однажды зимній закатъ, часъ странный, печальный и тоскливый. По зарѣ разметались круглыя облака, похожія на огненныя лиліи, и такая тревога была въ красномъ свѣтѣ ихъ. Мы гуляли съ Люсей по снѣжному полю, и тогда я впервые нагнулся и сталъ цѣловать ее.

Приходя ко мнѣ, Люся клала свои учебники въ ремешкахъ на окно, садилась и говорила:

— Ну, разсказывай.

Я начиналъ говорить ей о ней самой, о ея милыхъ рукахъ и смѣшныхъ глазахъ, которые на солнцѣ кажутся немного желтыми, и о своей любви къ ней. Она все время прямо глядѣла мнѣ въ глаза, не мигая, какъ глядитъ спокойная ручная птица, слушала внимательно, напряженно и все думала. Мнѣ, наконецъ, становилось смѣшно, и я говорилъ обыкновенно;

— Все.

Она дѣлала нетерпѣливое движеніе и отвѣчала:

— Ну, говори сначала.

И снова, не отрываясь, слушала прежнія слова все съ тою же вдумчивостью и напряженностью. Когда же совсѣмъ темнѣло, мы выходили гулять, и она опять мнѣ говорила:

— Ну, скажи мнѣ еще любовное слово.

И я, смѣясь, говорилъ первое ласковое, что приходило на умъ.

Разъ какъ то, я помню, когда мнѣ было что-то очень не по себѣ и хотѣлось грустить и жаловаться, я сказалъ Люсѣ, что мнѣ очень жаль ее—она такая молоденькая, а я старый, замученный жизнью человѣкъ, никому не нужный на свѣтѣ, и долей моей по настоящему должно быть одиночество. Она судорожно обняла меня, словно меня у нея отнимали, и сказала съ жаромъ:

— Ты мой. Ты мнѣ нуженъ.

Въ голосѣ ея была большая боль и жалость. Мнѣ же это было пріятно, и я часто говорилъ объ этомъ. Еще я очень любилъ крѣпко прижать ухо къ ея груди и слушать, какъ она дышитъ. Ей это бывало всегда удивительно какъ смѣшно.

Какъ то въ другую минуту тоски и унынія я сказалъ Люсѣ однажды:

— Ахъ, Люся, Люся! Вотъ ты ничего не знаешь, а вѣдь я женатъ.

— Неужели?—спросила Люся, но спросила совершенно безо всякаго удивленія.

Видно было, что ей совсѣмъ все равно, женатъ я или нѣтъ.

— Какая же у васъ жена? — спросила она помолчавши.

— То есть, какъ какая? — удивился я.

— Черная? — спросила Люся.

— Черная — отвѣтилъ я.

— Совсѣмъ, совсѣмъ черная? Какъ я?

— Совсѣмъ. Точь въ точь, какъ ты. Впрочемъ, теперь-то она сѣдая.

Люся засмѣялась въ непонятной мнѣ радости, но потомъ о чемъ-то по своему обыкновенію задумалась сосредоточенно и вдругъ порывисто прижала меня къ себѣ.

— Бѣдный ты мой! — воскликнула она. — Никогда, никогда ничѣмъ не буду мучить тебя.

Весь этотъ вечеръ она была печальна, а когда собралась уходить, опять сказала:

— Когда я буду сѣдая, ты меня убей. Хорошо?

— Хорощо, — отвѣтилъ я со смѣхомъ. — Но только когда ты посѣдѣешь, меня совсѣмъ ужъ и на свѣтѣ то не будетъ.

Она подумала и надъ этимъ и совсѣмъ успокоилась.

У меня въ комнатѣ Люся чувствовала себя совсѣмъ хорошо, и, когда прощло немного времени, на лицѣ ея уже появилось то спокойное и счастливо покорное выраженіе, какое появляется у женщины, когда она находитъ, наконецъ, осмысленность и завершенность жизни.

Но дома у Люси не все было благополучно. Я чувствовалъ, что надвигается бѣда. Теперь, когда я приходилъ къ директору, ему все время было со мной какъ-то не по себѣ, онъ сталъ какимъ-то непріятно хлопотливымъ. Да и старшая красивая дочь уже не

слушала меня, опустивъ глаза. Она брала книгу или газету, загораживалась ею и подозрительно выглядывала на меня изъ-за нея. Я начиналъ думать, что они догадываются и, пожалуй, уже секретно говорили между собой.

«Ну что имъ за дѣло?—думалось мнѣ съ досадой и обидой.—Вѣдь Люсѣ хорошо».

Но скоро я замѣтилъ нѣчто, послѣ чего я о многомъ догадался. Бѣда была, пожалуй, ближе, чѣмъ и самъ я предполагалъ. Какъ-то я вышелъ гулять очень рано. Было еще по ночному холодно и невесело, еще не всходило солнышко, и Люся спала. Я ходилъ по дорожкамъ городского сада, и на скамейкѣ съ удивленіемъ увидѣлъ старшую дочь директора. Она смотрѣла въ землю и оттого не видѣла меня. Прекрасное лицо ея было печально, и она все повторяла вслухъ съ тоскою слова, должно быть, гдѣ-то прочитанныя ею. Она повторяла:

— Ахъ, годы все уходятъ, все уходятъ. Что же не приходите вы? Съ каждымъ днемъ я старѣю и старѣю, а васъ все нѣтъ и нѣтъ.

Когда я подошелъ къ ней, она очень смутилась. Но я былъ такъ спокоенъ и удивленъ неожиданностью нашей встрѣчи, что она не догадалась, будто я все слышалъ. Мы съ ней долго ходили по саду.

— Какъ у меня озябли руки—сказала она мнѣ.

— Я снялъ съ себя перчатки и сталъ надѣвать ей на руки. И, когда, надѣвая, я близко нагнулся къ ней, она очень осторожно и какъ бы нечаянно прижалась щекой къ моему плечу и чуть закрыла глаза.

VII.

Незамѣтно подошелъ мартъ мѣсяцъ, а новаго все еще ничего не случилось. Весна выдалась ранняя и дружная. Стали съ шумомъ таять снѣга, и изъ окна моего номера видно было, какъ на полѣ быстро прокладывались синія проталины. Снѣгъ потускнѣлъ, сдѣлался ноздреватымъ, и на немъ появились откуда то повсюду соринки, сучечки и разный мусоръ. Въ воздухѣ густо запахло крѣпкимъ запахомъ навоза. Далекій синій лѣсъ душисто задымился, словно гигантская кадильница, и отъ него благодатно потянуло по полямъ смолою, хвойнымъ духомъ и тонкою болотною дымкой. И, бывало, гдѣ ни копнешь вялую, еще сырую землицу, всюду въ ней какія-то невиданныя волосатыя букарицы. Букарицы эти появились даже у меня въ номерѣ.

Въ концѣ апрѣля пронеслась первая гроза. Небо стало вдругъ мутно-желтымъ, и изъ-за горизонта поднялась бурая туча съ бѣлыми зловѣщими гребнями, а подъ ней заклубились и запѣнились, какъ въ котлѣ, дымныя облака. Задымились дороги и верхушки песчаныхъ кургановъ, и побѣжали вдоль улицъ воронки изъ щепокъ и бумажекъ. Затрепало сушившееся на заборѣ бѣлье, задрало пѣтуху хвостъ кверху и погнало его вдоль улицы, а за нимъ побѣжала и залаяла на него удивленная маленькая собачка. Двухъ галокъ, вылетѣвшихъ изъ-за дома, гдѣ было тихо, перевернуло и забросило куда то далеко на поле. И вдругъ сразу надъ всей землей бѣлымъ дымомъ отъ земли до неба всталъ первый, весенній,

торжествующій дождь, и буйно полетѣла отъ него съ крышъ, тускло блестя, водяная пыль. А когда дождь прошелъ, высеребрились всѣ луга, и налились всюду голубыя озера. Двѣ утки, изумленныя обиліемъ воды, на ходу клюнули лошадиный слѣдъ и пошли дальше.

Въ этотъ день, нѣсколько спустя послѣ грозы, я сидѣлъ на кровати и, не помню сейчасъ, о чемъ-то думалъ, какъ въ дверь постучались и вошелъ директоръ. Онъ сказалъ, что пришелъ по дѣлу, и я замѣтилъ, что онъ смущенъ и затрудняется въ словахъ. Мнѣ показалось, что онъ пришелъ говорить о Люсѣ, и сердце мое сжалось болью и тоской. Но съ первыхъ же словъ я увидѣлъ, что это было совсѣмъ не то. И дѣло его, дѣйствительно, было такъ странно, такъ странно. Началъ директоръ съ того, что сегодня въ ночь умеръ фабрикантъ Шашковъ, оставивъ около двухъ милліоновъ.

— Ну, царство ему небесное—сказалъ я, еще не придавая его словамъ другого значенія.

— Такъ-то такъ—вздохнулъ директоръ.—Но вѣдь и я одинъ изъ наслѣдниковъ, хотя и обойденный завѣщаніемъ.

Я пожалѣлъ, что его обошли, и все не догадывался, что здѣсь главное.

— И вѣдь что!—сказалъ директоръ съ негодованіемъ и презрѣніемъ.—Завѣщаніе то составлялъ не онъ, а другіе, а ему дали только подписать, да и то, когда онъ уже плохо сталъ понимать. И это засвидѣтельствовалъ уже нашъ врачъ.

Тутъ директоръ очень затруднился словами, но наконецъ, рѣшившись, прибавилъ:

— Вотъ вы тоже медикъ, и ваша подпись подъ

этимъ фактомъ могла бы имѣть вѣсское значеніе. Само собою разумѣется, что о благодарности тутъ и говорить смѣшно. Объ этомъ мы даже и говорить не будемъ.

Я дико глянулъ на него, и онъ совсѣмъ смутился и еще добавилъ въ растерянности:

— Что же касается того, что вы, можетъ быть, опасаетесь разговоровъ, то вѣдь все дѣло тайное и никакого соблазна быть не можетъ.

Я до того былъ ошеломленъ, что ужъ и не помню, что отвѣчалъ ему. Я совсѣмъ не помню и какъ ушелъ онъ. И весь этотъ вечеръ я все никакъ не могъ собраться съ мыслями.

Подъ конецъ, просто не зная куда дѣваться, я пошелъ бродить по улицамъ. На мое счастье, въ одномъ изъ переулковъ я встрѣтился съ веселой компаніей студентовъ, въ которой былъ и Бурашевъ. Всѣ они направлялись въ ресторанъ, и я, обрадовавшись, пошелъ съ ними.

VIII.

На другой день я проснулся только передъ самымъ вечеромъ. За окномъ стоялъ сѣрый, теплый и тоскливый день съ частенькимъ, меленькимъ дождичкомъ. Всюду ложились уже тѣни, и такъ грустны были и мокрые дома, и сумеречныя дали, и вороны, каркающія въ уныломъ небѣ, и блѣдный огонекъ въ какомъ-то домикѣ. Я глядѣлъ въ пасмурное окно, и такъ томилась душа моя. Закрыть бы глаза, да такъ ужъ и не открывать ихъ навѣки.

Особенно непріятно теперь мнѣ было воспоминаніе о вчерашнемъ пированіи. Сначала, правда, было очень

хорошо, и благодатное чувство жизненнаго просвѣтлѣнія стало пригрѣвать меня тепломъ своимъ. Разговаривали мы сначала также о серьезномъ. Такъ я, помню, сказалъ, что жизнь—это что-то очень темное и жуткое, что безостановочно дѣлаетъ ужасное дѣло надъ человѣческими тѣлами и душами и не обращаетъ вниманія ни на какія великія мысли о безобидности и любви. А если тѣ и входятъ въ жизнь, то вмигъ дѣлаются жалкой пошляческой философіей— и такъ безцѣльно все это! Кто-то возразилъ мнѣ на это, что разъ жизнь такъ похожа для меня на такой трудный спектакль, то вѣдь отъ участія играть каждый актеръ имѣетъ право отказаться, особенно, если не чувствуетъ себя достаточно даровитымъ. Эта мысль показалась мнѣ такой выразительной, что я хотѣлъ поговорить о ней. Но тутъ какъ-то все смѣшалось. Всѣ запѣли и заговорили сразу и начали много пить. Послѣ этого я вспоминаю уже себя только, какъ, заложивши руки въ карманы брюкъ, я пляшу, и сѣдые волосы мои хлещутъ мнѣ по вискамъ. И потомъ еще, какъ я на одномъ мѣстѣ топочу ногами, надуваю щеки и, словно ребенокъ, представляю для смѣха пароходъ, а сѣдые волосы мои то и дѣло досадно сползаютъ мнѣ на лобъ. Эти два случая теперь особенно мучили меня стыдомъ и раскаяніемъ.

Среди угнетенія и душевнаго мрака просидѣлъ я такъ весь вечеръ. А потомъ ко мнѣ опять постучались. Но на этотъ разъ вошелъ не директоръ, а Скворцовъ. Этому приходу я удивился даже больше, чѣмъ приходу директора. Но Скворцовъ былъ такъ увѣренъ и спокоенъ, что я даже подумалъ, ужъ не принято ли въ этомъ городѣ посѣщать всѣхъ мимо-

летныхъ знакомыхъ. Мы сначала поговорили о разныхъ незначительныхъ вещахъ и о моемъ вчерашнемъ пированіи, которое откуда то было уже ему извѣстно. А потомъ онъ подошелъ къ моему столу и сталъ разсматривать на немъ книги. На одной изъ книгъ моей рукой было написано: М. Константиновъ.

— Константиновъ?—сказалъ онъ съ удивленіемъ,— Но вѣдь ваша фамилія графъ Сперанскій?

— Это книга моего знакомаго, — отвѣчалъ я спокойно.

— А надписано вашей рукой?—опять сказалъ онъ.

Я смутился, и всколыхнулся тревогой и опасеніемъ. Я уже не могъ успокоиться болѣе.

Понастоящему мнѣ лучше всего было бы теперь же выѣхать изъ города. Но мнѣ страшно жаль было Люсю. Она не пришла ко мнѣ ни въ этотъ вечеръ, ни на слѣдующій, и такъ затосковало по ней сердце, что я рѣшилъ сходить къ директору, хотя это было мнѣ ужасно неловко.

Когда я вошелъ къ нимъ, не было ни Люси, ни старшей сестры. Меня встрѣтилъ одинъ директоръ. Онъ былъ очень смущенъ. Я подумалъ, что это онъ отъ прежняго разговора нашего, и сдѣлалъ видъ, что не придалъ его словамъ ни малѣйшаго значенія и даже не совсѣмъ помню ихъ.

— А гдѣ же ваши?—спросилъ я.

Отъ этого вопроса ему что-то сдѣлалось столь неловко, что сухая темная кожа на его лицѣ покраснѣла, и я понялъ, что смущенъ онъ не прежнимъ, и сердце мое сжалось отъ болѣзненнаго предчувствія. Онъ отвѣтилъ, что у Люси разболѣлась голова, и она теперь лежитъ, а сестра ушла въ гости. Потомъ онъ

пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ, затворилъ плотно дверь и, пересиливая себя, сталъ говорить тихо:

— Видите-ли—сказалъ онъ.—Вы не подумайте, что я хочу обидѣть васъ. Ничего подобнаго. Но я долженъ сказать, что вамъ совсѣмъ неудобно бывать у насъ. Посудите сами, что вы дѣлаете съ ней? Вѣдь вы не сегодня—завтра уѣдете, а она будетъ тосковать, томиться.

Мнѣ сдѣлалось мучительно стыдно и больно за себя, и самъ я густо покраснѣлъ.

Въ этотъ вечеръ Люся снова не пришла ко мнѣ. Я подошелъ къ окну и сталъ глядѣть въ сумеречное поле. И такъ трудно стало мнѣ, что я даже покачалъ головой и подумалъ о себѣ:

«Эхъ ты старый-старый, неразумный человѣкъ. Вѣдь у тебя такая же морщинистая кожа на лицѣ, какъ и у инспектора».

IX.

На другой день утромъ я укладывалъ свои чемоданы. Сначала я все-таки хотѣлъ было увидать еще разъ Люсю, чтобы проститься съ ней. Но потомъ раздумалъ. Я утѣшалъ себя, какъ умѣлъ. Я представлялъ себѣ столичный городъ, представлялъ, какъ во тьмѣ плещетъ съ проводовъ синій свѣтъ, какъ мчатся трамваи, и внутри у нихъ до того свѣтло, что ихъ видно насквозь, словно стеклянные. Я представлялъ себѣ, какъ каленыя искры сыплются изъ-подъ копытъ лошади, какъ огневой туманъ носится надъ домами, и во мглѣ полымемъ полыхаютъ зер-

кальныя витрины, и всюду городская, горячая суто-
лока, электрическій свѣтъ, газеты, разносчики, ре-
стораны. Но какъ ни живо представлялъ я себѣ все
это, мнѣ все было грустно и грустно.

Уложивъ чемоданы, я отправился нанимать ямщика,
а когда вернулся, увидѣлъ у себя Люсю. Она си-
дѣла, не раздѣваясь, и, когда я вошелъ, сказала,
робко заглядывая въ мое лицо:

— Вѣдь ты возьмешь меня съ собой?

Я ужаснулся и сталъ увѣрять, что это невозможно.
Люся ничего не отвѣтила. Она только поблѣднѣла,
губы же ея стали бѣлыми и задрожали, и она ушла.

Послѣ ея ухода я увидѣлъ, что она что-то забыла.
Это былъ узелокъ, а въ немъ оказались ея платья
и кой-какія ноты. Я отослалъ его ей съ половымъ.

Дождь сѣялъ въ воздухѣ тусклой пылью, когда я
поѣхалъ. И снова, ужъ въ который разъ, закружи-
лись передъ глазами моими неоглядные пустыри, то-
мительные, какъ протяжный колокольный звонъ,
можжевельникъ, сѣрые стога гдѣ-то у горизонта,
низкія темныя тучи надъ полями, придорожные кусты.
Иной разъ проползетъ мимо деревушка съ осинами
около избъ, со сломаннымъ плетнемъ, съ ометами
соломы, съ мужикомъ и бабой, плетущимися куда-то
подъ непрерывнымъ дождемъ. И опять сѣрыя поля,
кусты и тягучій колокольный звонъ. Да вѣтеръ тонко
посвистываетъ подъ дугой, какъ и встарь. Я ѣхалъ
и чувствовалъ такую страшную усталость, словно
милліоны лѣтъ прожилъ на свѣтѣ.

Я вспоминалъ о Люсѣ. Мнѣ вспоминались ея ми-
лыя привычки и странности, вспоминалось, какъ она
то ревниво обнимала меня, то стыдливо отталкивала.

Мнѣ вспоминалось, какъ однажды я по какому-то случаю сказалъ ей, что могу увлечься еще кѣмъ-нибудь. Ей отъ этого стало такъ горько, что она зарыдала. Я началъ ее горячо разувѣрять, и она всхлипнула въ послѣдній разъ, успокоенно вздохнула и улыбнулась.

Иной разъ мнѣ приходили на память мои милыя, тихія мысли, какія я думалъ, когда я только что пріѣхалъ въ Коростелевъ, мысли о томъ, что все, что случается со мной, все это внѣшнее и мимоидущее. И теперь такими непонятными казались онѣ мнѣ и такими далекими, что какъ бы думалъ я ихъ еще на зарѣ жизни моей.

Да и самый-то городокъ этотъ съ его хомутами, веревками и баранками какъ бы только приснился мнѣ въ мимолетномъ, но нерадостномъ снѣ.

Я оглядывался кругомъ, и страненъ, изумителенъ казался мнѣ міръ. Такъ страненъ и изумителенъ кажется онъ уходящему изъ него навсегда.

X.

Не помню хорошо, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, но была какъ-то новая зима, и стоялъ оттепельный день, когда я снова былъ въ Коростелевѣ. Въ немъ все было по прежнему — тѣ же хомуты въ лавчонкахъ, тѣ же веревки и баранки, словно онѣ и не продавались съ тѣхъ поръ, тотъ же постоялый дворъ и такія же афиши, только на нихъ вмѣсто указующихъ пальцевъ стояло теперь огромное слово: «Выпрыгнулъ», а подъ нимъ помельче: «съ участіемъ г-жи Барановой». Развѣ можетъ измѣ-

ниться въ Коростелевѣ что-либо хоть черезъ тысячу лѣтъ?

Я вошелъ въ домъ, гдѣ жилъ директоръ, и позвонилъ у его квартиры. Но тамъ теперь жили уже совсѣмъ чужіе люди, и мебель была чужая, и обои, и дверь мнѣ отворила какая-то старуха, толстая, какъ архіепископъ.

Старуха эта сначала ни о комъ ничего не знала, но послѣ полтинника на чай дряхлая память ея оживилась. Я узналъ, что директоръ получилъ повышеніе и переведенъ въ Кіевъ, старшая дочь его играетъ на сценѣ, а Люся умерла. Меня спросили, какъ моя фамилія. Я назвался своей прежней, громкой и родовитой, и мнѣ сказали, что для меня оставлена здѣсь на всякій случай вещь. Старуха долго рылась, пока нашла ее и принесла. Это былъ старинный романъ съ желтыми, загрязненными страницами, который мы вмѣстѣ читали когда-то съ Люсей, и я еще, бывало, смѣялся надъ сантиментальностью героини, а Люся горячо принимала къ сердцу и обижалась.

Старуха разсказала мнѣ и о смерти Люси — теперь оказалось, что она знала все. Люся умерла въ трогательные дни ранней весны, когда я только что уѣхалъ. Она умирала мучительно. Первый докторъ прописалъ ей горячія ванны. Все тѣло Люси такъ болѣло, что она кричала, когда ее сажали въ горячую воду. Второй докторъ, котораго позвали послѣ, старый, опытный профессоръ, сказалъ, что у нея зараженіе крови и что горячія ванны очень усилили ея болѣзнь. Онъ велѣлъ вспрыскивать камфору и

растирать ей тѣло суконками, какъ можно крѣпче. Люся кричала и говорила:

— Не мучайте меня! Ахъ, онъ бы не далъ!

Въ первый день, когда она была въ бреду, шумно вошелъ братъ, пріѣхавшій изъ Петербурга на каникулы.

— Такъ онъ уже пріѣхалъ? — сказала Люся.

Но она не глядѣла на брата и не узнавала его. Потомъ она улыбнулась и прибавила:

— Вы все танцуете съ нимъ? А мнѣ уже нельзя.

Но тутъ она пришла въ себя, подозвала отца и сказала:

— Пожалѣй его, папа.

На другой день, опять въ бреду, она вдругъ сама встала съ постели, хотя до ея тѣла нельзя было дотронуться, и пошла на кухню. Братъ увидѣлъ это и закричалъ:

— Люся, ты встала!

— Да, — сказала она. — Я только взгляну на него въ послѣдній разъ и сейчасъ же умру.

— Да какъ же ты встала? — растерянно вскрикнулъ снова братъ.

Она кокетливо качнула головой и спросила:

— Развѣ встала? — и тутъ замѣтила это, закричала отъ боли и упала на полъ.

Къ вечеру она вздохнула въ послѣдній разъ.

У себя въ номерѣ я сталъ перелистывать тотъ романъ, который мнѣ дала старуха. На одной пыльной страницѣ я увидѣлъ три мутныхъ пятнышка. Должно быть, Люся плакала надъ нимъ. И тутъ еще, приглядѣвшись, я увидалъ, что одна фраза была подчеркнута тонкой, дрожащей чертой. Это были слова

героини: мое сердце сгорѣло, и жизнь мнѣ стала не нужна.

Страшная догадка мелькнула у меня въ головѣ, но я скрылъ ее даже отъ самого себя.

Въ ночь я снова и уже навсегда выѣхалъ изъ города. Разыгрывалась неистовая метелица. Въ концѣ улицы вставала черная, страшная стѣна, у которой со свистомъ зловѣще крутило гигантскій столбъ снѣжной пыли. Березы тамъ, голыя и высокія, звенѣли чистымъ стенающимъ звономъ. Метель убаюкивала землю, тихо напѣвая надъ нею.

Словно сказка, словно сонъ проходятъ слова и дѣла людей и таютъ, какъ дымъ.

ТАЙНА.

Всю эту ночь съ самаго наступленія сумерекъ студентъ томился страннымъ и тягостнымъ томленіемъ. Такъ грустно, такъ тоскливо было ему, и самъ онъ понять не могъ, что это такое. Все чего-то хотѣлось настойчиво и горестно, но на что ни обращалъ онъ свое желаніе, все было не то и не то. Такъ случалось съ нимъ каждой весной, это и самъ онъ зналъ и каждую весну встрѣчалъ съ затаенной тревогой и боязнью.

Съ семи часовъ вечера онъ пробродилъ по полямъ, а когда стало совсѣмъ темно, увидѣлъ вдалекѣ, у самой рѣки, костеръ, подошелъ къ нему и сѣлъ. У костра рыбаки варили картошку.

Студентъ поздоровался и угрюмо уперся подбородкомъ въ колѣни. Онъ не слушалъ, что говорили между собой рыбаки. Онъ думалъ о своемъ.

«Господи Ты, Господи!—думалось ему съ тоской и печалью.—Какая грусть, какая горечь повсюду! Вотъ рыбаки живутъ, ѣдятъ картошку, радуются улову, печалятся, когда его нѣтъ. Потомъ умрутъ, сотрутся съ лица земли, истлѣютъ безъ слѣда. И такъ все-все въ жизни».

Онъ взглянулъ на самаго близкаго къ себѣ, лысаго старика. Старикъ старательно дѣлалъ изъ ивовой коры свистульку и, пробуя, подолгу съ любовью свистѣлъ въ нее. Въ промежуткахъ онъ разговаривалъ:

— Вотъ вчера, — сказалъ онъ, — пріѣхалъ къ нашему помѣщику землемѣръ. Весь лѣсъ вычислилъ.

— Вычислилъ?—съ любопытствомъ переспросилъ мальчикъ, лежавшій около старика.

— Вычислилъ, — отвѣтилъ старикъ съ унылымъ упрекомъ. — Вычислить-то вычислилъ, а что толку? Ни деревъ, ни дичи онъ этимъ не прибавилъ.

— Будетъ тебѣ, Лихоборъ,—сказалъ кто-то за костромъ изъ темноты.—Что тебѣ за дѣло? Пилось бы да ѣлось, да дѣло на умъ не шло бы. Да ты же уже и старый.

— Нѣтъ, нельзя тебѣ этого говорить,—съ раздумьемъ сказалъ старикъ.—Что дальше-то будетъ? Вѣдь это только еще пока у насъ жизнь сносная.

— Сносная?—опять переспросилъ мальчикъ.

— Сносная,—отвѣтилъ старикъ,—Сносная-то сносная, а что въ томъ толку? Какъ ежели все такъ вычислятъ—ни тебѣ рыбы вольной изловить, ни тебѣ дикой уткой завладать.

— Что вѣрно, то вѣрно,—неожиданно согласился прежній голосъ изъ темноты.

Старикъ опять сталъ свистать въ свистульку. Студенту же сдѣлалось такъ непріятно отъ этихъ вѣчныхъ словъ о поддержаніи темной и призрачной жизни, что онъ всталъ и сказалъ:

— Кто бы тутъ перевезъ меня на ту сторону?

— Пожалуйте, господинъ, — отвѣтилъ невидимый

голосъ изъ темноты.—Ужо дашь на чаищко три копейки.

Студентъ осторожно сѣлъ въ зыбкую лодку, и рыбакъ замахалъ веслами. Только оттого, что костеръ сталъ превращаться въ неподвижный маленькій кружокъ, а люди около него начали дѣлаться крошечными мигающими тѣнями, можно было догадаться, что лодка ѣдетъ.

— Куда прикажете?—спросилъ рыбакъ.—Къ примосткамъ или на три можжевельника?

— На три можжевельника,—отвѣтилъ студентъ и удивился, какъ это рыбакъ можетъ найти въ такихъ потьмахъ дорогу.

— Какъ тебя звать?—спросилъ онъ рыбака.

— Филатомъ,—отвѣтилъ тотъ.

Лодка стукнулась о берегъ, и студентъ вышелъ. Вода снова зажурчала подъ берегомъ. Это лодка отъѣзжала. Но лишь только студентъ остался теперь одинъ, какъ прежнее томленіе и мысли о призрачности и темнотѣ жизни стали еще сильнѣе и вновь такъ страшно захотѣлось услышать человѣческіе голоса, хотя бы тѣ самые, которые были еще такъ недавно непріятны. И онъ не выдержалъ и закричалъ, что есть силы:

— Филатъ!

— Здѣсь!—издалека откликнулось ему.

Студентъ страшно обрадовался, что Филатъ еще не уѣхалъ совсѣмъ, и закричалъ опять:

— Сдѣлай милость, возьми меня назадъ.

Черезъ нѣсколько минутъ студентъ снова услыхалъ журчаніе воды подъ берегомъ, а вслѣдъ за этимъ сейчасъ передъ собой шлепанье по влажной

землѣ босыхъ Филатовыхъ ногъ. Онъ опять удивился, что рыбакъ такъ прямо шелъ на него въ такой темнотѣ, и сказалъ обрадованно:

— Ужъ лучше я, Филатушка, съ вами ночь просижу.

— Ясное дѣло, лучше, — охотно согласился Филатъ.—Темень.

Когда они пріѣхали назадъ, костеръ догоралъ и дѣлался безкровнымъ. Но старичекъ въ это время подкинулъ еще хворосту, огонь снова весело и шумно закачалъ своей кудрявой головой, и на душѣ у студента отъ этого стало тоже немного веселѣе, мягче и пріятнѣе.

— Дѣдъ, разскажи еще про клады,—сказалъ мальчикъ, должно быть, только что дослушавшій сказку.

Старикъ подвинулъ къ огню котелокъ съ новой картошкой и сталъ говорить размѣренно:

— Лежитъ кладъ-воля подъ семью заклятіями, подъ семью словами крѣпкими, нерушимыми. И нѣтъ силы-моченьки докопаться до него. Сломить надо словеса упругія, разрѣшить надо заклятія тяжелыя. Но не желѣзомъ-мечомъ кованымъ, и не стрѣлами калеными. Есть тутъ средствіе тайное и могучее, средствіе святого инока...

Студентъ лежалъ, слушалъ неспѣшную и торжественную рѣчь старика, и мысли его теперь сами стали дѣлаться медленными, спокойными и лѣнивыми. Отъ сердца тихонько отлегала горечь, и тишина стала входить въ омраченную душу. Въ воображеніи мирно потянулись подъ сказки старика дремучіе лѣса, заповѣдныя рощи, скиты, дороги заказанныя, скрытыя туманомъ, всякая нечисть, жуткая, но наивная и простая, какъ и самъ старикъ.

Теплая ночь быстро подходила къ концу. Луга и лѣса стали свѣтлѣть, и мутный туманъ, носившійся надъ рѣкой, началъ, колеблясь, подниматься кверху и таять. Скоро надъ рощей огненно заалѣло небо, верхи деревьевъ вдругъ обдались желтымъ пламенемъ восходящаго солнышка и все озарилось и загорѣлось. Старикъ всталъ, умылся у рѣки и запѣлъ дребезжащимъ голоскомъ.

— Благословенъ еси, Господи!..

«Да благословенъ, благословенъ! — вдругъ съ радостью отъ всей души подумалъ студентъ.—Все благословенно, все хорошо кругомъ. Ну, къ чему эта тоска и смятеніе? Да, жизнь темна и непонятна, но вотъ жить такъ просто, какъ эти немудреные рыбаки».

Мальчикъ крѣпко уснулъ подъ дѣдовы сказки. Старикъ накинулъ на него зипунъ, а самъ съ Филатомъ сталъ разворачивать удочки. Студентъ сказалъ старику:

— Дай-ка, дѣдко, мнѣ какую лишнюю. Помогу вамъ поудить.

Старикъ сейчасъ же приготовилъ студенту удочку. Послѣдній туманъ надъ водой, свиваясь и развиваясь, уползъ въ синіе, сырые кусты на берегу. Но отъ воды все еще несло крѣпкой утренней свѣжестью.

У старика рыба клевала хорошо, но старческая невѣрная рука плохо подводила ее къ берегу. Рыба, срываясь съ крючка, изгибалась надъ блестящей водой яркимъ серебрянымъ кольцомъ и, обдавая всѣхъ студеными брызгами, ускользала снова въ синюю таинственную глубину. Старикъ очень сердился и говорилъ:

— Уѣла ты меня, шельмовская.

А Филатъ смѣялся и утѣшалъ:

— Все одно помирать пошла.

Студентъ, разгоряченный уженьемъ, теперь совсѣмъересталъ думать о недавней тоскѣ своей.

На томъ берегу изъ деревень уже выѣзжали на поля пахари съ опрокинутыми плугами. Плуги по влажной дорожной пыли оставляли темныя бархатныя тропинки, а свѣтлые лемеха вспыхивали на солнцѣ широкими зарницами. Полосы съ крестьянской рожью, надвинувшись по крутому берегу къ розовой водѣ, къ этому времени весны уже не только завязали всюду пятку колоса, а и выростили его, и отъ нихъ по всему раздолью обоихъ береговъ мощно тянуло медовымъ запахомъ начинающагося цвѣтенія. И студентъ смотрѣлъ на пахарей, на рожь и розовато-серебряную воду и насмотрѣться не могъ теперь.

«А ты тосковалъ, неразумный,—говорилъ онъ самому себѣ съ большою радостью.—Ну какъ же можно такъ»?

И теперь ему уже никакъ не вѣрилось, что странная тоска его не сегодня—завтра вновь можетъ начаться безъ причины.

Солнце скоро поднялось высоко, и студентъ собрался домой. Его опять перевезъ Филатъ. Студентъ обѣщалъ завтра дать ему гривенникъ, и Филатъ долго благодарилъ и кланялся, качая своей мѣднокрасной шеей.

Въ селѣ ударилъ колоколъ къ заутренѣ, и звонъ раздался въ каждомъ лѣсу и перелѣскѣ, словно въ нихъ стояло по собственной колокольнѣ.

На полѣ студентъ разулся и пошелъ босикомъ по жирной и мягкой землѣ, только что вспаханной.

Въ село онъ вошелъ усталый и совсѣмъ сонный, но отъ этого было еще сладостнѣе. По дорогѣ навстрѣчу шли на поля дѣвки съ босыми загорѣлыми ногами и лицами, опаленными вѣтромъ и солнцемъ. Студентъ смотрѣлъ на нихъ и смѣялся, счастливый и почти уже совсѣмъ засыпая на ходу.

Такъ и уснулъ онъ дома въ этой удивительной радости, столь же внезапной и загадочной, какъ и самое томленіе, и, засыпая, онъ никакъ уже не вѣрилъ, что не сегодня—завтра тоска его вновь можетъ повториться.

ЗИМА.

Еще вечеромъ было жарко, и глинисто-бурая туча съ грохотомъ, молніями и синимъ дождемъ прошла по краю неба, а на утро уже все поле стало бѣлымъ отъ инея, и густо посѣдѣли верхушки лѣса. Вновь налетѣлъ было теплый вѣтеръ и сдунулъ все, но тутъ запорошилъ снѣжокъ и все исправилъ окончательно. Разносчикъ газетъ первымъ прошелъ въ валенкахъ и тулупѣ.

Инженеръ шелъ по дорогѣ отъ села къ помѣщичьему дому. Онъ зналъ, что въ этотъ часъ застанетъ Софью Андреевну одну. Вокругъ было очень тихо, бѣло и дремотно. Тусклый и туманный свѣтъ стоялъ надо всѣмъ недвижимо безъ трепета и миганій. Легкій вѣтеръ бродилъ сонно въ молочно-бѣломъ воздухѣ, такъ, словно бы то тамъ, то здѣсь трепетали невидимо большія, мягкія крылья.

Инженеръ шелъ, и въ голову ему приходили разныя разсѣянныя мысли. Сначала вспомнилось, какъ бородатый сапожникъ Егоръ сегодня вышелъ на улицу въ гимназической тужуркѣ, потомъ, какъ трактирщикъ пробовалъ около своего трактира керосинокалильный фонарь, и какъ толпа валила глядѣть на

него, а потомъ потянулось въ головѣ совсѣмъ уже что-то неясное.

Подойдя къ помѣщичьему дому, инженеръ приложилъ руку къ груди.

— Ну, какъ я ей это скажу? — сказалъ онъ вслухъ и со страданіемъ поморщился.

Онъ взошелъ по лѣстницѣ на верхъ и увидѣлъ все то, что видѣлъ вотъ уже шесть лѣтъ — прихожую, гдѣ въ укромномъ уголку стояла ножка отъ дивана, который шесть лѣтъ собирались починить, дальше красную гостиную съ канарейкой, а черезъ дверь большую залу съ темной позолотой. Къ нему вышла шестилѣтняя дѣвочка Оля, въ коричневомъ платьицѣ. Она долго смотрѣла, какъ онъ раздѣвался, и сказала очень громко:

— А у насъ сегодня одинъ мышь попалъ въ мухоловку и выскочилъ. Мнѣ было такъ жалко, что онъ убѣжалъ.

— Мама дома? — спросилъ инженеръ.

— Да, — отвѣтила Оля и начала усиливаться заглянуть себѣ за спину, далеко ли достаетъ косичка.

За залой въ послѣдней комнатѣ инженеръ увидѣлъ Софью Андреевну. Она взглянула на него тѣмъ спокойнымъ и преданнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на человѣка большія дикія птицы, когда онѣ не боятся.

«Ну какъ, какъ я ей скажу? — опять подумалъ инженеръ.

— Теперь, Соня,—началъ онъ, прерываясь.—Дорогу закончили постройкой, и меня вызываютъ окончательно.

— Что жъ дѣлать — отвѣтила она съ глубокимъ вздохомъ. — Отъ судьбы не уйдешь. Пусть будетъ такъ. Разстанемся.

— Да, — сказалъ инженеръ и густо покраснѣлъ — Я тутъ ничего не могу сдѣлать. Служба.

И онъ съ досадою пожалъ плечами.

— Ахъ! — вдругъ воскликнулъ онъ въ испугѣ. — Но зачѣмъ ты собираешься плакать? Ну, что же, что я могу?

— Я не собираюсь плакать, — тихо сказала Софья Андреевна.

Губы ея вдругъ задрожали, и слезы градомъ полились изъ глазъ.

— Вотъ странно! Ну, какая ты странная, — говорилъ инженеръ.

Пожимая плечами, онъ отошелъ къ окну. За окномъ наступали сумерки, но небо расчистилось, и заходящее солнце свѣтило прощальными красными лучами. За лѣсомъ, на колокольнѣ блестѣло окошечко темнымъ мѣднымъ отблескомъ. Густосинія тѣни пали всюду по чистому снѣгу.

— Я не буду больше плакать — сказала Софья Андреевна, вытирая глаза платкомъ. — Но только, Боже мой, какъ это тяжело, какъ ужасно! — и слезы опять закапали изъ ея глазъ.

Инженеръ надѣлъ фуражку и сталъ ходить въ ней по комнатѣ. За стекломъ все стало совсѣмъ синимъ и морозно-дымнымъ. Надъ снѣжнымъ полемъ мѣсяцъ низко выгнулся чистой ярко красной дугой.

— И потомъ вотъ еще что я хотѣлъ, — сказалъ инженеръ и снялъ фуражку. — Я хотѣлъ еще сказать, что эта жизнь втроемъ, и эти свиданія украдкой, все это скверно. и мучительно. И скверно и мучительно, — прибавилъ онъ съ удареніемъ. — И потомъ мнѣ нѣсколько непонятно, какъ это можно позволять

столь откровенно цѣловать у себя руки, да еще въ собраніи, да и кому же позволять?

— Но вѣдь онъ поцѣловалъ одинъ разъ, и рука была въ перчаткѣ.

— Да? Въ перчаткѣ? — зло прищурился инженеръ. — Такъ ты стала носить перчатку съ лѣвой руки на правой, да? Правую-то перчатку я очень хорошо помню у тебя въ рукахъ.

— Да, я тогда нечаянно надѣла перчатку съ лѣвой руки на правую. Ты передъ этимъ такъ ужасно посмотрѣлъ на меня за что-то, что я очень испугалась и перепутала.

И она вдругъ засмѣялась этой ошибкѣ своей.

— Ну, это все равно, — сказалъ инженеръ хмуро.— Что я еще хотѣлъ? Да, вотъ что! Оля — моя дочь, и я увезу ее и самъ воспитаю. Вѣдь она, Богъ знаетъ, какъ воспитывается здѣсь. Ей жалко, что мышенокъ спасся. Богъ знаетъ, что! — и инженеръ брезгливо вздернулъ плечами.

— Нѣтъ, — сказала Софья Андреевна. — Она не твоя дочь. Она отъ моего мужа.

— Какъ? — очень удивился инженеръ и такъ растерялся, такъ растерялся. — Какъ отъ твоего мужа?

Въ большомъ недоумѣніи и растерянности онъ всталъ и долго стоялъ противъ Софьи Андреевны.

— Такъ значитъ ты меня обманула? — тихо воскликнулъ онъ. — Обманула!

Онъ снова надѣлъ фуражку и сталъ ходить по комнатѣ, какъ бы не замѣчая больше Софьи Андреевны.

— Обманула! — говорилъ онъ себѣ. — Какъ это нехорошо, какъ стыдно, какъ нечестно!

Потомъ онъ опять остановился передъ Софьей Андреевной и сказалъ въ тихомъ недоумѣніи:

— Но зачѣмъ же, зачѣмъ же ты меня обманула? Я не понимаю. Какая же цѣль? Я совсѣмъ не понимаю.

— Но вѣдь я такъ любила тебя тогда, — заговорила Софья Андреевна. — Я знала, какъ ты будешь радъ этому. Ахъ, шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, цѣлыхъ шесть лѣтъ!

Она горько качнула головой и сказала со скорбною улыбкой:

— Какая я была тогда! Господи, какая! Какъ удивительны были для меня тогда всѣ твои чертежи, выкладки и даже разговоры съ подрядчиками! Какимъ необыкновеннымъ, чудеснымъ былъ ты для меня тогда! И я думала, что мы будемъ такъ близки душою другъ къ другу. И что вышло, Господи, что вышло! А вѣдь я всю жизнь мою только и мечтала о томъ, кому бы я всегда нужна была, кто думалъ бы обо мнѣ, безпокоился бы, ждалъ бы нетерпѣливо, ревновалъ бы, хотѣлъ бы меня. И вотъ что, вотъ что вышло! О, до чего мнѣ только жаль этой прошлой мечты своей!

Она зарыдала такъ бурно, съ такимъ отчаяніемъ и горечью, что у инженера все перевернулось въ груди. И онъ самъ какъ-то оглянулся въ эту минуту назадъ, на всѣ эти шесть лѣтъ, и словно впервые съ болѣзненной ясностью увидѣлъ, до чего исковерканы были они, до чего безрадостны и трудны, и такъ ужасно вдругъ стало ему, и показалось, что онъ просто съ ума сойдетъ сейчасъ отъ состраданія къ самому себѣ. Онъ всталъ передъ ней на колѣни и началъ цѣловать ея мокрые глаза и щеку. Она

счастливо удивилась и вспыхнула и стала горячо отвѣчать страстными поцѣлуями только что полюбившей дѣвушки.

— Оля, — твой ребенокъ, — говорила она. — Я боялась, что ты уѣдешь и возьмешь ее у меня.

Когда инженеръ выходилъ изъ помѣщичьяго дома, уже совсѣмъ стояла ночь. Густой, зеленовато-голубой свѣтъ мѣсяца наполнялъ всю землю. Каждый слѣдъ на снѣгу, каждая кочка и каждый прутикъ стояли въ дымномъ сіяніи. Сугробы пылили стеклянной пылью. Ярко блѣдное лежало нагое поле, и въ мутно-блистающей дали его, мелькало смутными пятнами полевое звѣрье. Земля звенѣла подъ ногами, словно хрустальная, отъ перваго крѣпкаго мороза.

Безчувственно, безъ мыслей шелъ инженеръ по полю, и такъ же безчувственно поднялся къ себѣ въ номеръ. Онъ сѣлъ на кровать, и большое несчастье сошло ему на душу. По угламъ стояли бѣлые чемоданы, совсѣмъ завязанные, готовые къ отъѣзду, и мѣсяцъ блѣдно озарялъ ихъ. Инженеръ глядѣлъ на нихъ и думалъ теперь:

«Прошло шесть лѣтъ. И еще пройдетъ шесть лѣтъ».

А въ душѣ казалось, что прошло не шесть лѣтъ, а вѣчность, и такая же вѣчность будетъ впереди, и все такъ же въ вѣчности этой непостижимо и противоестественно будетъ сплетаться между собой — ложь, правда, любовь и жалость.

Очень, очень хотѣлось открыть глаза и проснуться. Но открыты были глаза, и некуда было просыпаться.

ШАПКА.

Нашъ пароходъ «Св. Владиміра» осторожно выбирался изъ гавани на просторъ среди бѣлыхъ катеровъ, шлюпокъ, парусныхъ судовъ и баржей, словно смертельно опасное, но доброе животное. Хрустя желѣзомъ рулевой цѣпи и взрывая носомъ пѣнно-бѣлые бугры, выплылъ онъ, наконецъ, въ открытое море, густо задымилъ и безбоязненно и радостно далъ полный ходъ. Бѣлый городъ ушелъ въ даль, и теперь стало казаться, что холмъ, на которомъ онъ стоитъ, усѣянъ не домами, а блѣдно голубыми снѣжными хлопьями. Солнце только что сѣло, и внизу подъ городомъ, у самой подошвы холма, побрелъ по сизому кустарнику огневой туманъ, а еще ниже, подъ туманомъ, совсѣмъ синей и густой стала вода гавани.

Я смотрѣлъ, какъ засыпала далеко врѣзавшаяся въ море темно-желтая коса, принакрытая синей, словно пороховой дымкой, какъ замирали вдругъ въ безсиліи паруса у пробѣгавшихъ мимо судовъ, словно недопѣтая пѣсня, и какъ вверху красное широкое облако стояло недвижимо на пустомъ небѣ, подергиваясь вечерней синевой—я смотрѣлъ и думалъ съ грустью:

«Господи ты, Господи, до чего только скоро прошла моя жизнь! Я ѣду на югъ, но все равно черезъ мѣсяцъ, другой умру въ чахоткѣ. А что я жилъ? Родился всего тридцать лѣтъ тому назадъ, пятнадцать изъ нихъ ушло на безсознательное дѣтство, да третью часть унесъ сонъ, и было у меня всего какихъ-то пять лѣтъ, глупыхъ, милыхъ пять лѣтъ. До чего только нелѣпо это!»

Я посмотрѣлъ вверхъ на одинокое, красное облако и подумалъ еще:

«Ну, хорошо, ну пусть я умру, но чѣмъ же буду я послѣ смерти? Ужъ не такимъ ли вотъ облачкомъ въ небѣ?»

И я сталъ представлять себѣ, какъ это я самъ буду висѣть въ этомъ пустынномъ небѣ, въ недосягаемой вышинѣ такъ же вотъ одиноко и прекрасно, но и такъ же бездушно и безсознательно. И когда я совсѣмъ слился мыслью съ этимъ облакомъ, я такъ испугался своего представленія.

— Нѣтъ, не хочу! — содрогнувшись отъ холода, сказалъ я себѣ.—Пусть ужъ лучше ничто.

Уже ни одного звука не доносилось къ намъ больше съ берега, и даже какой-то сигнальный рожокъ, долго еще послѣ всѣхъ одиноко плакавшій въ вечернемъ воздухѣ, замеръ за далью. Стало совсѣмъ темно, и скоро погасло само огневое облако, обратившись въ груду холоднаго сѣраго пепла.

Наступила темная, южная ночь съ темно-синимъ небомъ и водой. Среди ночи этой однажды вновь запылало всюду кровью и огнемъ. Мѣсяцъ всталъ краснымъ холмомъ надъ краемъ черной морской пустыни, отбрасывая къ самому пароходу алую полосу.

Но взойдя, мѣсяцъ сталъ голубовато-серебрянымъ, полоса исчезла, и вновь подъ нами стала прежняя вода изъ темнаго бархата, да такое же темно-бархатное небо надъ головой, да тонкій туманъ и лунный свѣтъ между ними. Я смотрѣлъ на все это, и все печальнѣе становилось душѣ моей среди всей этой холодной, безсознательной и чуждой ей красоты.

Мнѣ захотѣлось увидѣть родственное себѣ, живое, и я пошелъ на бакъ къ матросамъ. Тамъ слышался голосъ Ивана Малякина, знакомаго мнѣ еще съ прошлаго плаванія. Изъ Ивана Малякина до сихъ поръ еще не выработалось настоящаго матроса. Во всѣхъ его пріемахъ такъ и сквозила корявая тяжеловѣсность медвѣдя-пахаря. И ходилъ онъ какъ-то не почеловѣчески—внутрь носками и врозь пятками, какъ удобно, можетъ быть, ходить по пашнѣ въ несокрушимыхъ пудовыхъ сапожищахъ, вгоняя внутрь земли самыя камни, но никакъ не по животрепещущей палубѣ. И у него была еще необъяснимая странность—онъ никогда не разставался со своей шапкой и даже ночью спалъ въ ней.

Теперь Иванъ Малякинъ разсказывалъ что-то такое очень любопытное, потому что всѣ притаились. Я прислушался—онъ вспоминалъ о родинѣ. Онъ говорилъ:

— Да что тутъ говорить, у насъ куда лучше здѣшняго. Тутъ у нихъ Каиръ да Лександрія, да какая-то Ганга-рѣка. Ну что толку? У насъ хоть, по крайности, Волга есть, Волгой прозывается, а то—Ганга! Да вотъ развѣ что у нихъ по всему морю персикомъ пахнетъ. Оно, конечно, персикомъ хорошо, да вѣдь у насъ-то, у насъ сейчасъ что, братцы! Вѣдь у насъ

сейчасъ снѣжокъ! Мететъ это онъ по всей улицѣ, а морозецъ потрескиваетъ по бревнамъ, а печки топятся, а дымъ изъ трубъ коромысломъ. Эхъ, братцы вы мои, сейчасъ бы это валенки да рукавицы, да салазки, и пошелъ похрупывать по снѣгу въ лѣсъ за хворостомъ. А то—персикомъ!

— Н-да, салазки, оно ничего,—задумчиво сказалъ другой голосъ, голосъ уже сѣдого, но ухватистаго ярославскаго матроса-кошки, всю жизнь прожившаго на живую руку и врядъ ли когда имѣвшаго свои салазки.

— Вотъ только деньжонокъ бы скопить, сейчасъ бы укатилъ туда—сталъ было опять говорить Малякинъ.

Но въ это время подулъ свѣжій просоленый вѣтеръ, и скомандовали что-то на непонятномъ языкѣ— не то поставить парусъ, не то убрать его.

Матросы сейчасъ же разбѣжались, и я снова остался одинъ. Я подошелъ къ борту, свѣсился за него и сталъ смотрѣть внизъ. Изъ-подъ носа вздымался ровный валъ, весь дымно зеленый, полный луннаго свѣта, и словно стеклянный. Сквозь чистую воду его виднѣлась бѣлая стѣна парохода, къ которой присосалось сверху много мелкихъ морскихъ ракушекъ. Я долго смотрѣлъ на этотъ валъ, и мнѣ стало казаться, что не мы бѣжимъ мимо него, а онъ мимо насъ, а навстрѣчу намъ прямо въ глаза мчится и вся необозримая, голубовато серебряная зыбь моря, и туманъ, и ночная прохлада, и соленый духъ морской, смѣшанный съ іодомъ, и яркій мѣсяцъ.

Я не помню, долго ли я такъ стоялъ, но вдругъ я услышалъ нѣчто такое, что вдругъ сдѣлало зловѣщимъ этотъ лунный свѣтъ и чистую воду.

— Человѣкъ упалъ за бортъ! — сдержанно крикнулъ кто-то надо мною, и въ этой неестественной сдержанности особенно ясны были испугъ и тревога.

На палубѣ поднялась суматоха. Винтъ, раскачивая пароходомъ, далъ полный заднiй ходъ, и пароходъ, накренившись, всталъ сразу на мѣстѣ—только черными вьюнами забурлила около него вода. Вмѣстѣ со всѣми я побѣжалъ было на корму, но, когда тамъ стали спускать шлюпки, опять перешелъ къ носу, чтобы не мѣшать.

— Гдѣ человѣкъ? Съ какого борта упалъ?—кричали на кормѣ.

Тамъ, должно быть, ничего нигдѣ не видѣли, и я самъ, какъ ни усиливался, не замѣчалъ ничего кромѣ блестящей зыби да свѣтлаго дыма на даляхъ.

Но тутъ вдругъ я увидѣлъ то, чего я даже сначала не понялъ, и чего никогда не забуду. Изъ-подъ носа парохода вдругъ выплыли черныя человѣческiя плечи и голова. Выплывши же, человѣкъ, вмѣсто того, чтобы схватиться за что либо, сталъ быстро удаляться, размашисто разсѣкая руками воду. Съ каждой минутой онъ все уходилъ и уходилъ отъ насъ въ блѣдныя дали морской пустыни, качаясь надъ страшной непрiязненной глубиной, и скоро сталъ уже дѣлаться невиднымъ въ пыльномъ и неясномъ свѣтѣ луны. Я до того былъ пораженъ, что даже не вскрикнулъ. Я не повѣрилъ своимъ глазамъ и подумалъ, что ошибся. Но потомъ словно сквозь сонъ увидѣлъ, какъ замахали веслами въ ту же сторону и наши шлюпки—человѣка, должно быть, замѣтили и они.

На всемъ пароходѣ вдругъ настала глубокая ти-

шина, и опять я не помню, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ. Передъ глазами моими все дико стояла непонятная человѣческая фигура, убѣгающая, словно морское животное, отъ парохода. Когда же я немного опомнился, лодки уже подплыли къ трапу, и тамъ слышался взволнованный говоръ. Изъ шлюпокъ несли вверхъ по лѣстницѣ темнаго, неподвижнаго человѣка. Его несли впередъ ногами, и мнѣ видны были только его огромные, матросскіе сапоги, съ которыхъ, блестя сама и сверкая стеклянными пузырьками, стекала вода.

Когда же его совсѣмъ подняли на палубу, я увидѣлъ и лицо. Оно все было изжелта-синее, но еще живое, и въ открытыхъ глазахъ еще свѣтилась жизнь. И сразу же я узналъ его—это былъ Иванъ Малякинъ.

Я слышалъ, какъ въ толпѣ разсказывали, что когда шлюпки догнали его, онъ не давался поймать себя, и даже нырнулъ глубоко въ воду. Ему, вѣроятно, уже не удалось бы вынырнуть отъ намокшей одежды, но одинъ изъ матросовъ успѣлъ поймать его въ глубинѣ багромъ. Его вытащили, но тутъ случилось новое и самое ужасное несчастіе. Багромъ ему жестоко распороли животъ.

Теперь уже всѣ понимали, что онъ не упалъ, а самъ бросился въ воду, и думали объ этомъ такъ же, какъ и я, то-есть, что соскучившись по родинѣ, онъ рѣшилъ самовольно вернуться туда. Намъ какъ-то и въ голову не приходило, что броситься вплавь черезъ море было бы глупо даже для такого матроса. Впрочемъ, нѣкоторые полагали еще, что онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ внезапнаго помѣшательства.

Малякина положили въ отдѣльную каюту, и онъ сейчасъ же впалъ въ безпамятство и все время бредилъ—у него началось воспаленіе брюшины. Когда я пришелъ къ нему, онъ былъ уже раздѣтъ, и животъ зашитъ и забинтованъ, но волосы еще не высохли и еще сильно отдавали запахомъ іода и морской соли. Я сидѣлъ около него и съ грустью слушалъ его безсвязную бредовую молвь.

— Не всегда, братъ, удается захвоснуть кнутомъ подъ животъ—говорилъ онъ съ доброю улыбкой.— Какъ запряжешь. Экіе сугробы намело, дымятъ и дымятъ. На, истопи печь.

И онъ сталъ говорить кому-то очень тихо и наставительно какія-то сумбурныя слова. Вдругъ онъ приподнялся съ подушки, пристально поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— А что же вы, господинъ, такъ и не нашли шапки?

Взглядъ его былъ такъ осмысленъ, что я вздрогнулъ и уже хотѣлъ отвѣтить, что не знаю, о какой шапкѣ онъ спрашиваетъ. Но я спохватился—это опять былъ только бредъ. И, дѣйствительно, Малякинъ снова откинулся назадъ и забормоталъ:

— Напрасно, господинъ, напрасно. Да и опять же къ этимъ валенкамъ никакъ не пойдутъ красныя салазки. Тутъ надо зеленыя.

Черезъ часъ онъ пересталъ бормотать, а еще черезъ часъ его уже не было въ живыхъ. Сѣденькій священникъ сталъ приготовлять все на палубѣ къ панихидѣ, и Малякина вынесли, зашитаго въ бѣлую холстину и съ холодными гирями на ногахъ. И такъ странна, такъ странна была эта ночная панихида

среди воды, сырого тумана и призрачнаго свѣта луны. Странны были и душистый кадильный дымъ, разносившійся по палубѣ, и тусклое блистаніе луны на ризѣ иконы, спокойное, холодное и строгое, и лучистыя пятна безболѣзненно сгоравшихъ свѣчъ среди безвѣтряной ночи, и безотрадныя слова похороннаго возгласа:

— Изъ земли взятъ и въ землю возвратишися.

Узкую доску опустили съ борта парохода, и бѣлый мертвецъ, скользнувъ по ней, грузно шлепнулся, перевернулся вверхъ головой и во второй разъ сталъ уходить въ глубь нелюдимой воды, къ скаламъ и мхамъ страшнаго морского дна. И вода замкнулась надъ нимъ, и серебряная зыбь вновь попрежнему побѣжала по этому мѣсту.

Весь остатокъ ночи я, смутный, простоялъ на палубѣ. Къ утру огромный туманъ, бѣлый, тупой и тусклый, обложилъ пароходъ. Безъ перерыва болѣзненно звенѣлъ на бакѣ сигнальный колоколъ въ страхѣ и безсильной гнѣвливости, и надъ этимъ набатнымъ звономъ мрачнымъ дрожащимъ ревомъ ревѣлъ гудокъ. Пароходъ сталъ слѣпымъ, безпомощнымъ звѣремъ, на которомъ теперь уже опасно было ѣздить.

Наконецъ, я такъ усталъ и такъ вымокъ отъ тумана, что кое-какъ собрался съ силами и поплелся къ себѣ въ каюту. Въ сонномъ мозгу моемъ все еще стояла луна, свѣтящаяся вода и бѣлый мертвецъ, и отъ нихъ было и тягостно, и скучно.

Я проходилъ мимо двухъ матросовъ и остановился, услыхавъ странный разговоръ между ними. Я услыхалъ про шапку.

— Оно совсѣмъ неправильно,—смѣясь, говорилъ одинъ.—Надо было тащить не его, а шапку. Онъ за шапкой самъ бы выскочилъ.

— И много, говоришь, въ ней зашито было?—спросилъ другой.

— Да много-ли, мало-ли,—отвѣтилъ тотъ.—А цѣлый годъ копилъ. И шутъ его угораздилъ уронить въ теченіе. Ну погодилъ бы, на спокойномъ бы мѣстѣ и ронялъ. Не унесло бы.

— Извѣстное дѣло, деревня—сказалъ опять другой.—Онъ думаетъ, здѣсь, какъ у себя въ пруду—на середкѣ по горло.

Оба засмѣялись и разошлись. А мнѣ вдругъ такъ горестно-понятно стало все изъ этого разговора. Бѣдный Иванъ Малякинъ, пренебрегшій жизнью, толькобы разыскать свою шапку въ морской дали!

И послѣ этого нечальное томленіе совсѣмъ уже присосалось мнѣ къ сердцу.

— Холодно, безпріютно—горестно думалось мнѣ.—И какой это пустякъ, что скоро умереть мнѣ.

НА РАЗСВѢТѢ.

На четвертый день безпросвѣтнаго кутежа къ Василію Петровичу вернулось ясное сознаніе. Четыре дня тому назадъ имъ были заложены послѣднія вещи изъ женинаго приданаго. Еще ночью, проснувшись въ номерѣ какой-то скверной гостиницы совсѣмъ больнымъ и съ трясущейся головой, онъ вспомнилъ все, внутренно ахнулъ и перевернулся на постели. Потомъ подошелъ къ окну и сталъ тупо глядѣть въ него. За окномъ была неосвѣтимая темнота, и въ стеклѣ волнисто отражались лишь лампа да его лицо. Поглядѣвъ на нихъ, Василій Петровичъ также тупо легъ снова и снова уснулъ, и на этотъ разъ все изможденное тѣло его столь сладко погрузилось въ отдыхъ, что проснулся Василій Петровичъ лишь передъ вечеромъ другого дня. Теперь проснулся онъ совершенно бодрымъ и здоровымъ. Небо и земля были ясны и чисты и въ тихой радости горѣли косыми, красно-желтыми лучами вечерняго солнца.

Еще не успѣвъ проснуться совсѣмъ, Василій Петровичъ опять вспомнилъ о тѣхъ недобрыхъ четырехъ ночахъ съ пьянымъ угаромъ, съ женщинами,

съ пресыщеніемъ самымъ стыднымъ весельемъ съ дикими нелѣпостями, какія дѣлалъ онъ самъ, когда потерялъ надъ собою всякую власть. И теперь все, что такъ нестерпимо волновало его до кутежа намекомъ на тайное и запретное наслажденіе, все было теперь совсѣмъ — совсѣмъ инымъ — и непонятнымъ то, и отвратительнымъ-то, и стыднымъ.

Василій Петровичъ брезгливо поморщился, потрогалъ пальцами прейсъ-курантъ и, тоскливо поглядѣвъ въ ясное, золотисто-желтое окно, сказалъ вслухъ съ большою грустью:

— Ахъ, кабы можно было воротить все!

Тутъ на память ему пришла жена, и все внутри сжалось еще горестнѣе.

«Но что же, что же я надѣлалъ»!—воскликнулъ онъ про себя въ растерянности и страхѣ.

И ему даже подумалось, что вотъ какъ было бы хорошо совсѣмъ никогда не возвращаться домой, или, если бы жена, и безъ того всегда больная, вдругъ умерла бы теперь.

Но послѣ этого онъ однажды взглянулъ на себя какъ-то со стороны и удивился.

«А вѣдь собственно что же случилось? — подумалось ему. — Вѣдь вотъ твои руки, вотъ ноги — онѣ все такія же. Вѣдь ты весь прежній. Значитъ все, что ты сдѣлалъ, это совсѣмъ постороннее и тебя нисколько не касается. Да и потомъ рано или поздно, а пройдетъ же все».

Эта мысль вдругъ такъ его успокоила, что онъ сейчасъ же позвонилъ номерного, заплатилъ, сколько надо было, и пошелъ домой. Но около самаго дома опять остановился и жалко улыбнулся.

— Нѣтъ, не могу, — сказалъ онъ, съежившись. — Никакъ не могу.

Онъ повернулъ назадъ, прошелъ по всѣмъ улицамъ и вышелъ за городъ. Справа на полѣ стояла темная деревня, а за деревней, озаряя крыши, садилось солнце, какъ свѣтозарный ликъ кого-то безконечно-прекраснаго, тихаго и жалѣющаго весь міръ. Одинъ огненно-желтый лучъ, пробравшись сквозь соломенную застрѣху, протянулся къ востоку, гдѣ все уже было мрачно, холодно и сыро, и, коснувшись тамъ тоненькой сосны, затеплилъ ее тихо и не ярко, словно свѣчку.

«Такъ вотъ и пойду куда-нибудь», — съ тихой жалостью къ себѣ подумалъ Василій Петровичъ.

Пройдя немного по дорогѣ, онъ увидалъ, что навстрѣчу ему ѣдетъ знакомый мужикъ Николай, маленькій кривой старичекъ. Василій Петровичъ окликнулъ его. Николай прищурился единственнымъ глазомъ и обрадовался.

— Здравствуй, голубь Василій Петровъ!—закричалъ онъ. — А мы ѣдетъ тетеревочковъ пострѣлять, тетеревочковъ. Не угодно ли съ нами?

Василій Петровичъ подумалъ и сѣлъ въ телѣгу, а Николай хлестнулъ лошадь. Та обернулась, пристально поглядѣла на Николая и напустила ногами тучу пыли. Поѣхали напрямикъ кустарникомъ. Разъ изъ кустовъ выпорхнули двѣ куропатки. Николай вскинулъ къ плечу кнутовище и нацѣлившись, закричалъ:

— Бацъ!

Василій Петровичъ засмѣялся.

— Гдѣ же у тебя ружье-то? — спросилъ онъ.

— Гдѣ жъ ружью быть? — отвѣтилъ Николай. — Ружье въ шалашѣ. Съ телѣги нельзя стрѣлять. Эта вотъ кляча пугается.

Онъ съ презрѣніемъ указалъ пальцемъ на лошадь и шепнулъ таинственно:

— А главная причина, нельзя его дома оставлять. Сынъ все изъ дому тащитъ. Послѣ и самъ кается, да ужъ ау! — Отъ бѣса все это.

— Какъ же такое? — спросилъ со смѣхомъ Василій Петровичъ.

— А видишь ли, — отвѣтилъ Николай. — Сдѣлалъ ты, положимъ, такое, отчего и самъ диву даешься, и начинаешь ты казниться и казниться на чемъ свѣтъ стоитъ. Тогда исходитъ бѣсъ отъ тебя и слоняется по мѣстамъ безводнымъ, пустыннымъ и горячимъ. И солнце-то жжетъ его, и вѣтеръ-то сушитъ, и пить-то, ѣсть ему охота до смерти. Мается онъ, мается, да и опять къ тебѣ. А ты ужъ давно и забылъ все. И видитъ бѣсъ, домъ его снова чистъ, выметенъ и прибранъ. Тогда хлопаетъ онъ въ ладоши и съ радостью великою опять поселяется въ тебѣ. И дѣлается человѣку еще горше прежняго.

Николай въ огорченіи повертѣлъ головой.

— А, Боже мой, что дѣлается въ то время человѣку! — прибавилъ онъ.

— Да вѣдь нельзя же все время раскаиваться, — замѣтилъ Василій Петровичъ.

— Немыслимо! — съ увлеченіемъ отвѣтилъ Николай.

— Такъ какъ же тогда?

— А кто жъ-е знаетъ, — промямлилъ Николай, нехотя. — Ужъ такъ какъ-нибудь.

Этотъ разговоръ вновь навелъ Василія Петровича на самое больное его. Въ это время еще ему пришло на умъ воспоминаніе, какъ грустно разставалась жена со всѣми своими кружевными бездѣлушками, которыя давно уже ни на что не годились, но однѣ еще напоминали ей о ея приданомъ, что собиралось когда-то столь радостно и смущенно, о тайныхъ дѣвичьихъ мечтаніяхъ и сладкихъ грезахъ, какой-то будетъ у нея мужъ. И отъ этого воспоминанія стало Василію Петровичу вновь такъ нехорошо, такъ трудно, что онъ подумалъ было даже вернуться сейчасъ же и поскорѣе окончить все. Но они подъѣзжали уже къ шалашу.

Шалашъ стоялъ за кустарникомъ у самой рѣки. Когда къ нему подъѣхали, солнце уже сѣло давно. На землю палъ густой голубой туманъ, и лѣсъ на той сторонѣ рѣки сталъ въ немъ, словно въ водѣ, высунувъ кверху однѣ темные верхи свои. Скоро стало совсѣмъ темно, и надъ кустами въ тонкой прозрачной мглѣ загорѣлось ясное, какъ жаръ, пятно съ двумя мглистыми ушами. Отъ него запламенѣли луннымъ свѣтомъ кусты, вода и туманъ у лѣса.

Гдѣ-то далеко кто-то крикнулъ другому:

— Эй!

И словно темный гигантскій колоколъ прогудѣлъ за нимъ лѣсъ, уже тихо и невнятно, засыпая.

Василій Петровичъ глядѣлъ на лунный свѣтъ, какъ онъ курился надъ травой блѣдно-зеленой стеклянной пылью, и думалъ съ грустью и удивленіемъ:

«Всѣ мы легкія тѣни, проходящія черезъ землю. А вотъ луна все свѣтитъ и свѣтитъ. Свѣтила и

тогда, когда и жизни-то еще не было на землѣ. Для кого же это, зачѣмъ?»

Эта мысль, намекая на страшную оброшенность самого Василія Петровича, была ему пріятна своей тихой и большой печалью.

Николай вытащилъ изъ шалаша свое дрянное ружье, все опутанное веревками. Оно било не прямо въ цѣль, и потому Николай мѣтилъ изъ него какъ-то хитро, далеко въ сторону.

— Тебѣ, Василій Петровъ, можно поспать, — сказалъ онъ Василію Петровичу. — Чуть свѣтъ я разбужу тебя.

Спать теперь Василію Петровичу совсѣмъ не хотѣлось, но было ему такъ худо, что онъ подумалъ:

«Развѣ попробовать».

Онъ легъ въ шалашѣ на сѣно и въ самомъ дѣлѣ, противъ всякаго ожиданія, уснулъ. Засыпая, онъ успѣлъ подумать:

«Вотъ если бы такъ уже и не просыпаться никогда!»

Вслѣдъ же за этимъ онъ пересталъ что-либо помнить, и сонъ его вновь былъ сладокъ и спокоенъ. Онъ даже увидалъ прекрасное сновидѣніе.

Сначала ему приснилось, что онъ сидитъ на кровати въ давешнемъ номерѣ гостиницы. Стоитъ какъ бы глубокая черная ночь и Василій Петровичъ слышитъ, что среди темноты плачетъ кто-то горько-горько.

«Кто это? — думаетъ про себя Василій Петровичъ.— Богъ ли это плачетъ надъ міромъ, или міръ надъ своимъ Богомъ?»

И онъ видитъ, что прейсъ-курантъ гостиницы все виситъ и виситъ на стѣнѣ и понимаетъ, что если

сдернуть его сразу, то не будетъ больше ни плача, ни тоски, ни горя. Онъ встаетъ и хочетъ это сдѣлать, но теперь вмѣсто номера видитъ, какъ изъ-за лѣса выходитъ солнце и озаряетъ всю землю. Но и солнце, и свѣтъ этотъ совсѣмъ не тѣ, какіе они на самомъ дѣлѣ. Они такъ необыкновенны, какъ можно видѣть только во снѣ, и необычность ихъ невыразима словами. Съ тихимъ пѣніемъ льется на землю свѣтъ этотъ, блѣдный, спокойный, и серебристо-розовый. Онъ наполняетъ все небо, всю землю и все существо Василія Петровича, и отъ свѣта этого небо, и земля, и трава, и воды, и все звучитъ еле слышной, чарующей музыкой, словно одна тонкая струна.

«Не бѣлы снѣги выпадали» — безъ словъ поетъ волшебный свѣтъ.

Василій же Петровичъ, тихо покачиваясь, идетъ по какому-то сказочному, безпредѣльному полю и слушаетъ, и самъ поетъ безъ словъ какія-то прекрасныя слова.

Это было восхитительное сновидѣніе, и Василій Петровичъ ни разу въ жизни не испытывалъ въ сердцѣ своемъ такой тихой радости, покоя, тишины и въ то же время такой непоколебимой увѣренности, что только одно это естественно.

Но, вдругъ, Василій Петровичъ увидѣлъ, что все видѣніе мгновенно и печально поблѣднѣло и померкло, музыка сдѣлалась темнымъ и страшнымъ хаосомъ, и Василій Петровичъ почувствовалъ, что это его будятъ. Съ досадой, сожалѣніемъ и большою неохотой онъ раскрылъ глаза.

Открывши глаза, Василій Петровичъ увидалъ, что Николай, сидя спиной къ нему и запустивъ назадъ

руку, дергаетъ его за полу и шепчетъ съ замираніемъ:

— Тетерева.

Самъ онъ старательно цѣлится изъ своего ружья. Въ просвѣтахъ шалаша Василій Петровичъ увидалъ двухъ худыхъ, озябшихъ тетеревовъ на току. Нацѣлившись, Николай дернулъ спускъ, но курокъ продолжалъ стоять. Николай прихлопнулъ его сверху ладонью, выстрѣлъ страшно загремѣлъ, и тетерева испугались и улетѣли. Николай глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— И хорошее ружье, а вотъ кривитъ да и кривитъ.

Въ огорченіи и досадѣ Василій Петровичъ поскорѣе снова было закрылъ глаза, но теперь уже никакъ не спалось. Онъ вышелъ изъ шалаша и сѣлъ на берегу рѣки. Еще было очень рано, но уже быстро свѣтлѣлъ далекій край земли, и все стояло въ легкомъ голубомъ свѣтѣ. За лѣсомъ, еще хмурымъ и прохладнымъ, поднялись утки и скрылись за мглистымъ горизонтомъ. Черезъ поле прокатились хлопья одуванчика большою горстью. На самомъ краю кругозора виднѣлись похожіе на ягоды темные стога и мокрые курганы. За курганами голубѣла колокольня, словно тонкій блѣдный палецъ, устремленный въ небо. На другой, не видной за холмомъ, уже запылалъ крестъ солнечнымъ огнемъ, и оттуда во всѣ стороны брызгало красно-желтыми, еще холодными лучами. Внизу, подъ берегомъ, по сонной бѣлесой рѣкѣ медленно плыли среди тумана баржи, окропленныя студеной сизой изморосью и безмолвныя.

Отъ недавняго сновидѣнія въ душѣ Василія Петровича еще оставался смутный слѣдъ чего-то пре-

краснаго и свѣтлаго. Когда же онъ посмотрѣлъ на это тихое, свѣтло-голубое утро, этотъ слѣдъ какъ-то сталъ яснѣе, и Василій Петровичъ подумалъ:

«Какая ясность, какое спокойствіе! А ты мучаешься, глупое сердце. Ну, что ты?»

И вдругъ снова, и теперь уже наяву, такъ хорошо-хорошо стало ему, такъ тихо, такъ спокойно, и такъ радостно. Душа его словно бы вновь попала на свою родину. Онъ смотрѣлъ на рѣку, выходящую изъ тумана и въ туманѣ же исчезающую, вѣчно мѣняющую воду, на баржи и плоты, смотрѣлъ и думалъ въ восторгѣ прежнею думой:

«Все проходитъ, все, все».

И вновь такъ понятна и близка ему была эта мысль, и такъ утѣшительна. Тихое пѣніе радости и вѣчнаго покоя были въ ней.

Такъ долго сидѣлъ Василій Петровичъ, смотрѣлъ на рѣку и улыбался. Но вдругъ его снова грубо разбудили. Внезапно онъ скорчился весь, словно ужаленный страшною болью. Ему вспомнилось, что вѣдь сегодня уже пятая ночь, а онъ все не дома и не дома.

Онъ вскочилъ и, не обращая вниманія на удивленіе Николая, почти побѣжалъ къ городу, торопя что есть силы свой конецъ.

ПИСЬМО.

Когда Вѣрочка Свѣтланова окончательно убѣдилась, что тотъ, кого она такъ любила, болѣе уже никогда не вернется къ ней, она весь день не выходила изъ своей комнатки. Вечеромъ, какъ обычно, на дачу пришли кое-какіе гости, и подъ окномъ Вѣрочкиной комнатки въ саду слышалась мандолина, пѣніе и смѣхъ. Два голоса, мужской и женскій, что-то пѣли негромко дуэтомъ. За стѣной, рядомъ съ Вѣрочкиной комнатой, готовился на осень къ государственнымъ экзаменамъ братъ Вѣрочки, Шура.

Вправо изъ окна далеко видно было ровное поле. Къ горизонту оно переходило въ пустынную низину. А съ лѣвой стороны стояла не шелохнясь и всюду, куда только глазъ хваталъ, высокая, сильная рожь. Были густыя сумерки. Надъ пустой низиной клубился плотный, глухой туманъ и сквозь него слѣпо просвѣчивалъ багровый, исполинскій мѣсяцъ. Рожь была видна смутно и сѣрѣла, какъ одна сплошная песчаная пустыня.

Вѣрочка смотрѣла въ окно, но видѣла одинъ только красный мѣсяцъ. Въ головѣ у нея было пусто и растерянно, сердце томилось непрерывною тоскою.

— Вечерѣетъ,—думалось Вѣрочкѣ.—День прошелъ. Ахъ, нѣтъ, какъ же день?—удивилась она.

Ей казалось, что прошло что-то очень длинное, можетъ быть, цѣлая недѣля.

— Да, правда, одинъ только день, — припомнила она и еще подумала съ раскаяніемъ.—Нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы поѣхали тогда въ лѣсную сторожку? Зачѣмъ пили тамъ вино и веселились?

Третьяго дня вечеромъ всѣ ѣздили въ лѣсную сторожку, устроили тамъ пикникъ и было очень весело. Пикникъ этотъ не имѣлъ никакого отношенія къ Вѣрочкиному несчастію, но на другой день уѣхалъ онъ, и Вѣрочкѣ Богъ знаетъ отчего показалось, что въ этомъ все дѣло.

— Ахъ, глупость какая, пустяки,—опомнилась она.

Кромѣ непрерывной боли въ душѣ, было что-то и въ мысляхъ, что болѣло такъ же, какъ и сердце, но не было видно. Оно было похоже не то на болѣзненное воспоминаніе, не то на мучительную догадку, которая теперь вдругъ забылась.

— Что же, что же это такое?—вспоминала нѣсколько разъ Вѣрочка и все никакъ не могла вспомнить.

Мандолина вдругъ пискнула очень высокую ноту, за нею поднялся и мужской голосъ, пѣвшій теноромъ. Но теноръ оборвался и закашлялся, а другой, женскій, все еще тянулъ одинъ и затѣмъ звонко разсмѣялся.

— Чортъ знаетъ, что за тремоло! Развѣ это тремоло? Это барабанъ!—откашлявшись, сказалъ съ досадою мужской голосъ.

— Вотъ Петровъ дѣлаетъ тремоло, такъ тремоло! Словно масломъ!

— Петровъ дѣлаетъ хорошее тремоло! — съ ужасомъ воскликнулъ за перегородкой братъ Шура и въ отчаяніи всплеснулъ руками,—Петровъ?! Боже мой, Боже мой, что они говорятъ!

Слышно было, какъ онъ сбѣжалъ по ступенькамъ въ садъ и закричамъ тамъ:

— Поздравляю васъ! Поздравляю! У Петрова чистое тремоло? Прелестно! Одолжили!

Въ окно видно было, какъ онъ кланялся, широко разставляя врозь руки.

— Какой красный этотъ мѣсяцъ,—думала Вѣрочка, слушая и не слыша, что говорилось въ саду.—Но что мѣсяцъ? Мѣсяцъ не то. Да, совсѣмъ, совсѣмъ не то.

И вдругъ ей вспомнилось то, что слѣпо стояло у нея въ мысляхъ. Это было еще болѣе печальное и жалостное. Она вспомнила, какъ утромъ подумала, что это было уже третье ея очень серьезное увлеченіе, и третье окончилось такъ ужасно и непостижимо.

Въ это время она нашла на столѣ кедровый орѣшекъ и раскусила его. Напротивъ въ зеркалѣ она увидала свои черные глаза, больщіе и длинные, ротъ и губы, наивно жующіе, все это теперь уже никому ненужное, и это было до того грустно, до того жалко, что Вѣрочка не выдержала и заплакала.

Потомъ она взяла карандашъ и, не понимая, что пишетъ, написала три раза:

— Третье, третье, третье.

Тутъ она замѣтила, что въ рукахъ у нея карандашъ, и стала писать.

— Видитъ Богъ, — написала она — Я не виновата въ томъ, въ чемъ Вы меня такъ обидно, такъ без-

разсудно упрекнули тогда, еще давно. Да Вы и сами на другой же день забыли обо всемъ, такъ это было и для Васъ не серьезно. Вы сказали тогда, что я умѣю думать только о своей любви и о своемъ счастіи, не хочу знать чужой души и создана только для того, чтобы всюду и всѣмъ мѣшать. Я поняла, что Вы хотѣли сказать словами «чужая душа» и «всѣмъ мѣшать». И это было такъ несправедливо, такъ безжалостно и горько, что я не могла ни слова выговорить. Вы же были тогда чѣмъ-то очень разстроены—я знала чѣмъ, это была гимназистка Юлія— и Вы, совсѣмъ позабывшись, прибавили еще очень ѣдко, что будто бы я чѣмъ-то старалась все время привязать Васъ къ себѣ навсегда, что это мнѣ не удастся, и что временами Вы просто ненавидите меня за это. Это было до того ужасно, что я только вскрикнула и всплеснула руками. «Опомнитесь! Что вы говорите?—сказала я Вамъ, но Вы съ еще большей черствостью еще разъ настойчиво повторили свои слова, и мнѣ стало ясно, что скоро, очень скоро, даже, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ я сама думаю, все кончится. Я видѣла, что съ каждымъ днемъ тянулась къ Вамъ все больше, а Вы уходили отъ меня все дальше, и не въ нашей власти было измѣнить насъ самихъ.

Вѣрочка никому не думала писать письмо и сама не знала, для чего писала все это. Но она отерла глаза и стала писать дальше.

— Видитъ Богъ,—писала она дальше.—Всѣмъ сердцемъ своимъ я только и желала, чтобы Вы не только не тяготились моей любовью и заботливостью, но даже не замѣчали бы ихъ, когда Вамъ не хотѣлось

замѣчать—и какъ всегда я пугливо и втайнѣ тревожилась о Васъ! Развѣ я не знала, что Вамъ нужны и веселіе, и пиршества, и странствованія, и охоты, и приключенія? Развѣ это не было счастьемъ для меня быть одной и ждать Васъ, и тосковать, и больно волноваться, и знать, что Вы сейчасъ уже не помните обо мнѣ, что сердце Ваше все безъ остатка и безпечно занято тѣмъ, что передъ Вашими глазами, но что пройдетъ время и Вы снова вспомните и вернетесь ко мнѣ? И какъ я мучилась тѣмъ, что Вы мучились послѣ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, какъ хотѣлось мнѣ всегда утѣшить Васъ и говорить Вамъ, чтобы Вы не мучились ничѣмъ, не раскаивались бы и не стыдились, и какъ было трудно не смѣть этого сказать, ибо Вы хотѣли это скрывать отъ меня!

Вѣрочка опять утерла глаза и написала еще очень скоро:

— Но Богъ не захотѣлъ дать мнѣ вашего имени и Вы ушли—ушли, какъ и всѣ. Господи мой, Господи!

Дальше Вѣрочка уже не могла писать отъ слезъ. Забывши про написанный листокъ, который остался на окнѣ, она легла на кровать и долго лежала лицомъ въ подушку.

Внизу подъ окномъ захлопали въ ладоши и закричали:

— На кругъ! на кругъ! Вѣрочка, на кругъ!

Вѣрочка, перемогая себя, вытерла глаза, припудрила красныя вѣки и вышла въ садъ. Луна закрылась большимъ облакомъ и вечеръ былъ очень тихъ, теменъ и нѣженъ. Верхи осинъ трепетали чуть

слышно, гдѣ-то били часы и съ полей тянуло рожью, влажной травой, листьями, сосновымъ духомъ и запахомъ бурнаго цвѣтенія. Густымъ трубнымъ звукомъ прокричали въ черной вышинѣ журавли, очевидно, перелетая на ночлегъ въ низину.

Всѣ пошли на кругъ и гуляли въ толпѣ. Вѣрочка разговаривала и даже смѣялась, и никто не могъ замѣтить, что было въ это время у нея на душѣ. А ей у каждаго, на кого она ни смотрѣла, такъ видны, такъ понятны были всѣ тайныя желанія, и такой скорбный смыслъ былъ во всѣхъ нихъ. Вотъ высокая, прелестно-юная дѣвушка идетъ подъ руку съ низенькимъ, пухлымъ офицеромъ. У офицера нафабренные, какъ лыко, усы и жирныя, очень плотно обтянутыя ляжки. Онъ говоритъ какія-то плоскости, а дѣвушка смѣется отъ всего сердца каждому его слову и радуется ему вся, и любуется, и смѣется ему. И Вѣрочка такъ ясно видитъ въ ней, что она любитъ первый разъ и еще очень-очень недавно. Она совсѣмъ не знаетъ, кто это, и глаза ея съ восхищеніемъ и удивленіемъ спрашиваютъ у его глазъ:

— Но кто же ты, такой удивительный и непохожій на другихъ? Кто ты, который такъ мнѣ дорогъ?

И у Вѣрочки такою болѣзненною жалостью къ ней сжимается грудь.

— Не надо, не надо! Ахъ ты, бѣдная, бѣдная!— думаетъ она.

Вотъ другая молоденькая дѣвушка, гимназистка, сидитъ одна въ аллеѣ среди мягкой темноты и томнаго дурмана цвѣтовъ. Она наклонила немного на бокъ русую головку и тихо улыбается, и Вѣрочка видитъ, какъ сердце бьется въ ней и все говоритъ,

говоритъ ей что-то невнятно и стыдясь, но очень настойчиво, а она улыбаясь, вслушивается въ смутныя слова его и жадно, и пугливо.

— Что, что?—спрашиваетъ она у сердца, силясь вникнуть въ сладкія и безпокойныя слова его.

— Не надо, не надо!—думаетъ Вѣрочка, очень жалѣя ее.—Ахъ ты, бѣдная, бѣдная. Ты не знаешь еще!

Послѣ круга всѣ собрались къ кому-то на вечеринку, но Вѣрочка уже не имѣла силы итти съ ними. Она простилась и вышла одна въ поле.

Облако сошло съ луны, и стало опять очень свѣтло и на землѣ, и на небѣ. Вѣрочка шла по тропинкѣ во ржи. Рожь была ей по плечо и передъ самыми глазами ярко серебрилась во всѣ концы, словно рыбья чешуя, и тайно пропадала сразу вдали. По тропинкѣ лежали недвижимо тонкія, сѣтчатыя тѣни отъ чего-то, о чемъ нельзя было догадаться, и съ боковъ выползали лягушата, блестя на мѣсяцѣ стеклянными глазами. Все было странное, свое особенное, ночное, что жило и не знало, что есть человѣческая мука, тоска и одиночество, и ему все равно, живы ли люди на свѣтѣ или давно вымерли всѣ.

По тропинкѣ Вѣрочка спустилась къ рѣкѣ и сѣла у самой воды. Безъ думъ, все съ той же прежней болью въ душѣ она долго сидѣла на сыромъ берегу и смотрѣла безучастно, какъ длиннымъ бѣлымъ столбомъ отражается въ темной водѣ мѣсяцъ, какъ загадочно блестятъ края широкихъ водяныхъ листьевъ, какъ туманъ бродитъ по тому берегу, прикидываясь то привидѣніемъ, то чьей-то длинной рукой, то однимъ носомъ безъ лица, и какъ на той сторонѣ стоитъ нагнувшись и смотритъ въ воду кто-то высокій и

черный, цапля-ли, человѣкъ-ли, дерево-ли — не разберешь.

Разъ Вѣрочка взглянула вверхъ, въ высокое небо и представила себѣ, что тамъ—за звѣздами и мѣсяцемъ. Ей представились безконечныя пространства, полныя одного вѣчнаго мрака, въ которомъ тонутъ всѣ солнца вселенной, одного вѣчнаго холода и тишины, тишины, въ которую никогда не долетаетъ ни одинъ голосъ, ни одинъ житейскій звукъ. И ни одной живой души нѣтъ въ этой ужасной пустынѣ, никто не услышитъ ее, Вѣрочку, искавшую счастья, а нашедшую одну душевную скорбь и умираніе. Такое ничтожество была она со всей своей жаждой радости и своей скорбью.

— Не надо, не надо—подумала она, прижимая къ груди руки.—Ничего не надо.

Вѣтеръ глухо зашумѣлъ вершинами деревьевъ, травой и водой. Съ лѣвой стороны надвигалась большая туча, гдѣ-то вдали совсѣмъ низко надъ полемъ, блеснула свѣтло, весело и страшно молнія и отразилась въ дальнемъ неосвѣщенномъ концѣ рѣки, какъ въ черномъ зеркалѣ. Толстые края тучи, свѣтло озаренные луной, медленно и тяжело, но неутомимо, выстраивали башни, снѣжныя горы, колокольни, холмы, разрушали все это и вновь, и вновь строили ихъ безцѣльно. На той сторонѣ еще разъ загудѣлъ деревьями вѣтеръ, перелетѣлъ черезъ рѣку, буйно заколыхалъ всею рожью, добѣжалъ до Вѣрочкинаго дома, схватилъ здѣсь съ открытаго окна листки, понесъ ихъ по землѣ, трепля и подкидывая, на кругъ и здѣсь бросилъ ихъ на песчаной дорожкѣ.

— Вечеромъ вода бываетъ очень теплая—подумала Вѣрочка и сняла башмаки.

Она попробовала ногой воду, вода была очень теплая, и Вѣрочка, снявъ кофточку и платье, въ одной сорочкѣ вошла въ воду. Она еще не знала, что она дѣлаетъ и зачѣмъ, и очень торопилась, чтобы не дать себѣ времени остановиться и опомниться. Она бросилась въ воду и стройными, голыми руками стала разсѣкать ее и водоросли и поплыла вдоль рѣки. Она плыла такъ до тѣхъ поръ, пока не выбилась изъ силъ. Тогда она сложила руки на груди и сказала горячо, отъ всего сердца:

— Прости мнѣ, Господи!

Вода какъ-то сразу ворвалась ей въ ротъ и легкія; торжествующая тьма, торопясь и ликуя, бросилась въ голову, и началось удушье и мученія. И вдругъ далекій, очень тонкій, яркій и радужный лучъ прорѣзалъ тьму воды и тѣла, въ лучѣ этомъ горячее и ясное поднебесье вдругъ раскинулось надъ землею и громко закричали въ поднебесьи журавли. Послышалась мелодія того самаго романса, который пѣли вечеромъ подъ Вѣрочкинымъ окномъ два голоса, мужской и женскій, но мелодію эту словно бы слышала Вѣрочка не вчера, а когда-то давно-давно, и тутъ же прошелъ еще какой-то господинъ съ трубкой, котораго Вѣрочка видѣла гдѣ-то уже на самомъ дѣлѣ очень давно. И вслѣдъ за этимъ Вѣрочка увидѣла вдругъ, что сама она совсѣмъ не Вѣрочка Свѣтланова и никогда не была ею, и все время очень ошибалась, думая такъ, а что она просто какая-то маленькая дѣвочка съ голубыми глазами и бѣлыми волосиками. Эта дѣвочка нарвала теперь полевыхъ цвѣ-

товъ, и букетъ такъ великъ, что она насилу обнимаетъ его ручонками и тащитъ, пыхтя и отдуваясь.

— Мама!—пищитъ тоненькимъ голоскомъ эта маленькая дѣвочка.—Мама! Меня цвѣты задавили!

— Какъ же? А то?—очень удивилась настоящая Вѣрочка Свѣтланова и увидѣла, что ничего того не было, а вмѣсто того, что было, на самомъ дѣлѣ было что-то совсѣмъ иное, да и то какъ бы только во снѣ, да и отдаленность этого сна даже трудно было представить себѣ.

На зарѣ новаго утра около Вѣрочкинаго дома сталъ продолжаться все тотъ же скучный и ненужный сонъ. На зарѣ теноръ и мандолинистъ возвращались съ вечеринки. Отъ нихъ отъ обоихъ сильно пахло виномъ и табакомъ. Бархатный жилетъ тенора былъ засыпанъ пепломъ, а на длинныхъ волосахъ мандолиниста нацѣпился мусоръ.

Солнце красными искрами уже просвѣчивало сквозь листья деревьевъ, журавли могущественными голосами уже давно кричали въ низинѣ, и гдѣ-то въ деревнѣ слышался громкій разговоръ.

Съ песчаной дорожки на кругу теноръ поднялъ исписанные листки, промокшіе отъ росы, и сталъ ихъ читать.

— Гладко написано—сказалъ онъ, подавая листки мандолинисту.

— Н-да, кудревато,—отвѣтилъ мандолинистъ, читая.—Очень, очень даже—прибавилъ онъ, перечитывая и любуясь.—Откуда это списано? Я гдѣ-то читалъ. Дай Богъ память.

Мандолинистъ поднялъ вверхъ глаза и сталъ вспоминать, но ничего не вспомнилъ.

— А знаешь, кто это писалъ?—сказалъ теноръ.— Это Вѣрочка Свѣтланова.

— Вѣрочка?—сталъ соображать мандолинистъ.— Возможно, возможно. Ея каракули. Ну, Вѣрочка, не Вѣрочка, а вотъ мораль мы ей пропишемъ.

Онъ вынулъ карандашъ и на оборотной страницѣ написалъ: «Не читайте раздирательныхъ романовъ. Вы испортите себѣ ими мозги».

— Не мозги, а мозгъ—сказалъ теноръ, глядя черезъ плечо, какъ писалъ мандолинистъ.—У телятъ мозги.

Теноръ зачеркнулъ «мозги» и поставилъ сверху «мозгъ». Оба прошли къ Вѣрочкѣ въ садъ, и теноръ, уцѣпившись кое-какъ за уголъ, приподнялся, вытянулся и положилъ листки снова на окно. Слѣзая, онъ сорвался и сильно толкнулъ яблоню рядомъ.

Роса, крупная, свѣтлая и студеная, замочила ему руки, шею и лицо. Теноръ сдѣлалъ плаксивое лицо и сказалъ что-то нехорошее.

СОНЪ.

И кто знаетъ, гдѣ кончается явь и гдѣ начинается сонъ.

I.

Тогда я служилъ юнгой на торговомъ суднѣ, ходившемъ съ грузомъ изъ Одессы куда угодно, хоть до самаго Синопа. Несмотря на еще юные годы мои, какъ и многіе люди моего времени, я уже искалъ забвенія въ тяжеломъ трудѣ отъ скуки житейской и пустоты. Потому что ненужность всего, что живетъ, всегда была у меня въ мысляхъ. Теперь, когда я старикъ, когда все на свѣтѣ мнѣ незначительно, видно совсѣмъ по иному и удивительно, я, собственно, не могу хорошенько вспомнить того пути, по которому я шелъ. Останавливаясь умомъ на началѣ того времени, я могу припомнить только одно свое восхищеніе, озаренность и сознаніе чего-то драгоцѣннаго и единственно истиннаго, что я тогда одинъ нашелъ. Но самыхъ словъ я уже не могу вспомнить. Впрочемъ, въ то время, о которомъ я разсказываю, я уже начиналъ разочаровываться въ новой жизни своей и даже тяготиться ею. Правда, иной разъ, увидѣвши

себя, какъ я чищу картофель или выношу помои, я вдругъ еще приходилъ въ восторгъ отъ себя.

— Вотъ теперь это то, что мнѣ надо! Вотъ ужъ это-то то! — говорилъ я себѣ въ восхищеніи, но самъ въ глубинѣ сердца уже начиналъ съ растерянностью чувствовать во всемъ этомъ что-то неясное и очень неспокойное.

Собственно, на нашемъ пароходѣ постоянное мѣсто мое было на кубрикѣ, гдѣ я помогалъ повару. Но непрерывный жаръ отъ плиты и отъ машинной трубы, проходившей рядомъ, часто доводилъ меня до изнеможенія, и въ каждую свободную минуту я старался отдохнуть гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Когда у меня было свободное время, я забирался въ одно потаенное мѣстечко и тамъ читалъ украдкой при лампочкѣ. Это былъ темный, узенькій промежутокъ между стѣной каютъ и бортомъ на кормѣ. Здѣсь по угламъ развѣшена была паутина какого-то южнаго паука, который поселился у насъ во время одного дальняго плаванія. Богъ знаетъ, какія мысли заставили его покинуть родину: мухъ у насъ не было, и совсѣмъ неизвѣстно было, чѣмъ жилъ этотъ мудрецъ. Здѣсь въ пазахъ было припрятано матросами и забыто навсегда многое, казавшееся необходимымъ для жизни: два большихъ гвоздя, гайка, пара сапожныхъ ушковъ, морской камешекъ удивительной формы.

Я уходилъ въ этотъ темный закоулокъ и подолгу сидѣлъ въ немъ. Я слушалъ, какъ журчитъ по борту монотонно вода и глухо щелкаетъ по килю, словно о пустой желудокъ. Я тихо забывался, и мнѣ начинало представляться, что вѣка вѣковъ сижу я такъ и еще раньше когда-то также вотъ все плылъ и

плылъ, и отъ этого-то вѣчнаго плаванія приходитъ новое уныніе мое, пустота и усталость въ сердцѣ.

Иногда случалось мнѣ даже засыпать здѣсь. И странное дѣло, едва я здѣсь задремывалъ, какъ мнѣ начиналъ грезиться упорно каждый разъ все одинъ и тотъ же странный сонъ. Сонъ этотъ начинался тѣмъ, что я видѣлъ сперва какой-то громадный портовый городъ, куда стекаются матросы, торговцы и искатели приключеній всѣхъ націй. Всѣ улицы будто-бы запружены сплошной толпой народа, колыхающейся подъ лучами горячаго южнаго солнца въ своихъ причудливыхъ національныхъ костюмахъ, и говорящей на всѣхъ языкахъ земного шара. Именно по этой послѣдней причинѣ и нельзя мнѣ ничего понять изъ ихъ разговоровъ, какъ это представляется во снѣ. Я же самъ будто-бы совсѣмъ еще мальчикъ, и меня послали разыскать среди этой толпы какого-то очень нужнаго человѣка, котораго я словно бы долженъ хорошо знать. Я забѣгаю въ мрачную кофейню, но тамъ, кромѣ грязнаго грека съ длиннымъ носомъ, никого нѣтъ. Я забѣгаю въ другую, но здѣсь сидитъ на стулѣ одна собаченка и съ кѣмъ-то разговариваетъ невидимымъ. Наконецъ, я начинаю толкаться среди толпы, и въ толпѣ этой я словно паучекъ среди лѣсной столѣтней чащи. Мнѣ ничего не видно, кромѣ спинъ, животовъ и колѣнокъ. Но, я прекрасно знаю, что если бы мнѣ попался тотъ, кого я ищу, я бы все же узналъ его мгновенно. И вотъ какимъ-то необъяснимымъ образомъ, какъ это бываетъ только во снѣ, я вижу сквозь всю толпу, что человѣкъ этотъ идетъ далеко отъ меня, въ самомъ концѣ улицы, взмахивая темными полами своего длин-

наго персидскаго халата. Я ясно вижу, что онъ очень высокъ и худощавъ, и на головѣ его бѣлый тюрбанъ. Онъ идетъ задомъ ко мнѣ, но во второй разъ все тѣмъ же необъяснимымъ способомъ, какъ можетъ быть только во снѣ, я вижу, что у него густыя сросшіяся между собою брови, орлиный носъ, выгнутый большой горбиной, и глубокій шрамъ на щекѣ.

— Пустите, пустите меня! — кричу я съ отчаяніемъ, расталкивая толпу всѣми своими слабыми силенками, а персидскій человѣкъ между тѣмъ уходитъ отъ меня все дальше и дальше.

Наконецъ я прорываюсь сквозь толпу. Но тутъ вдругъ какъ-то все мѣшается и путается, и я попадаю въ темный, длинный и очень узкій коридоръ, въ концѣ котораго виденъ выходъ, какъ маленькое яркое пятно.

— Ущелье смерти — скорбно говоритъ объ этомъ коридорѣ за моей спиной чей-то чужой голосъ.

Я бѣгу по этому ущелью смерти и вижу, какъ идетъ по нему и мой персидскій человѣкъ. Онъ четко вырѣзывается весь на блистающемъ пятнѣ со своими взмахивающими фалдами, но въ такомъ огромномъ разстояніи, что кажется крошечнымъ. Я бѣгу по коридору, выходъ растетъ и дѣлается все ярче, и вдругъ я выскакиваю на морской берегъ, залитый прекраснымъ солнечнымъ свѣтомъ, съ крупнымъ золотымъ пескомъ, голубенькими камушками и неоглядной гладью тихой розовѣющей воды. Я радостно оглядываюсь кругомъ и прежде всего хочу видѣть своего перса, но теперь онъ пропалъ безслѣдно. И вотъ въ третій разъ необъяснимымъ образомъ я

знаю теперь, что мнѣ нужно искать между камнями и я непремѣнно найду что-либо. И я хожу по пустынному берегу и разсматриваю слѣпительный песокъ, но по песку бѣгаютъ только одни крошечные крабики, да шустрыя веретенницы. Я поворачиваюсь вправо, къ водѣ, и вдругъ взглядъ мой ослѣпляетъ буйный солнечный лучъ, отраженный отъ чего-то, что лежитъ у самой воды. Я изо всѣхъ силъ бѣгу туда и застываю, пораженный и потрясенный. Въ мелкой водичкѣ лежитъ на пескѣ голая мужская рука, согнутая противоестественно и отвратительно въ предсмертной нечеловѣческой мукѣ, и на пальцѣ, выступающемъ изъ воды, массивный драгоцѣнный перстень излучаетъ бурные снопы свѣта. И, главное, я хорошо знаю, что это рука моего перса.

Все это мнѣ дѣлается столь ужаснымъ, что на этомъ мѣстѣ я каждый разъ вздрагивалъ и просыпался весь въ холодномъ поту.

II.

Какъ и на всякомъ морскомъ пароходѣ, на нашемъ были и матросы, и пассажиры. Нашъ матросъ ничѣмъ не отличался отъ настоящаго просоленаго матроса. Онъ былъ морякъ дальняго плаванія, былъ простъ, терпѣливъ, сердеченъ по душѣ и сумраченъ съ виду. У него не было ни житейскихъ добродѣтелей, ни скопидомства. Все это лишнее тому, кто каждую минуту можетъ распрощаться съ жизнью, сорвавшись въ бурю съ той мачты, гдѣ люди кажутся пауками. Онъ никогда не допуститъ разгорѣ-

ться между своими ожесточенію, но и тутъ не оттого, что это дурно, а скорѣе потому, что корабль не земля и уйти другъ отъ друга некуда.

Пассажиры въ третьемъ классѣ были то, что обычно бываетъ въ третьемъ классѣ. Тутъ ѣхалъ простой народъ, отъ котораго вѣчно тянетъ за версту дубленымъ полушубкомъ, хотя бы всѣ были въ рубахахъ, ѣхали къ святымъ мѣстамъ старомодные купцы въ синихъ поддевкахъ, которые икнутъ и перекрестятся, но помолиться стараются около чужой лампадки, тутъ ѣхала и вся та бродячая, темная Русь, у которой гдѣ-то имѣется на какомъ-то краю свѣта избушка, но которая вѣчно плетется по всѣмъ трактамъ и проселкамъ, плетется на однѣхъ собственныхъ ногахъ, не видя ни желѣзныхъ дорогъ, ни всякихъ культурныхъ ухищреній, не замѣчая, какъ ихъ собственныя бороды выгорѣли отъ непогодъ и зноя.

Среди простого народа мнѣ почему-то лучше всего запомнились мужикъ съ бабой и ихъ дочь съ молодымъ мужемъ. Всѣмъ мужикъ разсказывалъ о своемъ горѣ. Онъ разсказывалъ:

— Выдаю я это Катеринушку замужъ. Хорошо-съ. Мѣряю въ лавкѣ одни сапоги, гляжу малы. — Да они еще разносятся, — говоритъ купецъ. — Зачѣмъ, говорю, разъ не подходятъ. Дай слѣдующіе. — Хорошо-съ. Мѣряю другіе — велики. — Да они еще сядутъ, — совѣтуетъ купецъ. Но скидаю и ихъ. Скидаю я это ихъ, только, глядь, входитъ старшій сынъ. — Ты, говоритъ, папаша, въ случаѣ чего не сомнѣвайся, живи смѣло. Я тебя на свой счетъ и похороню. — Такъ это обрадовалъ. Хорошо-съ. Ѣдемъ мы вмѣстѣ къ жениху поглядѣть. Гляжу — на дворѣ у него

дровъ, дровъ. Конца нѣтъ. Хорошо-съ. Обрадовался это я, отдалъ Катеринушку, а на другой день всѣ дрова-то и уѣхали, чужія были.

Мужъ Катерины, въ красной рубахѣ и плисовой жилеткѣ безъ пиджака, пьяный слонялся по всей палубѣ, подходилъ то къ мужику, то къ бабѣ и выкликивалъ:

— Папенька, ура, ура, ура! Маменька, ура, ура, ура!

И баба съ мужикомъ улыбались ему своими невеселыми улыбками, а дочь, молоденькая, тихая бабенка въ новомъ платьѣ, съ обожаніемъ смотрѣла на него, и отъ нея далеко пахло ситцемъ.

Пассажировъ нашихъ перваго и второго класса я зналъ мало, встрѣчая ихъ только на палубѣ. Здѣсь мнѣ запомнилась больше всѣхъ одна молоденькая дѣвушка съ большими всегда печальными глазами, съ нѣжными руками и шейкой и съ тихимъ голоскомъ, безпомощнымъ и трогательнымъ. Она одѣта была въ плохонькое платьице, старательно подновленное чѣмъ-то очень недорогимъ, и платьице это намекало на самую грустную, заматерѣлую бѣдность, неудачливость и житейское бездолье. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ ея безучастными глазами, у меня такъ и дрогнуло сердце отъ жалости къ ней и состраданья. Она ѣхала съ подругой, дѣвушкой искренней и радостной. Однажды, проходя мимо нихъ, я увидѣлъ, какъ печальная дѣвушка приложила руку къ щекѣ и опять отдернула ее, точно въ сильномъ горѣ, и сказала съ тоской:

— Какъ устала я, Маша, ахъ, какъ устала!

Она закрыла глаза и проговорила дальше:

— Какъ хочется мнѣ тишины, покоя, ну хоть совсѣмъ простенькаго, незатѣйливаго покоя, самаго дешевенькаго. Ну, хоть, чтобы лампа съ какимъ-нибудь бумажнымъ колпачкомъ, чтобы самоваръ вечеромъ, чистыя чашечки, и что бы тихо-тихо кругомъ. А за перегородкой, чтобы я слышала, сидитъ и работаетъ мужчина. Ахъ, какъ бы хорошо! Господи, какъ хорошо бы!

Она засмѣялась тихимъ и счастливымъ смѣхомъ. Я послѣ долго бредилъ этимъ смѣхомъ.

Кромѣ этихъ двухъ дѣвушекъ мнѣ запомнился еще капитанъ, дирижеръ ѣхавшаго съ нами военнаго оркестра, всегда въ себѣ сосредоточенный. Я узналъ, что онъ обладалъ недюжинной музыкальной одаренностью, но, какъ истинный талантъ, былъ стыдливъ, застѣнчивъ и болѣзненно недовѣрчивъ къ своему исключительному дару, и отъ одного этого, быть можетъ, онъ обреченъ былъ судьбою на вѣчное томленіе и безвѣстность.

Еще запомнился мнѣ старикъ генералъ, простоватый, но съ неустрашимою осанкой, умѣвшій очень сердечно разговаривать о преферансѣ.

Но самымъ страннымъ для меня, невольно привлекавшимъ къ себѣ мое вниманіе, былъ одинъ изъ нашихъ кормовыхъ пассажировъ. Сначала меня очень удивляла его каюта. Пріѣхавши на пароходъ, онъ расположился въ ней, совершенно какъ дома, словно бы ему предстояло прожить тутъ цѣлые годы.

Однажды, проходя мимо каюты этой вечеромъ, я увидѣлъ на стѣнѣ тѣнь отъ женской головы. Тѣнь эта падала на стѣну профилемъ, и профиль былъ очарователенъ. Была въ немъ та неизъяснимая, оболь-

стительная прелесть, какая создается лишь рукой художника-генія или слѣпымъ случаемъ.

Спустя нѣкоторое время, мнѣ пришлось увидѣть и эту самую женщину: она вышла на палубу. Она была поистинѣ обаятельна. Хотя лицо ея всегда было покрыто густою темною вуалью, но подъ ней такъ и угадывалась жгучая восточная красота—съ черными бездонными глазами, смуглой кожей, тонкимъ носомъ и молніеносными бровями. И всѣ движенія ея были исполнены чарующей восточной медленности и граціи. Она рѣдко показывалась на палубѣ, и между прочимъ я замѣтилъ одно странное обстоятельство—она выходила на палубу лишь тогда, когда тамъ была молоденькая бѣдная дѣвушка. Я видѣлъ, что она всегда становилась около этой дѣвушки и о чемъ-то съ ней заговаривала. Видѣть ихъ мнѣ удавалось обычно лишь когда насъ высылали въ урочный часъ драить мѣдь по всему пароходу. Поэтому за шумомъ работы мнѣ никогда не удавалось разобрать, о чемъ онѣ говорили. Я слышалъ только голосъ восточной красавицы—и голосъ этотъ былъ такъ мелодиченъ, такъ прелестенъ.

Сначала я думалъ, что въ этой странной кормовой каютѣ никого нѣтъ, кромѣ восточной женщины. Но я ошибался.

III.

Море было спокойно и не предвѣщало ничего чернаго. Сіяло солнце, сіяло небо, сіяла вода, гдѣ голубой, гдѣ серебряной дрожью, и сама чернильная тѣнь отъ пароходнаго дыма по водѣ отливала матовымъ

свѣтомъ. И по правую руку, и по лѣвую, и спереди, и сзади, куда только глазъ хваталъ, всюду стояли тихія, неизмѣримыя дали. Два дня безъ перерыва уходили мы въ глубину ихъ пустыннаго простора и не встрѣчали ничего, кромѣ непутеваго вѣтра. Гдѣ темно, гдѣ ясно было въ дымчатыхъ даляхъ этихъ, гдѣ дождь шелъ, гдѣ солнце свѣтило, и все застыло и задумалось тамъ на одномъ мѣстѣ среди солнечнаго жара и безмолвія—и пароходный дымокъ, изрѣдка видный Богъ знаетъ гдѣ, и два свѣтлые, призрачные паруса, и дальнее облачко надъ краемъ моря. И тихо кругомъ—только безпутный вѣтеръ посвистываетъ безпечно въ снастяхъ...

Пароходъ нашъ на этотъ разъ везъ грузъ миндалю. За время плаванія всѣ мы сильно пропахли имъ, и это тоже говорило о большой безмятежности.

Какъ вдругъ по судну пронесся зловѣщій слухъ, что на немъ появились всюду огромныя змѣи. Одну изъ нихъ матросу удалось убить, но другая укусила въ руку мужа ситцевой бабенки, и онъ находится при смерти. Сколько же было ихъ всѣхъ, оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Онѣ выползали изъ трюма, внезапно появлялись изъ-за свернутыхъ канатовъ, изъ темныхъ закоулковъ и даже выскакивали изъ пассажирскихъ корзинокъ, когда ихъ открывали. На пароходѣ поднялась сильная сумятица, всѣ запрятались по своимъ каютамъ, и кромѣ матросовъ да насъ, юнгъ, разносившихъ кушанья, никто не рѣшался отпереть своей двери. Капитанъ самъ навелъ строжайшее дознаніе, какъ среди экипажа, такъ и среди пассажировъ, кто могъ везти съ собой этихъ змѣй. Было ясно, что сами собой онѣ не могли попасть

сюда за добрую сотню миль отъ суши, да еще на судно, ходившее по 16 узловъ въ часъ. Но, несмотря на всю настойчивость, находчивость и проницательность капитана, случай этотъ такъ и остался загадочнымъ.

Въ это именно время я, помню, бѣжалъ съ кубрика на рубку къ капитану съ сельтерской водой, пристально всматриваясь во всѣ углы, чтобы во-время избѣжать опасности. Когда я былъ уже недалеко отъ той странной кормовой каюты, дверь ея внезапно раскрылась и изъ нея выщелъ и быстро пошелъ впереди меня очень высокій и худощавый восточный мужчина съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Онъ шелъ широко и прямо, и темныя фалды его длиннаго халата развѣвались въ стороны. Мнѣ не было видно его лица, но когда я взглянулъ на его спину и халатъ, вдругъ что-то острою тревогою кольнуло мое сердце. Я невольно остановился, еще разъ глянулъ на его развѣвающіяся полы и весь вздрогнулъ отъ жути. Это было точь въ точь, какъ въ моемъ снѣ— и даже былъ коридоръ, который образовывали между собою стѣны каютъ. Это было такъ необъяснимо, что, вернувшись къ себѣ, я легъ на койку и началъ напряженно размышлять.

Но не успѣлъ я хорошенько углубиться въ свои думы, какъ вошелъ нашъ матросъ Рябчикъ, видавшій въ заграничныхъ плаваніяхъ всякіе виды. Онъ закурилъ трубку и пристально посмотрѣлъ на меня изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Н-да—протянулъ онъ.

— Что да?—спросилъ я.

— А то, что ты парень неглупый.

— Какъ это?—удивился я.

— О персѣ думаешь?—вмѣсто отвѣта задалъ и онъ вопросъ.

— О персѣ,—отвѣтилъ я и еще больше удивился.

— Будетъ поножевщина. А то и пароходъ на дно— бросилъ онъ отрывисто и засмѣялся.—А то и все вмѣстѣ. Змѣи-то выпущены.

— Постой, постой—забормоталъ я, вскакивая съ койки.—Что ты мелешь? Какая поножевщина, какъ на дно? Да и развѣ это его змѣи? Да и зачѣмъ бы онъ ихъ выпустилъ?

— А затѣмъ, чтобы всѣ сидѣли по каютамъ. Одному-то свободнѣе дѣло дѣлать.

Тутъ онъ прищурилъ на меня глаза и покачалъ головой.

— Ты не глупый парень—сказалъ онъ.—Полежи еще и ты додумаешься.

Онъ уже докурилъ трубку и сейчасъ же ушелъ. Оставшись одинъ, я совсѣмъ остолбенѣлъ. Я ровно ничего не могъ взять въ толкъ. И персъ, и змѣи, и загадочныя слова Рябчика, все смѣшалось у меня въ какой-то одинъ несуразный комокъ, все было дико и несообразно. Одно единственное, что пришло мнѣ въ голову, это то, что Рябчикъ зналъ, быть можетъ, раньше этого восточнаго человѣка. Но и это соображеніе ровно ничего мнѣ не уясняло.

Пока я стоялъ и съ тоскливымъ безпокойствомъ перебиралъ въ умѣ кучу всякихъ несообразностей, я услыхалъ въ коридорѣ смятенные женскіе шаги, и дивный голосъ восточной красавицы два раза выкликнулъ съ отчаяніемъ:

— Юнга! юнга!

Я вылетѣлъ за дверь. Она бросилась мнѣ навстрѣчу и, схвативши за руки, сказала въ глубокомъ волненіи:

— Ради Бога, помогите мнѣ! У него можетъ затечь кровью голова! А мнѣ не поднять его.

Меня поразило, что она говоритъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ и даже съ московскимъ выговоромъ на «а». Но разсуждать тутъ было некогда. Я бросился вслѣдъ за нею въ каюту.

Персъ ногами лежалъ на высокомъ диванѣ, а голова его свѣсилась до самаго пола... Лицо, затекая кровью, сдѣлалось совсѣмъ багровымъ, и онъ уже легонько начиналъ хрипѣть.

— Онъ выкурилъ лишнюю трубку опія,—говорила женщина, пока я нагибался и поднималъ перса.

Персъ былъ какъ-то особенно, непріятно тяжелъ, и какой-то странный, отталкивающій холодъ исходилъ отъ его тѣла. Когда я поднялъ его на диванъ, я нечаянно взглянулъ ему прямо въ лицо и невольно откачнулся отъ него. Я увидѣлъ на немъ густыя, тѣсно сросшіяся брови, сухой носъ съ горбиной, широкій шрамъ на впалой щекѣ, длинную, жилистую шею съ острымъ кадыкомъ и рѣшительное выраженіе лица. Это былъ онъ самый, удивительный человѣкъ изъ моего непонятнаго сна. Но что больше всего потрясло меня тогда,—это рука. Согнутая рука перса обнажилась до локтя, открывая густые волосы, и на одномъ пальцѣ сіялъ точь въ точь такой же драгоцѣнный перстень, какой я видѣлъ во снѣ.

Мнѣ показалось въ эту минуту, что я стою надъ какой-то бездной, и какъ я вышелъ изъ каюты, я плохо помню. Вспоминаю только, что когда мнѣ въ

коридорѣ встрѣтился Рябчикъ, бѣжавшій что есть духу занимать свою вахту, я сказалъ ему, что персъ въ обморокѣ.

— Притворяется, хивинская собака!—бросилъ онъ, не дослушавъ меня.—Чтобы не слѣдили за нимъ!

IV.

Весь третій день былъ нестерпимо ослѣпителенъ и горячъ. Такой зной рѣдко бываетъ на морѣ. Сплошнымъ огнемъ была охвачена вся безбрежная вода, горѣла каждая мѣдная кнопка, все рѣзало глазъ. По краямъ неба синева до того сдѣлалась густа, что съ перваго взгляда ее можно было принять за грозовую тучу. Сухая и душная мгла стала покрывать все водяное раздолье, и солнце за нею сдѣлалось тусклымъ и мѣднымъ. Къ вечеру половину неба охватила глухая и мрачная туча. Солнце заходя, все еще свѣтило внизу сквозь зловѣщій край ея, и свѣтъ его сталъ совсѣмъ багрянымъ, пугающимъ и какъ бы словно призывающимъ къ чему-то могущественнымъ призывомъ, подобно трубѣ ангела въ послѣдній день земли и времени. Какой-то загадочный блѣдный столбъ стоялъ внизу тучи на тревожной ея чернотѣ. Когда совсѣмъ стало темно, гроза еще не начиналась, и было очень тихо. Но вся неоглядная морская равнина зашумѣла невнятно и сумрачно, и вся пошла высокою волной.

Не знаю точно, когда это случилось, но вдругъ днище нашего парохода завизжало обо что-то несокрушимое. Легкій, но зловѣщій трескъ прошелъ по

килю, и кто-то вскрикнулъ негромко, но страшно. Въ это же время широкая молнія бѣгло охватила темное небо, освѣтила все море, наполовину черное, какъ уголь, наполовину свѣтлое, какъ день, и сильный вѣтеръ засвистѣлъ въ снастяхъ и лихо, и плачевно.

И вдругъ сразу началась сумасщедшая паника. Со всѣхъ сторонъ дико закричали голоса. Какой-то господинъ пробѣжалъ мимо меня съ широко открытымъ ртомъ—онъ тоже кричалъ что-то. Пассажиры всѣхъ классовъ перепутались между собой, и всѣ давно и думать забыли о страшной опасности отъ змѣй.

Лицо капитана было совершенно равнодушно и спокойно, такъ что казалось, будто совсѣмъ ничего не происходитъ. Но случай былъ, видно, весьма серьезенъ, потому что сейчасъ-же заскрипѣли спускаемыя шлюпки. Старичекъ-генералъ бѣгалъ среди простого народа все съ тою же неустрашимою осанкой, но, видимо, плохо сознавалъ себя. Передъ этимъ онъ, вѣрно, только что ложился спать. Онъ ходилъ въ одномъ жилетѣ и съ мундиромъ въ рукѣ, но, должно быть, онъ и этого не замѣчалъ. Онъ бѣгалъ и кричалъ:

— Женщинамъ дорогу, господа! Женщинамъ, прошу васъ!

За нимъ поспѣшалъ денщикъ и все докладывалъ:

— Мадьяръ-съ Іонычъ изволятъ о васъ безпокоиться, ваше пр-во, Мадъяръ-съ Іонычъ.

— Мадьярсъ?—повторялъ за нимъ генералъ.—Хорошо, мой другъ, хорошо. Мадьярсы впередъ!

Ситцевая бабенка съ жалостью протискивала къ шлюпкѣ пуховую перину, и генералъ схватился за уголъ перины и сталъ ей помогать. И тутъ вдругъ

послышалась тихая мелодія, горестная и страстная. Игралъ ее нашъ военный оркестръ, и я не умѣю сказать, какъ потрясающе подѣйствовала эта тихая музыка. Какой вдохновенный свѣтъ и безуміе осѣнили нашего дирижера? Что такое увидѣлъ онъ въ этомъ черномъ мигѣ всеобщаго смятенія, забывши и себя, и своихъ людей, и жизнь, и самую смерть? Я сразу же увидѣлъ, какъ увеличилась всеобщая паника, и внутри у меня тоже сдѣлалось какое-то большое напряженіе и усиліе. Праздничное и ужасное охватываетъ человѣка отъ близости того, что навѣки путаетъ у него всѣ житейскіе разсчеты.

Люди, словно обезумѣвшее стадо, бросались къ шлюпкамъ, бѣснуясь, давя другъ друга, дѣтей и женщинъ, наполняя еще спускающіяся шлюпки, переворачивая ихъ, опрокидывая, губя самихъ себя. И вотъ заблистали среди тьмы огни, и загремѣли выстрѣлы. Огонь открылъ капитанъ, стрѣляя по мужскому стаду, чтобы остановить его, а откуда-то взялись и у другихъ револьверы, и тѣ стрѣляли во что ни попало. Это была поистинѣ ужасная картина, отъ которой сѣдѣютъ люди: дикіе крики, выстрѣлы, музыка, смѣхъ внезапно сошедшихъ съ ума и пламенная молнія по черному небу.

Я бросился на носъ, гдѣ не было народу. Я хотѣлъ подняться на бизань и взглянуть на кренъ парохода. Но по пути я услышалъ жалостные женскіе стоны и увидѣлъ неподалеку трехъ тѣсно сплетшихся людей. И нѣчто странное представилось мнѣ тамъ. Тотъ самый персъ, который вчера и весь сегодняшній день лишь на минуты приходилъ въ себя изъ обморочнаго состоянія, теперь съ проворствомъ обе-

зьяны связывалъ какого-то человѣка, а красавица персіанка цѣпко держала его хрупкую жертву за плечи, и прекрасное лицо ея было искажено самымъ отвратильнымъ гнѣвомъ и яростью. Въ ихъ безпомощной жертвѣ я сейчасъ же узналъ ту бѣдную, нѣжную дѣвушку, которая такъ страстно мечтала о самомъ простенькомъ покоѣ и тишинѣ. Не помня самого себя, я ринулся къ нимъ, но, видно, не одинъ я наблюдалъ за ними въ эту минуту. Сзади себя я услыхалъ тяжелый топотъ, и голосъ Рябчика заоралъ почти надъ самымъ моимъ ухомъ.

— А, бухарская гіена! Ты хочешь и эту продать въ гаремъ? Держись!

Персъ оскалилъ бѣлые, сверкающіе зубы и весь согнулся.

Но маневръ Рябчика былъ совершенно неожиданъ. Онъ держалъ ножъ въ рукѣ, но размахнулся не имъ, а ногой въ тяжеломъ матросскомъ сапогѣ. Ударъ пришелся персу въ животъ и поистинѣ былъ ужасенъ. Персъ помертвѣлъ, а матросъ и самъ не выдержалъ своей стремительности, и оба покатились на полъ. Я успѣлъ только замѣтить, какъ ножъ Рябчика глубоко ушелъ въ плечо его врага.

Въ ту минуту, когда Рябчикъ напалъ на перса, у меня у самого все помутилось въ глазахъ отъ ненависти и озвѣрѣнія. Не разсуждая, я изо всѣхъ силъ ударилъ стиснутымъ кулакомъ по прелестному лицу восточной красавицы. Оно вмигъ все окровавилось и по противному хрустящему звуку удара я понялъ, что выбиты зубы. Отъ омерзѣнія я совсѣмъ озвѣрѣлъ. Она дико вскрикнула и бросилась бѣжать, и я бросился за ней. Я совсѣмъ не понималъ, что я

буду дѣлать, когда ее настигну, но я зналъ, что мнѣ нужно догнать ее. Она добѣжала до боковой бизани и, словно дикая серна, взвилась вверхъ. Я тяжело перебиралъ за ней ногами по веревочной лѣстницѣ; все равно ей некуда было уйти. Но она внезапно протянула руки впередъ и внизъ головой бросилась въ черныя волны.

Со мною же случилось непоправимое несчастіе. Я тогда совсѣмъ еще не умѣлъ цѣпко приноровиться къ лазанью по шаткой веревочной лѣстницѣ. Толчокъ, данный ей женщиной, страшно раскачалъ ее вмѣстѣ со мной въ моей вышинѣ. Ноги мои вдругъ сорвались, и я повисъ на одной рукѣ. Я содрогнулся отъ ужаса. Я не повѣрилъ себѣ. Въ этотъ мигъ мнѣ показалось все это совершенно невозможнымъ, а, главное, не на яву. Какъ ни ужасно мнѣ было, но я почему-то неотразимо зналъ въ душѣ, что я никакъ не могу упасть. А между тѣмъ рука моя сама собою разогнулась и я стремительно полетѣлъ—только вѣтеръ жалобно запѣлъ въ ушахъ, да захватило духъ

Не могу сейчасъ припомнить, въ тотъ-ли мигъ, когда я падалъ, позже-ли, когда я упалъ въ воду, но вдругъ какъ-то прояснилось все передо мною средь мглы и мрака. Когда среди темной-темной ночи небо озарится вдругъ все наотмашь нестерпимой молніей, то видишь внезапно и узоры скатерти на столѣ, и стаканъ съ ложечкой, и чернильное пятно на полу, и муху, дремлющую на стѣнѣ, и сверкнувшую иголку на бѣломъ подоконникѣ, все до пустяка. Такъ и я увидалъ вдругъ и все темное колыханіе моря, отъ конца до конца, и пѣнный гребень, съ шипѣньемъ катившійся къ черному горизонту, и какую-то непо-

нятную птицу вдали надъ волнами, и гдѣ-то совсѣмъ на краю земли, черную паутину корабельныхъ снастей на блѣдной полосѣ неба. И все, что я увидѣлъ, вдругъ такъ ново было мнѣ, такъ безумно, словно никогда ничего подобнаго не только видѣть, а и вообразить себѣ нельзя было.

Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ я потерялъ сознаніе. Я получилъ сильный ударъ въ голову. Чья-то сострадальная рука бросила мнѣ съ палубы спасательный кругъ и угодила прямо въ темя. Поистинѣ, коварна была эта жалостливая рука и, Богъ вѣсть, какому тайному участнику злодѣйскаго замысла принадлежала она. Я и до сихъ поръ увѣренъ въ этомъ.

V.

Сколько времени провелъ я безъ памяти и что сдѣлалось со мной за это время, я не зналъ. Когда же я очнулся, я увидѣлъ, что лежу на голой каменной площадкѣ. По бокамъ меня поднимаются далеко ввысь дикія, сѣрыя скалы, а внизу лежитъ море. Солнце стоитъ прямо передъ глазами и жжетъ, и обливаетъ все жестокимъ зноемъ, а море тихо и чисто, и свѣтло, какъ небо. Какимъ неправдоподобнымъ случаемъ попалъ я на это мѣсто, я никогда не могъ понять. Только вечеромъ, осматривая себя, я увидалъ двѣ разсѣченныя раны на тѣлѣ и предположилъ, что былъ выброшенъ сюда прибоемъ безъ сознанія. Но далеко-ли я отъ мѣста несчастія, я не зналъ.

Большая слабость была во мнѣ во всемъ, и жажда меня томила. А солнце раскалило камни и все жгло

и жгло и меня, и бурые верхи скалъ. Бѣлый, пыльный свѣтъ его сплошнымъ пламенемъ стоялъ надо всѣмъ моремъ, и вода слѣпила глаза не меньше солнца. Съ моего высокаго мѣста мнѣ открывались всѣ дали, и ни одной точки не было на нихъ.

Я мучился отъ жажды и отъ солнца и, очнувшись, сейчасъ же хотѣлъ броситься въ воду, но во время спохватился—мнѣ бы уже нельзя было влѣзть назадъ. Потомъ въ теченіе дня, когда мнѣ совсѣмъ становилось невмоготу, я много разъ хотѣлъ это сдѣлать, уже не взирая на смерть. Но каждый разъ я насильно себя удерживалъ, и мыслью не о смерти, а о томъ, что, освѣжившись въ водѣ, я буду поздно сожалѣть и укорять себя—а я зналъ, что такое раскаяніе.

Я плохо помню, какъ прошелъ день. Въ теченіе его я все больше былъ въ забытьи. Но странно, что впадая въ забытье, я ни разу не видалъ моего прежняго загадочнаго сна, — какъ будто онъ пропалъ, исполнивши, что было надо. Сновидѣнія были очень различны.

Иногда мнѣ видѣлся во снѣ нашъ пароходъ, наши матросы и пассажиры, и старичекъ генералъ, и ситцевая бабенка, и я самъ живу на этомъ пароходѣ, и все это такъ живо, что, приходя въ себя, я не хотѣлъ вѣрить глазамъ, что ничего этого уже нѣтъ давно. И снова странно и замѣчательно, что ни разу во снѣ не видалъ я среди пассажировъ ни перса, ни его восточной красавицы.

Чаще же всего мнѣ чудилось совсѣмъ не относящееся къ морской жизни моей. Мнѣ грезилось обычно, что въ одинъ лѣтній полдень я сижу у себя въ де-

ревнѣ на чьей-то заваленкѣ со старикомъ Силычемъ, какъ я сиживалъ, бывало, съ нимъ раньше.

— Все погорѣло, Петровичъ, все—шелеститъ мнѣ старый Силычъ и шелеститъ надъ самымъ ухомъ, но въ то же время словно бы изъ какой-то дали.— Акцію трудами накопилъ, въ сто рублей акцію, и акція погорѣла. Покойница старуха все бывало мнѣ говорила: положи, Силычъ, акцію въ сберегательную кассыю. Положи, Силычъ, акцію въ кассыю. Умирала, все ладила: говорю тебѣ, Силычъ, безъ акціи останешься. Ну, думаю, поспѣю еще. Поспѣю да поспѣю, то да се, а хвать она и сгорѣла у меня.

Силычъ крутитъ грустно лысой головой и вдругъ вскрикиваетъ надо мной громко и ясно.

— Петровичъ!

И я чувствую, что это зоветъ меня не Силычъ во снѣ, а кто-то другой, и не тамъ, не въ деревнѣ на завалинкѣ, а вотъ здѣсь гдѣ-то, около.

— А!—вскрикиваю я и прихожу въ себя изъ забытья.

Никого нѣтъ около. Только тѣ же зной и тишина, что и въ деревнѣ на завалинкѣ, да все та же блестящая морская пустыня передъ глазами, и нѣтъ ей ни конца, ни края, какъ жизни тягостной и бездольной—только гдѣ дождь идетъ, гдѣ солнце свѣтитъ по всей огневой пустынности ея!

Иногда другой сонъ, темный и трудный, грезился мнѣ. Онъ состоялъ въ томъ, что словно бы чей-то жалостный голосъ, будто бы мнѣ очень дорогой и мучительный, звалъ и звалъ меня на помощь, а я не могъ двинуть ни рукой, ни ногой, вскрикивалъ и просыпался въ отчаяніи.

Помню я, какъ облака проходили высоко надо мной, и птицы пролетали черезъ скалы, а я смотрѣлъ на нихъ съ завистью изъ своей раскаленной тюрьмы. Еще я помню, какъ разъ я увидалъ возлѣ себя на камнѣ муху, самую обыкновенную нашу муху. И мнѣ вдругъ вспомнилось, что теперь у насъ на сѣверѣ стоитъ осень. И словно живыми глазами увидалъ я вдругъ и туманъ на поляхъ, и первый колючій иней по верхушкамъ можжевельника и далеко вокругъ сжатыя поля, суровыя и темныя, и какъ ночь стоитъ тамъ сейчасъ, и какъ по осеннему красны огромныя звѣзды, и красна запоздалая зарница, и красенъ мѣсяцъ, поднимающійся за чернымъ туманомъ. Я помню, какъ потрясена и восхищена была душа моя этимъ представленіемъ, и какая тоска и упоеніе объяли ее.

Но подъ конецъ дня сознаніе мое такъ стало мутиться, что я началъ все забывать. И вотъ, словно сквозь очень мутный сонъ, я помню вдругъ, что я уже не лежу на сидѣніи, а стою на немъ, наклонясь впередъ. Я вижу, что передо мною лунная ночь, мѣдный мѣсяцъ бьетъ прямо въ глаза своей металлической пылью, и море свѣтится во всю ширь и даль свою ярко, призрачно и туманно. Но море словно бы не море, и мѣсяцъ не мѣсяцъ, а все такъ, какъ будто бы кто спитъ и грезитъ мною. Потомъ я вижу, какъ самъ я сгибаю колѣни и прыгаю въ лунную воду. Но для чего я все это дѣлаю, я не знаю.

Когда я наново совсѣмъ ясно начинаю все понимать, я вижу, что я лежу вверхъ лицомъ на двухъ широкихъ корабельныхъ доскахъ, а надо мною свѣтлое, голубое небо, чистое-чистое, какъ стекло. Стоитъ очень раннее утро, и тихо на небѣ, и тихо въ сердцѣ у меня.

Объясняя теперь все случившееся со мною, я догадываюсь, что, какъ ни теменъ былъ у меня разсудокъ, я все же замѣтилъ эти доски. Ихъ, вѣрно, гналъ мимо вѣтерокъ, и онѣ могли быть отъ нашего же парохода. Но мнѣ и сейчасъ страшно подумать, что, какъ я ни усиливаюсь, но не могу вспомнить, точно ли я видѣлъ ихъ.

Очнувщись, я увидѣлъ, что вокругъ меня только море, небо да солнце. И еще я чувствовалъ, что, какъ это ни чудесно, а я недавно пилъ. Я попробовалъ воду, она была прѣсная, видно, гдѣ-то впадала тутъ большая рѣка. И такъ кротко и не ярко было все вокругъ меня, и руки мои такъ ласково мочила теплая вода. Я засмѣялся про себя отъ радости.

Я ничего не видѣлъ передъ собой, кромѣ моря. Я думалъ, что теченіе или вѣтеръ тихо-тихо увлекаютъ меня все дальше, и я даже не зналъ, къ берегамъ или снова все больше въ открытое море. Но едва я засмѣялся отъ радости, внезапно какой-то восхищающій свѣтъ осѣнилъ меня, такой же тихій, спокойный и холодный, какъ и это чистое утро.

Ни родины, ни людей словно бы не стало у меня вдругъ, да и не было никогда, а былъ на всемъ свѣтѣ только я одинъ да вотъ это широкое, ясное небо. И совсѣмъ не надо было, чтобы я ужъ такъ заботился о своей жизни и пріискивалъ бы ей формы, а лучше жилъ бы, какъ попало.

«Да и что жизнь? и что смерть?—подумалось мнѣ, и, Господи, какъ неважно, какъ ничтожно было это все!

«И что самъ я?—сказалъ я снова себѣ, но и самъ я былъ никто и ничто.

Такъ долго лежалъ я, радуясь и счастливо разсуждая самъ съ собою—кажется, до того долго, что солнце уже стало переходить на западъ. Но, наконецъ, я очнулся отъ своихъ думъ и повернулся на другой бокъ. И, повернувшись, былъ такъ потрясенъ, что не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Я вовсе не плылъ по морю, а меня прибило къ самому берегу. Съ одной стороны я увидѣлъ въ отдаленіи ту площадку, на которой я ждалъ смерти, а съ другой—какой-то большой и пышный южный городъ. Дрожащими отъ слабости ногами, самъ дрожа отъ счастья, я побрелъ было къ нему по горячему сыпучему песку. Но мнѣ не суждено было уйти далеко. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я наткнулся на нѣчто новое поразительное. У самаго берега въ мелкой голубой водичкѣ, лежала голая волосатая рука мужчины, отвратительно согнутая въ предсмертномъ мученіи, и драгоцѣнный перстень на ней излучалъ снопы буйнаго свѣта. Это было мнѣ столь противно и жутко, что я потерялъ послѣднія слабыя силы. У меня потемнѣло въ глазахъ, и я тутъ же упалъ на песокъ безъ сознанія.

Когда я очнулся во второй разъ, я увидалъ надъ своимъ лицомъ кроткіе и нѣжные глаза печальной бѣдной дѣвушки. Въ ногахъ же у меня стоялъ Рябчикъ. Лицо его было самоувѣренно и торжествующе, и на одномъ изъ пальцевъ сіялъ дивный массивный перстень.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА.

Будучи въ отставкѣ, генералъ обычно жилъ у себя въ имѣніи, и три дня въ городѣ, куда онъ пріѣхалъ, чтобы посовѣтоваться съ городскимъ врачомъ о своей болѣзни, совсѣмъ истомили его скукой.

Въ гостиницѣ, дряхломъ, каменномъ строеніи, ему отвели лучшій номеръ на самомъ верху. Изъ окна номера была видна какая-то низкая крыша съ проржавѣвшимъ желѣзомъ, и на крышѣ валялся всяческій дрязгъ, заброшенный на нее мальчишками: палки, камни, мертвая ворона, мочальный хвостъ отъ змѣя, двѣ дранки съ ниткой. Черезъ крышу видна была торговая площадь съ пылью, мусоромъ, толстыми голубями и какой-то бѣлой вывѣской, на которой была нарисована спиралью колбаса и написано: завсегда московская. За площадью же вдали видны были поля, гдѣ съ рожью, гдѣ съ густой травой, и по полямъ вольно гулялъ вѣтеръ, лихо взметая подорожную пыль. Скучая, генералъ смотрѣлъ на эти поля, и его такъ тянуло поскорѣе снова въ ихъ пустынное, вѣтревое раздолье.

На третій день къ вечеру кучеръ Кузьма, сумрачный мужикъ съ очень длинными ногами, легко и

негромко подкатилъ крупную тройку къ крыльцу трактира, и генералъ Богъ знаетъ какъ обрадовался, когда опустилъ хилое тѣло свое на покойное сидѣнье. Коляска, попрыгивая, проѣхала по тряской мостовой, промелькули мимо дома, вывѣски и заборы съ бурьяномъ и крапивой, и колеса безшумно покатились по пыльному проселку. Совсѣмъ наступалъ вечеръ, ни одной человѣческой души уже не было ни на поляхъ, ни по дорогамъ, и тихо было всюду. Одни грачи, качаясь, ходили по пашнямъ и по бокамъ дороги.

Вѣтеръ не улегся и съ сухимъ шуршаніемъ неутомимо гналъ по дорогѣ пыль и мусоръ и стаи какихъ-то стремительныхъ пушинокъ, забиравшихся подъ самыя облака. Тускло и сине было въ темнѣющемъ воздухѣ, и прощальный свѣтъ солнца, садившагося мутно, но огнезарно и воспаленно, былъ непонятенъ, почти грозенъ, но въ то же время такъ праздниченъ и торжественъ.

Лишь только генералъ очутился среди полей, какъ скуку словно рукой сняло. Совсѣмъ смутныя, но поразительно пріятныя мысли потянулись въ головѣ подъ шелестъ колесъ и шлепанье лошадиныхъ копытъ въ пухлой пыли. Въ чемъ именно состояла небывалая пріятность этихъ мыслей, нельзя было бы разсказать, но за ихъ упоеніемъ генералъ совершенно не замѣтилъ, какъ лошади отхватали всѣ тридцать верстъ, какъ вдали поднялись изъ-за горизонта сизые верхи барскаго сада, а на темной землѣ свѣтло заблестѣлъ широкій рѣчной плесъ.

Имѣніе у генерала было довольно запущенное. Проѣзжая розовымъ гречневымъ полемъ, онъ уви-

дѣлъ, что весь конецъ поля стоитъ въ водѣ, и вода широко отражаетъ въ себѣ высокія полевыя облака, гдѣ желтыя, гдѣ красныя.

Генерала вышелъ встрѣтить управляющій, сѣдой, лохматый старикъ съ широкой бородой. Генералъ изъ бережливости ничего не тратилъ на представительство для управляющаго и держалъ его изъ простыхъ хозяйственныхъ мужиковъ. Управляющій этотъ былъ весьма глупъ, лѣнивъ и хитеръ. Единственно, что онъ считалъ полезнымъ по хозяйству, это стоять на-вытяжку передъ генераломъ, потому что тотъ былъ военный, и сколько возможно браниться съ рабочими, неистово тряся бородой.

Онъ вышелъ въ рубахѣ и помочахъ, въ рыжихъ башмакахъ на босую ногу и въ такихъ короткихъ штанахъ, что изъ-подъ нихъ видны были торчащія ушки башмаковъ и желтое тѣло.

Генералъ хотѣлъ было разсердиться на управляющаго за его упущеніе, но, вспомнивъ, что докторъ предписалъ ему полное спокойствіе, сказалъ мягко:

— Власъ, ты что же воду не приказалъ спустить съ гречихи? Не доглядѣлъ, что ли?

— Доглядѣлъ-съ. Приказано-съ, — отвѣтилъ Власъ ласкательно.

Но этотъ пріемъ казаться неукоснительнымъ генерала обманывалъ только первое время. Онъ зналъ, что только послѣ него управляющій отдастъ приказаніе. И все такъ же, не сердясь, помня о своемъ нездоровьѣ, генералъ пошелъ въ домъ.

— Ну, что ты, мой хорошій, какъ? — спросила жена, цѣлуя его и улыбаясь. — Что докторъ?

— Немного сердце, но ничего особеннаго. Діэта и спокойствіе, — отвѣтилъ генералъ, также улыбаясь.

Бесѣда съ управляющимъ была послѣднимъ хозяйственнымъ распоряженіемъ генерала. Въ точности исполняя предписанія доктора, генералъ всѣми силами началъ стараться не нарушать своего сердечнаго спокойствія. Онъ бродилъ по имѣнію, но ни во что не вмѣшивался и не вникалъ, чтобы какъ-нибудь нечаянно не разстроиться. Иногда онъ что-нибудь читалъ для развлеченія, что-нибудь легкое и неутомительное, или о чемъ-нибудь мечталъ, стараясь находить пріятныя воспоминанія. Первое время особенно хорошо помогало ему перебирать воспоминанія о его поѣздкѣ въ городъ и о визитахъ къ доктору. Для этого онъ нарочно уходилъ куда-нибудь подальше въ поле, выбиралъ совсѣмъ пустынное и тихое мѣстечко и углублялся въ свои мысли.

«Такъ-съ, отлично, — говорилъ онъ себѣ, уютно углубляясь. — Такъ что онъ сказалъ мнѣ тогда самое первое? О томъ, что не серьезно? Ахъ, нѣтъ, онъ сказалъ, что у меня вообще хорошее тѣлосложеніе».

И, улыбаясь, генералъ подробно вспоминалъ всѣ слова доктора и свои, проходилъ памятью всѣ разговоры и повторялъ ихъ наново.

Но въ концѣ-концовъ и воспоминанія эти, и всяческія мечтанія, и чтенія, и безцѣльныя прогулки— какія генералъ себѣ измышлялъ — все ему донельзя надоѣло, и онъ все же вновь попалъ въ то странное положеніе, въ которомъ уже очутился однажды въ городѣ. Началась та же самая скука, что и въ городѣ. Она не оставляла его по цѣлымъ днямъ и стала изводить его медленно, но вѣрно и

какъ бы разсудительно. Покорялся ли ей генералъ, или терялъ послѣднее терпѣніе и возмущался, она все равно увеличивалась и увеличивалась, и нарастаніе ея было незамѣтно, но неотразимо, какъ смерть.

Лѣто стояло сухое, знойное, безвѣтряное, и одинъ только разъ былъ большой дождь, тотъ самый, который залилъ гречиху. Исполнивши утромъ докторскія предписанія, генералъ уходилъ въ садъ и сидѣлъ безъ дѣла гдѣ-нибудь въ тѣни. Было очень душно, тяжко. Вокругъ рѣзко свѣтило солнце, по дорогѣ тянулись съ вѣчнымъ скрипомъ возы, и пыль послѣ нихъ не садилась, а такъ и стояла въ неподвижномъ воздухѣ среди солнечныхъ лучей, просвѣчивая сквозь плетень сада и листву. И генералу казалось, что и этотъ бѣлый свѣтъ солнца, и рыжая пыль эта стоятъ тутъ вѣка, что онъ, генералъ, видѣлъ ихъ всю жизнь свою и даже еще раньше. И въ этомъ была большая скука, такая тягучая, такая неумная.

Генералъ уходилъ въ малинникъ, грустно думая позабавиться ягодами, какъ онъ дѣлалъ это маленькимъ. Онъ садился здѣсь въ высокую траву и ѣлъ ягоды, а кругомъ стояла глухая, зеленая заросль, и было здѣсь еще горячѣе и тяжче. И солнце пекло, и нѣмота была надъ землей. Только тоненькій дѣвическій голосокъ поетъ невнятно гдѣ-то на полѣ, или въ пустой деревнѣ вдругъ спроситъ иной разъ кого-то грубый, мужской голосъ:

— Ну? еще чего?

Ему никто не отвѣтитъ, и опять тихо, только поетъ вдали тоненькій дѣвическій голосокъ. Потомъ

пѣтухъ вдругъ заоретъ какимъ-то страшнымъ ослинымъ голосомъ и щелкнетъ крыльями, и прежній грубый голосъ скажетъ опять:

— Жижу выпусти! — скажетъ и снова умолкнетъ, и умолкнетъ также-и дальній дѣвическій голосокъ, и тогда наступитъ вдругъ совсѣмъ мертвое безмолвіе.

Ни одна травка не колыхнется, и недвижимы сами легкія облака въ голомъ, недосягаемомъ небѣ. И такъ тошно, такъ трудно живому сердцу въ этой вселенской тишинѣ и молчаніи.

Такъ проходили у генерала дни за днями, но какъ, собственно, проходили они, генералъ и представить себѣ не могъ. Очень рѣдко ему удавалось разсѣяться. Это было тогда, когда къ нему пріѣзжали любимые гости, гимназистка-племянница Лиля и дальній родственникъ-студентъ Володя. Оба они много смѣялись, особенно Лиля. Указывая на студента, Лиля вдругъ кричала:

— Какъ онъ куритъ! Посмотрите, какъ онъ куритъ! Да вы совсѣмъ не умѣете курить! Вы!

Студентъ, который недавно началъ курить, конфузился.

— Какое же тутъ умѣніе? — говорилъ онъ. — Всѣ такъ курятъ.

— Да? Вы такъ полагаете? — спрашивала Лиля, пристально щуря на студента свои темные глаза. — Дядя, вѣрно это?

— Конечно, вѣрно, — спѣшилъ сказать генералъ и радовался, что онъ говоритъ.

Но Лиля уже перебивала его и кричала снова студенту.

— Такъ вы утверждаете, что поразительно умѣете курить?

— Да Богъ съ вами...—начиналъ было студентъ.

— Плоско, въ высшей степени плоско!—кричала Лиля очень высокимъ голосомъ.—Вы бы еще попробовали не бриться и отпустить бородку на два кончика врозь!

И двумя пальцами рогулькой она показывала у своего подбородка, какъ ей представляется отпущенная на два кончика бородка. Всѣ смѣялись, смѣялся и генералъ, больше всего радуясь своему смѣху.

Но всего этого смѣха было очень мало, и каждый разъ генералъ насилу-насилу дожидался, наконецъ, ночи. Во снѣ скука отлегала отъ сердца, во снѣ генералъ отдыхалъ душою, и ночь проходила незамѣтно. Но на завтра наставалъ опять ослѣпительный день, горячій, солнечный свѣтъ, вѣчная синева небесная и безмолвіе, и скука, и тоска.

Но положеніе генерала сдѣлалось еще тягостнѣе послѣ того, какъ предстало передъ нимъ во всей своей голой правдивости и неподкрашенности.

Разъ генералъ проснулся среди ночи. Небо уже свѣтало. Прямо въ окно виднѣлся полный мѣсяцъ, и ночной свѣтъ его странно, удивляя, смѣшивался съ безмятежнымъ голубымъ свѣтомъ настающаго предутрія. Только въ глубинѣ комнаты по темнымъ угламъ онъ стоялъ все еще по-ночному свѣтлымъ и дымнымъ. Гдѣ-то въ дальнемъ селѣ зазвонилъ тягуче колоколъ и еще больше напомнилъ объ утрѣ, и въ утренней тишинѣ была та безмятежность, ясность и благо, какія бываютъ на свѣтлѣющей, но еще не проснувшейся землѣ.

Пробудившись чѣмъ свѣтъ генералъ сперва этого не замѣтилъ и лежалъ съ радостнымъ ощущеніемъ

только что бывшаго отдыха, удовольствія и интересности, какіе онъ всегда испытывалъ послѣ сна. Безъ мыслей смотрѣлъ онъ на стѣну, какъ неясная картина на ней все прояснялась и уже можно было разобрать очертаніе чьей-то головы, и какъ на небѣ стали свѣтать какіе-то небесные лѣса, густо-синіе овраги и горніе источники межъ серебристыхъ береговъ. И генералу отчего-то пришла на умъ Лиля и студентъ, пришла на умъ ихъ молодость и обольстительная полнота жизни ихъ, и щедрость, и расточительность ея, и генералъ усмѣхнулся на нихъ.

«Вотъ и у меня когда-то было такое же удивительное, — подумалъ онъ и улыбаясь, и жалѣя себя. — А теперь не то, совсѣмъ-совсѣмъ не то».

И тутъ онъ вдругъ нечаянно сравнилъ, что у него было когда-то и что есть теперь, сравнилъ и поразился. На этотъ разъ теперешнее положеніе его показалось ему до того неожиданно, до того плохо и непоправимо, что просто невозможно было повѣрить всему этому. Но какъ разъ въ это время онъ увидалъ еще, что онъ проснулся, что теперь еще совсѣмъ раннее утро и что, стало быть, впереди предстоитъ безконечно длинный лѣтній день со всей его скукой и ненужностью.

— Ахъ, бѣда! Ахъ, какая бѣда!—воскликнулъ генералъ въ тоскѣ и сильно пугаясь.

Тутъ ему стало еще, Богъ вѣсть отчего, припоминаться, какъ жилъ онъ дальше, за молодостью, цѣлые длинные годы вплоть до сегодняшняго дня. И онъ увидѣлъ, что жить съ каждымъ днемъ было все скучнѣе и скучнѣе. Жизнь уже все больше начинала повторяться, стала возвращаться по многу разъ все

къ однимъ и тѣмъ же удовольствіямъ и къ однѣмъ и тѣмъ же заботамъ. Иногда онъ даже жилъ и совсѣмъ нехорошо, пагубно для здоровья и сердца. Но все же и тогда еще было очень многое, что отлично наполняло дни, и все же тогда и подумать невозможно было, чтобы его когда-либо могла постигнуть такая жизненная нищета, убожество и скупость, въ какихъ онъ былъ теперь. И опять ему пришла на память расточительная щедрость юныхъ дней, и еще горче стало на душѣ у него.

— Ненужные дни!—сказалъ генералъ вслухъ съ горечью.—Напрасные дни! Напрасная жизнь!

И такъ вдругъ затосковало все сердце его и вся душа его, что онъ сталъ призывать къ себѣ эти дни. Онъ звалъ молодость свою и счастье, и полноту жизни, и даже послѣдніе, уже дряхлѣющіе годы. Онъ лежалъ и призывалъ ихъ тихо и страстно и не хотѣлъ понимать, что того, что онъ зоветъ, давно уже нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ.

Само собою разумѣется, генералъ и раньше зналъ, что каждому бываетъ въ жизни скучно. Но такъ какъ никто не обращалъ на это его вниманія, то самъ онъ никогда не придавалъ этому значенія и надъ смысломъ скуки этой не задумывался. Да, собственно, у него никогда и въ мысляхъ не было, чтобы она могла принимать такой ядовитый, такой смертоносный оттѣнокъ. Онъ никогда и помыслить не могъ, чтобы внѣ житейскихъ занятій и удовольствій, внѣ службы его и работы, по ту сторону того, что обычно наполняло ему жизнь, чтобы тамъ была такая скука и пустота, и только одна пустота и скука.

Когда генералъ думалъ, какой, въ сущности, тонкой перегородкой отдѣлялся онъ всегда отъ своего настоящаго положенія, онъ всегда приходилъ въ сильный испугъ. Вѣдь, собственно, уже давно, почти съ самой середины жизни, у него остались однѣ хозяйственныя хлопоты, да и то небольшія, да и то тянувшіяся безвкусно, и, собственно, онѣ однѣ еще кое-какъ застилали отъ глазъ истинный смыслъ жизни. И каждый разъ генералъ совсѣмъ не понималъ, какъ онъ могъ столь долгіе годы находиться въ такой ослѣпленности и неразумѣніи.

Какъ это ни странно, но въ эти угрюмые дни генералу суждено было еще разъ ощутить въ себѣ на мигъ ту загадочную преграду, которая столь надежно отдѣляла его въ молодые годы отъ міра безплодія и несчастія, въ какомъ онъ былъ теперь. Мигъ этотъ освѣтилъ ему его сумрачные дни, какъ осенью солнечный лучъ освѣщаетъ слѣпое и туманное ненастье—и свѣтло и безпомощно, и прелестно и грустно, и былъ онъ, собственно, послѣдней вспышкой догорающей человѣческой жизни.

Генералъ вышелъ какъ-то разъ погулять въ поле. Это было въ какой-то лѣтній праздникъ, и на деревнѣ генералъ увидѣлъ, что всѣ мужики и бабы вышли на улицу, чтобы весь день съ ранняго утра до самой темной ночи провести совершенно праздно. Раньше генералъ хорошо зналъ, какъ можно быть подолгу празднымъ, но теперь забылъ и не хотѣлъ этому вѣрить.

Разсуждая объ этомъ самъ съ собою, онъ пошелъ во ржи по какой-то старой дорогѣ, уже заросшей травой. Дорога была узенькая, а рожь сильна и под-

нималась по бокамъ глухими стѣнами выше самой головы. Весь тѣсный проулочекъ дороги былъ могущественно наполненъ цвѣточной и ржаной пылью, густымъ запахомъ травы и полыни, а дальнiй конецъ стоялъ сплошь розовымъ отъ дремы. День, какъ обычно, былъ безвѣтренъ, душенъ, зноенъ и тихъ. Генералъ легъ на дорогѣ вверхъ лицомъ и сталъ безъ думъ смотрѣть въ жаркое небо. Что-то крошечное черное мелькнуло мимо глазъ, не то мошка передъ глазами, не то птица подъ солнцемъ, еле видная въ поднебесьѣ. Сбоку у самыхъ глазъ стояла запутанная чащура ржаныхъ стеблей, и лиловый колокольчикъ свѣсился надъ лицомъ генерала на слабенькой ножкѣ. Тощая зелененькая мушка сѣла ему на руку. Генералъ подулъ на нее, чтобы согнать, но она напрягла всѣ свои силы, уцѣпились за какой-то волосокъ, и хилыя ножки ея подкосились и задрожали отъ усилiя.

Генералъ разсмѣялся на нее и тутъ почувствовалъ вдругъ внутри себя что-то особенное, что-то очень ясное, свѣтлое. Вдругъ какъ бы черная, зловѣщая завѣса, до сихъ отдѣлявшая его отъ прежнихъ, давнихъ радостей, перемѣстилась, изумляя и восторгая, и теперь отдѣлила его отъ всей боли и страха его. И весь мiръ со всѣмъ свѣтомъ своимъ вошелъ и всталъ у него въ душѣ. И онъ почувствовалъ, что онъ, генералъ, такой отличный отъ другихъ, у котораго есть до того интимныя движенiя души, что ихъ и не разсказать другому, что этотъ генералъ, собственно, то же самое, что и дорога, и цвѣты, и солнце, что онъ даже вовсе и не генералъ, а просто маленькiй, старенькiй и немудреный человѣчекъ, какъ не-

мудрено и все кругомъ. И у человѣка этого такое совсѣмъ простое, солдатское сердце, и сердце это все еще такъ молодо, все еще такъ весело и все еще такъ хочетъ радоваться всему, что ни есть на свѣтѣ. Съ сильнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ генералъ на себя и увидѣлъ руки и ноги свои, брюки и сапоги, и все это увидѣлъ онъ вдругъ въ какомъ-то очень ясномъ, спокойномъ и восхищающемъ освѣщеніи, еще болѣе прекрасномъ, чѣмъ свѣтъ самого Божьяго дня. И второй разъ онъ почувствовалъ въ себѣ простое и спокойное солдатское сердце, такое еще молодое, такое веселое. Генералъ засмѣялся отъ удовольствія и радостнаго изумленія.

«Это я впадаю въ дѣтство», подумалось ему между тѣмъ про себя, и опять онъ засмѣялся, но не тому, что онъ впадаетъ въ дѣтство, а снова удивительной радости своей.

Все это было очень хорошо, но, къ несчастью, не надолго. Когда онъ послѣ этого снова подходилъ къ своему дому и увидѣлъ снова управляющаго Власа, какъ вновь вся прежняя муть и тусклость вошли въ душу, и стало вновь очень далеко отъ смѣха. Вновь сдѣлалось до отвращенія противно и тошно, и онъ подумалъ горестно:

«Хоть бы ужъ одинъ конецъ, что ли».

— Что ты, милый?—спросила жена, встрѣчая его.

— Такъ, ничего, мой другъ,—отвѣтилъ онъ и глубоко вздохнулъ.

— Ну да, ну да!—сказала вновь жена съ улыбкой и съ такимъ видомъ, что она все понимаетъ.—Ничего, мой дорогой! Это ты боленъ. Потерпи, милый, все пройдетъ.

Но онъ только еще разъ глубоко вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ на это. Что могли значить для него ея слова? Онъ хорошо видѣлъ, что дѣло тутъ не въ болѣзни. Болѣзнь тутъ была одна, и болѣзнь застарѣлая, неисправимая—это сама голая жизнь, не прикрашенная ни забавами, ни работой, та жизнь, съ которой снято все, что застилало и обманывало глаза.

Такъ генералъ жилъ и мучился, и никто не понималъ, что происходило въ душѣ его. А между тѣмъ уже подходила осень, свѣтъ дневной сдѣлался скупъ, мутенъ и холоденъ, стали буйно задувать вѣтры, и если когда-нибудь сквозь туманъ и облака прорывался скудный солнечный лучъ, то и лучъ этотъ тянулся поверху куда-то далеко за лѣса и степи.

Томленіе генерала проходило только во снѣ. Правда, засыпая, онъ опять вступалъ въ какое-то подобіе все той же жизни. Но жизнь эта была совсѣмъ не такая, какъ наяву. Тамъ онъ участвовалъ въ какихъ-то непонятныхъ, запутанныхъ и все время очень интересныхъ происшествіяхъ. Иногда онъ участвовалъ сразу во многихъ снахъ, иногда просыпался изъ одного сна въ другой; иногда, заснувши, какъ бы заставалъ еще прежній сонъ, начавшійся иной разъ даже и не вчера, а когда-то давно. И словно бы заставши во снѣ этомъ нѣкоторое дальнѣйшее теченіе происшествій, онъ долго не понималъ, что здѣсь успѣло совершиться за время его отсутствія, и, наконецъ, осваивался какъ-то, какъ это можно сдѣлать только во снѣ. И, участвуя во всей этой путаницѣ и нелѣпости, онъ, главное, не чувствовалъ теченія времени, медленности и мертвен-

ности его. Во снахъ время дѣвалось куда-то, и вся необычайная жизнь ихъ ободряла усталую душу.

Но зато, просыпаясь ото сна окончательно, чтобы начать жить, генералъ каждый разъ падалъ духомъ еще больше.

— Ахъ, какъ скверно вышло! Ахъ, какъ все скверно вышло!—говорилъ онъ въ безсиліи и угнетенности и видѣлъ ясно, что никакого выхода ему нѣтъ и не будетъ, словно все это такъ ему на роду написано.

За недѣлю до смерти, уже совсѣмъ зимой, генерала свезли въ лѣчебницу. Въ лѣчебницѣ оказалось, что болѣзнь зашла очень и очень далеко, и что нужна безотлагательная операція, да и то исходъ операціи уже теперь могъ быть неопредѣленнымъ. Операцію сдѣлали, но она не одолѣла болѣзни. Послѣ операціи генералъ впалъ въ забытье и уже подолгу не выходилъ изъ него.

Умираніе шло совершенно спокойно. Все время, всѣ минуты тонули для больного въ какомъ-то одномъ смутномъ, но очень томномъ, очень сладкомъ лепетѣ. Правда, въ забытьи его сначала очень безпокоилъ старшій сынъ, давно убитый на дуэли. Сынъ этотъ при жизни своей всегда разстраивалъ генерала постоянными просьбами о деньгахъ и теперь, въ бреду, приходилъ къ генералу все съ тѣмъ же. Генералъ возмущался и гнѣвно топалъ на него ногами, какъ это дѣлалъ и будучи здоровымъ, и только послѣ этого сынъ вновь исчезалъ въ свое загадочное небытіе. Но вскорѣ и сынъ пересталъ являться совсѣмъ, и время снова наполнилось однимъ нѣжнымъ шелестомъ.

Иногда больной приходилъ въ себя и равнодушно оглядывалъ больничныя стѣны; если же это было ночью, то смотрѣлъ на свѣчку, которую, снисходя къ его больной прихотливости, ему поставили на столикъ. Онъ смотрѣлъ, какъ она сгорала тихо, безбольно и свѣтло, вся въ ясныхъ золотыхъ лучикахъ, но въ глазахъ его все такъ же не было ни къ чему никакого участія.

Какимъ-то тайнымъ знаніемъ генералъ очень хорошо зналъ, что теперь уже умретъ онъ непремѣнно, что ужъ ничья ласковая рука не уведетъ его въ тѣ далекіе дни, гдѣ были здоровье, сила, веселость и крѣпкое, бѣлое тѣло безъ этой жуткой раны въ боку.

Самое первое время онъ еще раскаивался, что допустилъ себя оперировать. Онъ не помнилъ, какъ самъ же надѣялся на эту операцію, и, забывши это, даже негодовалъ на докторовъ. Но затѣмъ это прошло. Ему разсудилось какъ-то само собой, что вѣдь жить все равно уже незачѣмъ, умираніе же происходитъ спокойно, безболѣзненно и довольно чистоплотно — чего же нужно было желать еще? Первое время, кромѣ сына, были и еще кое-какія сновидѣнія, которыя тревожили генерала. Такъ, былъ одинъ какой-то огромный старикъ, котораго генералъ увидалъ однажды во время забытья. Разъ генералъ увидѣлъ тѣ самые луга, по которымъ его везъ когда-то изъ уѣзднаго города въ имѣніе длинноногій кучеръ Кузьма. Должно быть, тѣло генерала въ это время было распалено жаромъ, потому что по лугамъ этимъ теперь всюду густо выпалъ снѣгъ, и дорога тоже была снѣжная. На лугахъ все было очень тихо и пустынно, только

дикій чернобыльникъ отчетливо чернѣлъ мѣстами на снѣгу, да мерещилась вдали бѣлая колокольня, сплошь осыпанная порошей, да вѣтеръ передувалъ полевую дорогу летучей снѣжной пылью. А по дорогѣ, подпираясь дорожною клюкой, идетъ неспѣшно сѣдовласый, дряхлѣющій старикъ со слѣпыми глазами, и неподвижные глаза эти страшны. Чужой же голосъ чей-то говоритъ гдѣ-то и повторяетъ:

— Ослѣпленный! Идетъ ослѣпленный!

И это тоже очень пугало и больному стало казаться, что если старикъ скажетъ ему что-нибудь, то отъ ужаса, Богъ знаетъ, что можетъ случиться.

И едва онъ объ этомъ подумалъ, какъ старикъ на самомъ дѣлѣ началъ поворачивать къ нему голову и раскрывать мертвенныя ужасныя уста свои.

Больной вскрикнулъ и пришелъ въ себя. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что ночь и что недалеко утро. Онъ увидѣлъ столикъ, заставленный лѣкарствами, и свѣчу, которая, догорая, колебалась послѣднимъ пламенемъ, а черныя тѣни все тѣснѣе обступали ее. Сквозь морозное стекло, разрисованное серебристыми узорами, косо свѣтила луна, и мирный лучъ ея, задѣвая кровать, зажигалъ на ней призрачнымъ свѣтомъ никелированные шарики.

Увидѣвши свѣчу, лѣкарство и, главное, никелированные шарики, генералъ понялъ, что страшный старикъ живъ лишь во снѣ, успокоился, опять закрылъ глаза и снова впалъ въ забытье. Но едва онъ впалъ въ забытье, какъ пугающій старикъ наново показался передъ глазами. Теперь онъ стоялъ вплотную у постели, словно бы за это время онъ успѣлъ пройти весь лугъ. И старикъ сейчасъ же сталъ го-

ворить генералу что-то такое ужасное и очень понятное. Больной снова вскрикнулъ и снова очнулся.

Такъ старикъ этотъ тревожилъ генерала всю эту ночь и исчезъ только черезъ нѣсколько ночей. Но зато исчезъ онъ уже окончательно.

Вотъ, собственно, было и все, что еще временами трудно волновало умирающаго. Дальше же, когда все завершилось, остался уже одинъ все тотъ же прежній шопотъ, еле слышный и чарующій, и началась сложная и интересная жизнь безъ времени и мѣста, среди какихъ-то мерцающихъ призраковъ, то смѣшныхъ, то сладко пугающихъ, то прелестныхъ, то уродливыхъ. Только самое короткое время генералъ былъ нѣсколько чужимъ среди нихъ, да и то потому, что еще, пусть изрѣдка, но все же возвращался къ дѣйствительности. Когда же и это все завершилось, онъ быстро втянулся, сталъ все понимать и съ великимъ наслажденіемъ участвовать въ ихъ странныхъ дѣлахъ.

Тѣло генерала распалялъ внутренній огонь, но чѣмъ хуже становилось тѣлу, тѣмъ глубже дѣлалось забытье и тѣмъ ярче и великолѣпнѣе разгорался новый міръ генерала. Надъ нимъ говорилъ профессоръ, показывая студентамъ болѣзнь его, надъ нимъ плакала жена, но генералъ уже ничего не могъ слышать, ибо былъ въ той недосягаемой дали, куда не можетъ долетѣть ни одинъ житейскій крикъ, хотя бы самый нечеловѣческій.

Въ одну изъ тихихъ минутъ, свободную отъ страданій, генералъ какъ-то на мигъ пришелъ въ себя и увидѣлъ около жену съ припухшими глазами. Онъ удивился ей, удивился, что она все еще есть — та-

кой невѣроятной показалась ему мысль, что его прежняя жизнь все еще гдѣ-то продолжается. Онъ думалъ, что жизнь только одна, та, которой онъ живетъ теперь.

— Ну, что, мой дорогой? Какъ у тебя самочувствіе? — спросила жена.

— Ничего, слава Богу, — привычно отвѣтилъ генералъ совсѣмъ безразлично, да и плохо соображая, о чемъ это его спрашиваютъ.

— Ну, слава Богу лучше всего. Теперь ты можешь скоро выздоровѣть, — сказала жена и улыбнулась по привычкѣ всепонимающей улыбкой, хотя понимать ей теперь было совсѣмъ нечего.

Генералъ услыхалъ слово «выздоровѣть» и удивился ему. Онъ смутно помнилъ, что это что-то очень знакомое и утѣшительное, но въ то же время совсѣмъ какъ-то забылъ, что выражаютъ имъ обычно, и не понялъ его.

«Какъ это такое? — подумалъ онъ и сталъ соображать.

— Ахъ, да! — догадался онъ, наконецъ. — Это чтобы мнѣ опять стало скучно».

И онъ усмѣхнулся про себя людской наивности.

«Но вѣдь что они могутъ знать?» подумалъ онъ о людяхъ съ сожалѣніемъ.

Онъ представилъ себѣ всю легкость, свободу и интересность того новаго чудеснаго міра, который онъ узналъ теперь, и снова посмѣялся тайно и сладко въ душѣ своей надъ людской наивностью.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

19. А. Ремизовъ—Укрѣпа.
20. А. Ремизовъ—Чаемый Царьградъ. Обложка Н. Гончаровой.
221. Ѳ. Сологубъ—Барышня Лиза. Обложка иллюстраціи С. Судейкина.
2. Н. Олигеръ — Разсказы. Обложка С. Судейкина.
23. С. Ауслендеръ—Сердце воина.
24. Д. Цензоръ—Обиженная любовь. Стихи.
25. Яковъ Годинъ—Праздникъ. Стихи.
26. А. Рославлевъ — Кольцо. Стихи. Обложка Д. Митрохина.
27. Юрій Слезкинъ, т. II, III, IV, V, VI.

Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

Петроградъ, Улица Жуковскаго, д. 7, кв. 56.